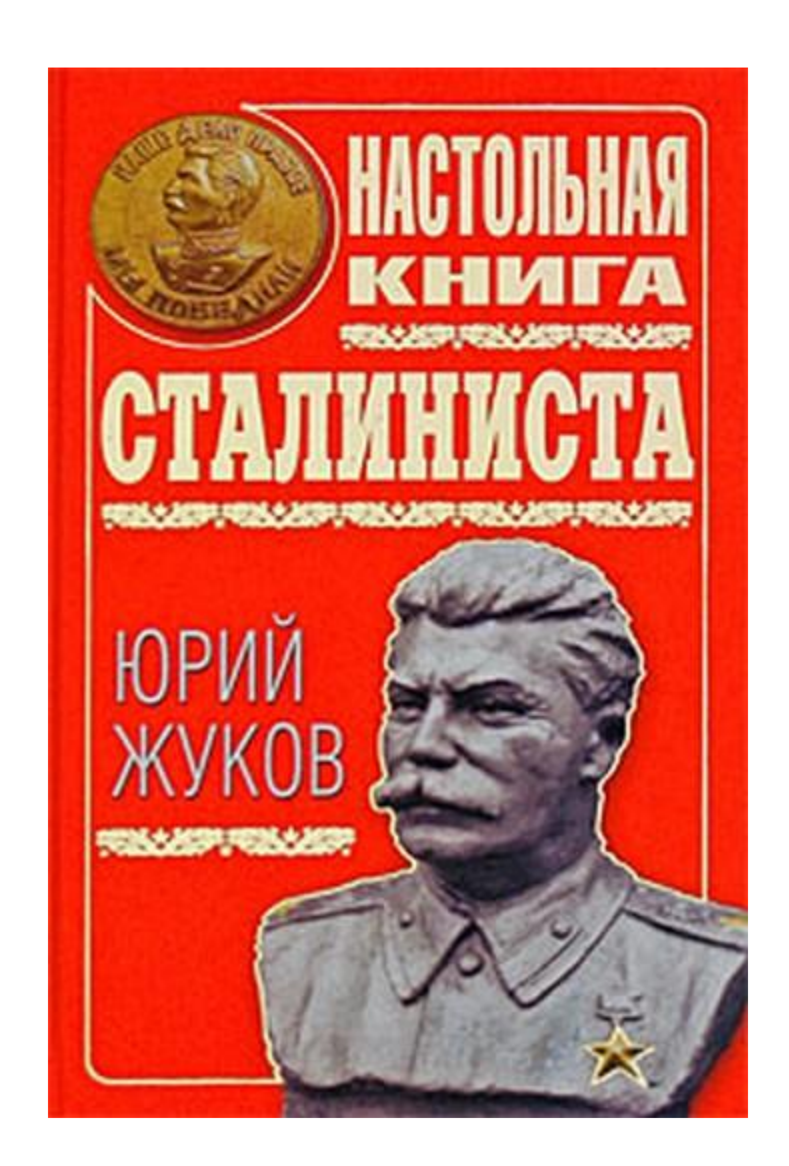
ЖУКОВ Юрий

Настольная книга сталиниста

Глава 1
Загадки и тайны советской истории
Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова

Шестьдесят пять лет назад в Смольном прозвучал роковой выстрел Николаева. Был убит член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии С. М. Киров. За истекшие годы четыре комиссии, последовательно создававшиеся после XX съезда КПСС, вновь и вновь изучали обстоятельства этого преступления. Результатом их работы стала реабилитация почти всех, кого обвиняли в причастности к убийству Кирова. Однако ни один документ из многотомного «дела», возникшего в НКВД в декабре 1934 — марте 1935 гг., «дела», хранящегося в оригинале в Центральном архиве ФСБ и продублированного на 75 % копиями в Российском государственном архиве социально-политической истории, в личном

фонде Н.И. Ежова, так и не был опубликован. При Сталине и Хрущёве, Брежневе и Горбачёве «дело» оставалось засекреченным и ныне остается недоступным для исследователей, хотя не содержит ничего, что можно было бы истолковать как государственную тайну, а публикацию — как наносящую ущерб национальным интересам.

Между тем ни один историк, изучающий историю СССР, не может пройти мимо убийства Кирова, справедливо связывая его с важнейшим, поворотным моментом в жизни страны. Однако из-за невозможности опереться на достоверные, неоспоримые факты многие исследователи пишут о прямой причастности Сталина к убийству Кирова и лишь на основании такого предположения превращают покушение Николаева в отправную точку массовых репрессий. Пока несомненными остаются два факта. Николаев действительно убил Кирова. Сталин же использовал происшедшее в своих целях. Все остальное, что же на самом деле случилось в Смольном, почему для Сталина именно это событие стало решающим для начала открытой борьбы со своими политическими противниками, ещё требует мотивированных ответов.

Убийство

Все детали убийства Кирова легко воссоздаются по сохранившимся документам, датированным первыми днями декабря 1934 г. По телеграммам, рапортам, медицинским заключениям. По протоколам допросов как Л. В. Николаева, так и десяти свидетелей, дававших показания в первый же день трагического происшествия, всего через два-три часа после убийства.[1]

Из протокола допроса Николаева 9 декабря: «Как вы провели день 1 декабря вплоть до момента убийства?

— В этот день должен был состояться актив по вопросам об итогах Пленума.[2] Я дважды звонил жене на службу и просил достать билеты на актив. К часу дня я выяснил, что жена не сможет достать билеты, поэтому после часа я поехал в Смольнинский райком партии — Проспект имени 25 октября, где обратился к сотрудникам районного комитета Гурьянову и Орлову с просьбой дать мне билет на актив. Гурьянов отказал, а Орлов обещал, предложив прийти за ним к концу дня.

Для страховки я решил съездить в Смольный и там попытаться через знакомых сотрудников городского комитета получить билет. С 1 часа 30 минут дня до 2 часов 30 минут дня я находился в здании Смольного, «наган» был при мне».

Из показаний сотрудницы отдела руководящих партийных органов Ленинградского горкома А. П. Бауэр-Румянцевой, данных 1 декабря: «1 декабря в начале 15 часов вошел в комнату № 431 на третьем этаже Николаев, работавший в РКИ в Смольном и числившийся там, и обратился ко мне с просьбой дать ему пропуск на актив. Я ему ответила, что у меня пропуска нет и мы сами не идем. Тогда он меня спросил, где сидит Смирнов, работающий по кадрам. Я ему сказала, что Смирнов сидит в комнате рядом».

Из показаний Николаева от 9 декабря: «Встретил сотрудников Денисову, Шитик, Смирнова, Ларина, Петрошевич — у всех просил билет. Только один Петрошевич обещал дать билет, но только к концу дня. В ожидании конца дня я решил погулять возле Смольного, полагая, что скорее всего получу билет у Петрошевича. По истечении часа вновь зашёл в Смольный».

Показания П. П. Лазюкова, сотрудника оперативного отдела[3] (далее — оперод) Управления НКВД по Ленинградской области, 1 декабря, в кратком изложении. «Заступил на пост вместе с К.М. Паузером у дома, где проживал Киров — проспект Красных зорь, дом 26/28, в 9 часов 30 минут утра. В 16:00 Киров вышел из дому по направлению к Троицкому мосту по правой стороне. Впереди него шел сотрудник оперода Н.М. Трусов, Лазюков и Паузер сзади, в десяти шагах. У моста Киров сел в свою машину, а охрана — в свою и поехали по маршруту Троицкий мост — набережная Жореса — Литейный проспект — ул. Воинова — ул. Слуцкого —

ул. Тверская — Смольнинская площадь. Машина т. Кирова въехала в ворота, а мы задержались у стоянки. Т. Паузер первый выскочил из машины, а я остался сзади него. Тов. Кирова у ворот Смольного встречали Александров, Бальковский и Аузен (сотрудник наружного наблюдения), которые приняли его. Я и Паузер остались в вестибюле Смольного ждать т. Кирова».

К. М. Паузер, сотрудник оперода УНКВД, 1 декабря: «На подъезде Смольного стояли т. Борисов — оперативный комиссар, и помощник коменданта Смольного т. Погудалов. Все мы, т. е. я, Лазюков, Аузен, Бальковский, Борисов и Погудалов вошли в вестибюль, довели т. Кирова до дверей, ведущих к лестнице на верхние этажи. Я, т. Лазюков, т. Погудалов остались у дверей, а т. Борисов, т. Аузен и т. Бальковский отправились по лестнице за т. Кировым».

М. В. Борисов,[4] сотрудник оперода УНКВД, 1 декабря: «Добравшись до коридора, я шел по коридору от него (Кирова. — ***Ю.Ж.***) на расстоянии 20 шагов. Не доходя двух шагов до поворота в левый коридор, я услыхал выстрел. Выбежав на левый коридор, я увидел двух лежащих у дверей приемной т. Чудова. Лежали они на расстоянии 3/4 метра друг от друга. В стороне от них лежал «наган». В том же коридоре, я видел, находился монтер областного комитета Платоч. Тут же выбежали из дверей работники областного комитета. Их фамилии я не помню».

Николаев, показания 9 декабря: «По истечении часа вновь зашел в Смольный,[5] вошёл в уборную. Выйдя оттуда, увидел Кирова, направлявшегося в свой кабинет. Это было на третьем этаже здания, было примерно 4 часа 30 минут вечера». Из показаний Николаева от 3 декабря: «Выйдя из уборной, я увидел, что навстречу мне, по правой стороне коридора, идет С. М. Киров на расстоянии от меня 15–20 шагов. Я остановился и отвернулся к нему задом, так что когда он прошёл мимо меня, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя шагов на 10–15, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошёл за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул за угол налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста — я побежал шагов за пять, вынув «наган» на бегу из кармана, навёл дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз. Я повернул назад, чтобы предотвратить нападение на себя сзади, взвёл курок и сделал выстрел, имея намерение попасть себе в висок. В момент взвода курка из кабинета напротив вышел человек в форме ГПУ, и я поторопился выстрелить в себя. Я почувствовал удар в голову и свалился».

С. А. Платоч, монтёр Смольного, из показаний 1 декабря: «Дойдя по коридору до угла левого коридора, мы (и кладовщик Г. Г. Васильев. — ***Ю.Ж.***) увидели, что с нами поравнялся т. Киров, Васильев попросил меня закрыть стеклянную дверь на левом коридоре, которая ведет в 4-ю столовую. Я побежал впереди Кирова шагов на 8, вдруг услыхал сзади выстрел. Когда я обернулся, раздался второй выстрел. Я увидел, что т. Киров лежит, а второй медленно сползает на пол, опираясь на стену. У этого человека в руках находился «наган», который я взял у него из рук. Когда я у стрелявшего в т. Кирова брал «наган», он был как будто без чувств».

Г. Г. Васильев, кладовщик Смольного, из показаний 1 декабря: «Я направлялся к себе в комнату. По дороге вижу, что идёт т. Киров. Я счел неудобным, что стеклянная дверь открыта и послал встретившегося мне Платоча, чтобы он ее закрыл и продолжал идти к себе в комнату. Не успел я сделать двух шагов, как раздался выстрел. Я повернул обратно, добежал до угла левого коридора, как раздался второй выстрел, и я увидел, что лежат двое. Я схватился за голову и подумал, что, наверное, т. Кирова убили, но туда я не побежал до выстрела».

М. Д. Лионикин, инструктор Ленинградского горкома, из показаний 1 декабря: «Я в момент выстрелов находился в прихожей секретного отдела областного комитета. Раздался первый выстрел, я бросил бумаги, приоткрыл дверь, ведущую в коридор, увидел человека с «наганом» в руке, который кричал, размахивая револьвером над головой. Я призакрыл дверь. Он произвел второй выстрел и упал. После этого я и работники секретного отдела вышли из прихожей в коридор. В коридоре на полу против двери в кабинет т. Чудова лежал т. Киров

вниз лицом, а сзади на метр отступя лежал стрелявший в него человек на спине, широко раскинув руки в стороны. В коридоре уже много собралось товарищей, в том числе тт. Чудов, Кодацкий, Позерн[6] и т. д. Срочно была вызвана врачебная помощь. Стрелявший начал шевелиться, приподниматься. Я его поддержал, и начали обыскивать, отнесли в изолированную комнату (информационный отдел, № 493). В это же время другие отнесли раненого т. Кирова в его кабинет».

А. М. Дурейко, сотрудник оперода УНКВД, показания 1 декабря: «Узнав, что приехал т. Киров, я пошел по коридору (третьего этажа. — ***Ю.Ж.***)… Я направлялся навстречу т. Кирову. Его сзади сопровождал т. Борисов. Через некоторое время, две — три минуты, раздался один за другим два выстрела. Побежавши на выстрелы, я увидел двух, лежавших на полу. Тут уже набежало много народу, главным образом сотрудники областного комитета, здесь же я увидел т. Чудова. Я бросился к стрелявшему и тут же начал его обыскивать. У него при обыске был найден ряд документов. Во время прохода т. Кирова по коридору по нему ходило много народу».

Таковы факты, установленные вечером 1 декабря 1934 г. Факты, на которые еще не мог повлиять, даже если бы того и хотел, Сталин. Ведь пока он находился в Москве в своем кремлевском кабинете, а узнал об убийстве Кирова уже после того, как начался допрос свидетелей. Дополняющие и одновременно подтверждающие друг друга показания десяти очевидцев (помимо упомянутых ещё Иванов — часовой, дежуривший на лестничной площадке 3-го этажа, М. Е. Цукерман — директор ленинградского цирка, ожидавший в том же коридоре Позерна) дают нам однозначную картину событий.

В половине пятого вечера 1 декабря в коридорах, ведших к кабинету Кирова, было не пусто, что всегда утверждалось при описании убийства, а довольно многолюдно. Это засвидетельствовано Дурейко и Цукерманом, лишний раз доказывается присутствием там Платоча, Васильева, Борисова, Дурейко. Здесь же необходимо опровергнуть еще одну легенду, твердо закрепившуюся в литературе. Борисов отнюдь не был телохранителем («прикрепленным») Кирова. Ему, одному из многих сотрудников охраны Смольного, вменялось сопровождение члена Политбюро только от подъезда здания до кабинета и обратно. Практически аналогичные обязанности, но лишь применительно к обоим коридорам 3-го этажа исполнял и Дурейко.

Следствие

А. Л. Молочников, начальник экономического отдела (ЭКО) УНКВД, объяснительная записка от 9 декабря: «Первого декабря сего года, будучи в кабинете т. Медведя, около 4 часов 30 минут позвонил телефон. Тов. Медведь положил трубку, распорядился вызвать машину, так как его вызвал т. Киров. Через 3–5 секунд раздался второй телефонный звонок. Тов. Медведь с первых же слов, бросив трубку, крикнул: «В Кирова стреляли!» и тут же сорвался с места и вместе с вбежавшим т. Фоминым,[7] которому, очевидно, тоже позвонили, убежал. По аппарату никаких распоряжений не было. Поскольку большое количество сотрудников управления имело билеты на актив, я тут же по своему отделу дал распоряжение всем быть на месте. То же я предложил сделать Лобанову по 00 (особому отделу. — ***Ю.Ж.***). Минут через 20 я получил распоряжение выслать 30 сотрудников в Смольный, что было тут же выполнено. Вместе с сотрудниками в Смольный поехал и я.

В Смольном я узнал, что убийца жив и отправлен в НКВД. В самом Смольном я узнал, что при убийце найден ряд документов, в том числе и партбилет. Минут через 40 после моего приезда т. Медведь поручил мне и т. Губину[8] допросить комиссара Борисова и выяснить подробности покушения. Я попросил одного из комиссаров указать мне или привести т. Борисова. Ко мне привели человека в штатском лет 50».

Между тем ход следствия с самого начала носил странный характер. Ровно через 15 минут после рокового выстрела, в 16:45, в здании управления НКВД по Ленинграду и области

(Литейный проспект, дом 4) заместитель начальника 4-го отделения секретно-политического отдела УНКВД Л. Коган начал допрос… Милды Драуле, жены Николаева. Четверть часа — это ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы спуститься с 3-го или 2-го этажа Смольного, сесть в машину и проехать практически по прямой, по улице Воинова, до здания УНКВД, подняться на два или три этажа. Однако протокол Драуле не сохранил те листы, на которых можно было бы найти и сведения о месте задержания ее, и объяснение причины допроса прежде всего её. Протокол содержит лишь общие обязательные данные — кто, где, когда, кого допрашивает, а также самую общую характеристику, которую дала Милда Драуле своему мужу, Николаеву.

Только час спустя в Смольном начался допрос свидетелей. Из рапорта начальника транспортного отдела УНКВД Перельмута от 4 декабря: «1/XII — 34 г. около 17:00 начальник отделения оперода Хвиюзов передал мне приказание т. Медведя прибыть с группой сотрудников в Смольный (произвести допрос Борисова и других). Я допрашивал двух сотрудников обкома (на самом деле Бауэр-Румянцеву и двух сотрудников оперода, Ла-зюкова и Паузера. — ***Ю.Ж.***). Продолжать допросы других сотрудников не мог, так как был вызван в управление для организации охраны пути следования специальных поездов и обеспечения встречи их на вокзале». Одновременно Молочников допрашивал Борисова, Платоча, Васильева, Дурейко, а начальник управления милиции Ленинграда и области Л. Жупахин — Лионикина, Цукермана, Иванова.

Самого же убийцу, Николаева, допрашивать было невозможно. Как свидетельствует медицинский акт, составленный врачами, вызванными в УНКВД, даже в 18:40 Николаев всё ещё оставался в шоке: «пульс 80 ударов в минуту; на вопросы не отвечает, временами стонет и кричит; в данный момент имеются явления общего нервного возбуждения». Николаева пришлось положить на носилки и в санитарном автомобиле в 19:00 доставить во 2-ю ленинградскую психиатрическую больницу. Там же установили: исследуемый «в состоянии истерического припадка, при сильном сужении поля сознания; наблюдается ожог левой ноздри (нашатырь) и значительное выделение слюны. К 21 часу он настолько пришел в себя что представилась возможность сделать ему две ванны с последующим душем и переодеванием. Замечалась все время театральность поведения. Заключаем, что Николаев находился в кратковременном истерическом реактивном состоянии. Реактивное состояние — две фазы: 1) судороги (впоследствии симуляция); 2) в дальнейшем возможно повторение истерических припадков».

Несмотря на это ещё в 18:20 Ф. Д. Медведь подготовил в кабинете второго секретаря горкома А. И. Угарова в Смольном вместе с Гориным первое донесение в Москву. Оно гласило:

«Наркомвнудел СССР — тов. Ягода.

1 декабря в 16 часов 30 минут в здании Смольного на 3-м этаже в 20 шагах от кабинета тов. Кирова произведен выстрел в голову тов. Кирову шедшим навстречу ему неизвестным, оказавшимся по документам Николаевым Леонидом Васильевичем, членом ВКП(б) с 1924 г., рождения 1904 г.

Тов. Киров находится в кабинете. При нем находятся профессора-хирурги Добротворский, Феертах, Джанелидзе и другие врачи.

По предварительным данным, тов. Киров шел с квартиры (ул. Красных зорь) до Троицкого моста. Около Троицкого моста сел в машину, в сопровождении разведки (охраны. — ***Ю.Ж.***) прибыл в Смольный. Разведка сопровождала его до третьего этажа. На третьем этаже тов. Кирова до места происшествия сопровождал оперативный комиссар Борисов. Николаев после ранения тов. Кирова произвел второй выстрел в себя, но промахнулся. Николаев опознан несколькими работниками Смольного (инструктором-референтом отдела руководящих работников обкома Владимировым Вас. Тих. и др.) как работавший ранее в Смольном.

Жена убийцы Николаева по фамилии Драуле Милда, член ВКП(б) с 1919 г., до 1933 г. работала в обкоме ВКП(б).

Арестованный Николаев отправлен в управление НКВД ЛВО (Ленинградского военного округа. — ***Ю.Ж.***). Дано распоряжение об аресте Драуле. Проверка в Смольном производится».[9]

Эта телеграмма была получена в Москве и расшифрована в 19 часов 15 минут.

Только около 11 часов вечера начальник УНКВД Медведь, замначальника Фомин, начальник ЭКО УНКВД Молочников, замначальника ОО ПВО Д.Ю. Яни-шевский и замначальника секретно-политического отдела (далее — СПО) УНКВД Стромин смогли приступить к допросу Николаева. Из протокола:

«Вопрос. Сегодня, 1 декабря, в коридоре Смольного, вы стреляли из револьвера в секретаря ЦК ВКП(б) тов. Кирова. Скажите, кто вместе с вами является участником в организации этого покушения?

Ответ. Категорически утверждаю, что никаких участников в совершении мною покушения на тов. Кирова у меня не было. Все это я подготовил один, и в мои намерения никогда я никого не посвящал.

Мысль об убийстве Кирова у меня возникла в начале ноября 1934 г. Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули (исключение 8 месяцев назад)… Цель — стать политическим сигналом перед партией, что на протяжении последних 8 — 10 лет на моём пути жизни и работы накопился багаж несправедливого отношения к живому человеку. Эта историческая миссия мною выполнена. Я должен показать всей партии, до чего довели Николаева… План совершения покушения — никто мне не помогал в его составлении… Я рассматривал покушение как политический акт. Чтобы партия обратила внимание на бездумно бюрократическое отношение к живому человеку… Я сделал это под влиянием психического расстройства и сугубого отпечатка на мне событий в институте (исключение из партии)».

На следующий день при очередном допросе Николаев так дополнил свои объяснения: «Я не предполагал, что, совершив убийство, мне не удастся покончить жизнь самоубийством. Кроме того, подобными записями (дневник) я подготавливал себя морально к совершению убийства и самоубийства».

Изучение бумаг, оказавшихся у Николаева при себе, дополнило складывавшуюся картину психики преступника. Оказалось, что убийство он замыслил не в начале ноября, а гораздо раньше. Ещё 14 октября, накануне того дня, когда его задержали на проспекте Красных зорь, у дома, в котором жил Киров, сотрудники оперода как подозрительную личность, но, проверив документы, по распоряжению А. А. Губина отпустили, он написал предсмертную записку: «Дорогой жене и братьям по классу! Я умираю по политическим убеждениям, на основе исторической действительности. Поскольку нет свободы агитации, свободы печати, свободы выбора в жизни, и я должен умереть. Поскольку из ЦК (Политбюро) не подоспеет, ибо там спят богатырским сном». Теми же мыслями был проникнут, столь же косноязычно изложен и его дневник, который Николаев вел, по его признанию, с помощью жены.

В 22:30 в Москву, на имя наркома Г. Г. Ягоды, ушла вторая телеграмма, подписанная Медведем. В ней кратко излагались показания Милды Драуле, относившиеся только к ее мужу. О том, когда Николаева исключили из партии, что у него давно имелось зарегистрированное оружие. Но спустя два часа, в 0:40 2 декабря, начальник ленинградского управления НКВД отправил Ягоде ещё одну телеграмму: «В записной книжке Николаева запись: «герм. тел. 169 — 82, ул. Герцена, 43» (это действительно адрес германского консульства)».[10]

Так в полночь первого дня следствия обозначились три наиболее возможные версии, объясняющие трагическое происшествие. Во-первых, убийство на почве ревности. Это и сегодня подтверждается косвенными фактами, в частности, допросом Милды Драуле ровно через пятнадцать минут после убийства Кирова. Очевидно, Драуле не только находилась в тот роковой момент скорее всего в Смольном, но её считали прямо причастной к убийству. О том же свидетельствует и одна из записей в дневнике Николаева: «М., ты бы могла предупредить многое, но не захотела».

В пользу этой же версии говорит и странная неполнота первого протокола допроса Драуле, отсутствие в «деле» обязательного плана места преступления. Однако следствие сразу же, без проверки, отказалось от такой версии. Видимо, потому, что она бросала тень на моральный облик одного из лидеров партии, чернила его. Подтверждала и без того ходившие по Ленинграду кривотолки о шумных кутежах Кирова с женщинами во дворце Кшесинской.

Две версии

По-иному отнеслось следствие к «германскому следу» — неожиданно обнаруженной связи Николаева с генеральным консулом Германии в Ленинграде. Обратить же внимание на эти отношения, более чем непонятные, странные, сомнительные, заставило следующее. Оказалось, что Николаев неоднократно летом — осенью посещал германское консульство, после чего всякий раз направлялся в магазин Торгсина, где покупки оплачивал немецкими марками. Правда, расследование «германского следа» почти сразу же приняло довольно своеобразную форму.

5 декабря Николаева начали расспрашивать о визите в… латвийское консульство. Из протокола допроса: «Это было за несколько дней до проведения опытной газовой атаки в городе. В справочном бюро я получил номер телефона и адрес консульства» (настораживающая деталь: генеральное консульство Латвии находилось неподалёку от германского — на той же улице Герцена, в доме 53). Объяснил же Николаев следователям свое необычное желание следующим образом: мол, консулу сказал, что «должен получить наследство… являюсь латышом, говорил на ломаном русском языке».

Только 6 декабря Николаева все же начали расспрашивать об ином, более реальном посещении иностранного представительства: «— Когда вы обратились в германское консульство? — Это было спустя несколько дней после посещения латвийского консульства. В телефонной книжке я установил номер телефона германского консульства и позвонил туда. С консулом мне удалось переговорить лишь после неоднократных звонков. — Какой вы имели разговор с консулом? — Я отрекомендовался консулу украинским писателем, назвал при этом вымышленную фамилию, просил консула связать меня с иностранными журналистами, заявил, что в результате путешествия по Союзу имею разный обозрительный материал, намекнул, что этот материал хочу передать иностранным журналистам для использования в иностранной прессе. На все это консул ответил предложением обратиться в германскую миссию в Москве. Эта попытка связаться с германским консульством, таким образом, закончилась безрезультатно».

Следователи столь простыми, аполитичными объяснениями Николаева не удовлетворились. И Ежов, выступая с заключительным словом на февральско-мартовском Пленуме 1937 г., сказал, затрагивая убийство Кирова: чекисты «на всякий случай страховали себя ещё кое-где и по другой линии, **по линии иностранной** (выделено мной. — ***Ю.Ж.***), возможно, там что-нибудь выскочит».[11]

Действительно, следствие три недели разрабатывало данную версию, претерпевавшую странную метаморфозу. Всякий раз чекисты заставляли Николаева говорить лишь о латвийском консульстве. 20 декабря: «Просил консула связать нашу группу с Троцким… На встрече третьей или четвертой — в здании консульства консул сообщил мне, что он согласен удовлетворить мои просьбы и вручил мне пять тысяч рублей». 23 декабря: латвийский консул

«деньги дал для подпольной работы». Наконец 25 декабря на вопрос о том, как зовут латвийского консула, ответил: «Не могу вспомнить, его фамилия типично латышская». Но зато наконец сообщил дату первого визита к латвийскому консулу — 21 или 22 сентября 1934 г.

Таким образом, чекисты не отказались, вплоть до окончания следствия, от «германского следа», от факта получения денег в консульстве. Однако более чем своеобразно интерпретировали данные, которыми располагали. Все переадресовали консулу Латвии. Весьма возможно, чтобы не вызвать ухудшения отношений с Германией, и без того непростых после прихода к власти Гитлера.

Медведь на допросах Николаева 1 и 2 декабря, а 3 декабря — сменивший его замнаркома НКВД Я. С. Агранов[12] упорно придерживались иной версии. Настойчиво добивались от Николаева признания, что он убил Кирова исключительно по личным мотивам. Из-за исключения из партии, вообще из-за неудовлетворенности жизнью. Благо, сама биография убийцы, обнаруженные у него письма, дневник давали тому предостаточно оснований.

Леонид Васильевич Николаев родился в Петербурге 18 мая 1904 г. Отец — кустарь, умер задолго до Октябрьской революции. Мать — Николаева Мария Тихоновна, 1870 г. рождения, беспартийная, работала уборщицей трамвайного парка. Жена — Драуле Милда Петровна, 1901 г. рождения, из крестьян Лужского уезда, член ВКП(б) с 1919 г. Двое детей — сын Маркс 1927 г. рождения и сын Леонид 1931 г. рождения. Проживал Николаев с женой и детьми по адресу — Ленинград, улица Батенина, дом 9/39, квартира 17.

В детстве Николаев был болезненным ребенком, до семилетнего возраста не ходил. Учился в Петрограде, школу — высшее городское училище — не окончил. Приблизительно с 12 лет был отдан в учение частнику-кустарю на Выборгской стороне. После Октябрьской революции опять «где-то» учился. В годы Гражданской войны уехал на Волгу, там в «каком-то сельсовете» был писарем. Вернулся в Петроград в 1922 г., работал в Выборгском райкоме комсомола, затем техническим секретарем комсомольской ячейки на заводе «Красная заря». В 1924 г. был направлен в Лугу заведующим общим отделом укома комсомола. Там познакомился с Милдой Драуле, работавшей в укоме партии, вступил с нею в брак в 1925 г.

С конца 1925 г. Николаев снова в Ленинграде. Работает на освобожденных комсомольских должностях в Конторучете, одном из научных институтов, на заводах «Красная заря», № 7 (бывший «Арсенал», культпропа-гандист цеховой ячейки), им. Карла Маркса. Осенью 1930 г. направлен в Восточносибирский край на хлебозаготовки. В начале 1931 г. Николаев вернулся в Ленинград, работал референтом оргинструкторского отдела обкома ВКП(б), заведующим финансовым сектором областного совета общества «Долой неграмотность», в 1932–1933 гг. — инспектором областной РКИ, с сентября 1933 г. по апрель 1934 г. — разъездным инструктором областного Истпарта, откуда уволен и где исключен из партии за отказ подчиниться решению о мобилизации «на транспорт» для работы в одном из политотделов какой-либо железной дороги. По апелляции 17 мая восстановлен Смольнинским райкомом ВКП(б) в партии, но со строгим выговором, занесенным в учетную карточку. 5 июня подал апелляцию в горком, но получил отказ. 3 августа послал апелляцию и письмо на имя Сталина в Москву, в ЦК ВКП(б), откуда ответ так и не получил.

Из показаний Драуле от 1 декабря: «С момента исключения его (Николаева. — ***Ю.Ж.***) из партии он впал в подавленное настроение, находился все время в ожидании решения его вопроса о его выговоре в ЦК и нигде не хотел работать. Он обращался в районный комитет, но там ему работу не дали. На производство он не мог пойти по состоянию здоровья — у него неврастения и сердечные припадки».

Из показаний М. Т. Николаевой от 11 декабря: «В материальном положении семья моего сына Леонида Николаева не испытывала никаких затруднений. Они занимали отдельную квартиру из трех комнат в кооперативном доме, полученную в порядке выплаты кооперативного пая. Дети были также полностью обеспечены всем необходимым, включая

молоко, масло, яйца, одежду и обувь. Последние 3–4 месяца Леонид был безработным, что несколько ухудшило обеспеченность его семьи, однако даже тогда они не испытывали особой нужды».

Из показаний Драуле от 1 и 3 декабря: «Читая книги, он делал иногда заметки, писал несколько раз свою автобиографию, причем один раз переписал ее печатными буквами. На мой вопрос для чего он это делает, он объяснил мне, что хочет, чтобы старший сын Маркс мог ее читать и изучать. Высказывал желание придать изложению автобиографии литературный характер, для этого читал Толстого, Горького и других авторов с целью усвоения, как он мне говорил, их стиля…

У него были настроения недовольства по поводу исключения его из партии, однако они никогда не носили антисоветского характера. Это была, скорее, обида за нечуткое, как он говорил, отношение к нему. В последнее время Николаев был в подавленном состоянии, больше молчал, мало со мной разговаривал. На настроение его влияло еще неудовлетворительное материальное положение и отсутствие возможности с его стороны помочь семье».

«Человек он нервный, вспыльчивый, однако эти черты особо резких форм не принимали. У него бывали иногда сердечные припадки. Истерических припадков не было. Он вел дневник. Последний раз я знакомилась с его дневником летом». «Сначала мы условились писать о детях, а затем дневник стал отражать упадочные настроения Николаева, который выражал тревогу по поводу материальной необеспеченности семьи… До августа 1934 г. я принимала участие в записях, в августе я находилась в отпуску в Сестрорецке, после отпуска не помню, принимала ли участие».

Из показаний Николаева от 16 и 17 декабря с пояснением содержания своих записей: «В письме «Мой ответ перед партией и Отечеством» я сравнивал себя с Андреем Желябовым, говорил: «Я веду подготовление (убийства Кирова. — ***Ю.Ж.***) подобно Желябову»». «Уподобляя себя деятелю освободительного движения эпохи Екатерины Второй Радищеву, я писал (в дневнике. — ***Ю.Ж.***), что «его сила была в том, что он не мог равнодушно молчать, видя непорядки»».

Но не только подобные, бесспорные факты давали все основания и дальше разрабатывать чисто бытовую версию мотива убийства Кирова. Казалось, даже судьба близких родственников Николаева складывалась как по заказу для подтверждения именно такой версии. Его единоутробный брат Петр Алексеевич, командир отделения батальона связи 58-го полка, расквартированного в Ленинграде, дезертировал 14 ноября. Он опасался ответственности за растрату 30 рублей, выданных ему на покупку трансформатора. Брат Милды Драуле, Петр Петрович, счетный работник 8-го отделения милиции Ленинграда, в апреле 1934 г. за растрату был осуждён, уже отбывал срок наказания в исправительно-трудовом лагере города Свободный, Дальневосточный край, на строительстве БАМа.

И всё же Агранов решительно отказался не только от весьма сомнительной по политическим мотивам «иностранной» версии, но и от бытовой, которая могла бы удовлетворить всех.

Политический «след»

Вечером 4 декабря, когда Сталин после поездки в Ленинград уже вернулся в Москву, направленность следствия резко изменилась. Оно впервые получило — «агентурным путем» — фамилии людей вне семейного круга Николаева, тех, с кем обвиняемый более десяти лет назад работал в Выборгском райкоме комсомола. Более того, в тот же день и сам Николаев подтвердил «агентурные данные». «Вопрос: какое влияние на ваше решение убить Кирова имели ваши связи с оппозиционерами-троцкистами? Ответ: на мое решение убить Кирова повлияли мои связи с троцкистами Шат-ским, Котолыновым, Бардиным и другими».

Получив такое «признание», Агранов незамедлительно сообщил в Москву Сталину и Ягоде: «Выяснено, что его (Николаева. — ***Ю.Ж.***) лучшими друзьями были троцкист Котолынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич, от которых многому научился. Николаев говорил, что эти лица враждебно настроены к тов. Сталину. Котолынов известен Наркомвнуделу как бывший троцкист-подпольщик. Он в свое время был исключен из партии, а затем восстановлен. Шатский — бывший анархист, был исключен в 1927 г. из рядов ВКП(б) за контрреволюционную деятельность. В партии не восстановлен. Мною дано распоряжение об аресте Шатского и об установлении местопребывания и аресте Котолынова. В записной книжке Леонида Николаева обнаружен адрес Глебова-Путиловского. Установлено, что Глебов-Путиловский в 1923 г. был связан с контрреволюционной группой «Рабочая правда». Приняты меры к выяснению характера связи между Николаевым и Глебовым-Путиловским. В настоящее время Глебов-Путиловский — директор антирелигиозного музея».[13]

Несмотря на появление у следователей возможности связать убийцу с троцкистской оппозицией, советская пропаганда придерживалась первоначальной оценки трагедии. Той, что появилась в газетах еще 2 декабря и выглядела относительно «нейтральной». Убийство объявлялось делом «врагов рабочего класса, советской власти, белогвардейцев». Даже 6 декабря, выступая на похоронах в Москве, В. М. Молотов заявил: в смерти Кирова повинны некие абстрактные «враг рабочего класса, его белогвардейские подонки, его агенты из-за границы». Такое мнение настойчиво подкреплялось газетными сообщениями о проходивших в те дни в Москве, Ленинграде, Минске «ускоренных» судебных процессах. О судах над «белогвардейской агентурой», обвинявшейся в подготовке «террористических актов».

Тем временем верхушка ГУГБ НКВД СССР, оставшаяся в Ленинграде, — Агранов, начальник ЭКО Л. Г. Миронов, замначальника СПО Г.С. Люшков, помощник начальника ЭКО Дмитриев — стала настойчиво разрабатывать как основную политическую версию. Арестовали, допросили не только Шатского, но и Котолынова — студента Политехнического института, в недалеком прошлом члена ЦК ВЛКСМ и исполкома Коммунистического Интернационала молодежи. Это и позволило практически сразу же выйти на качественно новый уровень подозреваемых. Тех, кто не только давным-давно работал с Николаевым в Выборгском райкоме комсомола, в Лужском укоме, либо сталкивался с ним опять же по работе в Ленинградском горкоме, но и, быстро выдвинувшись в руководство ВЛКСМ, действительно был связан с «зиновьевской» оппозицией, открыто «блокировался с «троцкистами».

В своих откровенных показаниях — ибо и не предполагали, как те будут использованы, к каким последствиям приведут и их самих, и очень многих других — Шатский, Котолынов, В. В. Румянцев, В. И. Звездов, Н. С. Антонов, Г. В. Соколов, И. Г. Юскин, Л. О. Ханник, А. И. Толмазов, А. И. Александров, Н. А. Царьков отнюдь не скрывали общеизвестное. Своих прежних близких знакомств по Ленинградскому губкому и Северо-Западному бюро ЦК ВКП(б). Теми самыми партийными органами, которые долгие годы возглавлял Г. Е. Зиновьев. Среди прочих был назван и А. М. Гертик, в то время проживавший в Москве и работавший помощником управляющего Объединенным научно-техническим издательством. Его арестовали 8 декабря, а два дня спустя во время допроса он назвал среди своих близких товарищей по партии И. П. Бакаева, Т. Е. Евдокимова, И. С. Горшенина. За этим последовала новая волна арестов, допросов. А 14 декабря следователи зафиксировали в протоколах очередных показаний фамилии Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. И. Сафарова. Многих, очень многих иных, арестованных только два-три года спустя.

Своеобразным «подарком» следствию стало, прежде всего, то, что практически у большинства арестованных при обыске нашли оружие. Один, два, а то и три-четыре револьвера, остававшихся у их владельцев вполне законно после Гражданской войны, но

теперь становившихся бесспорным «доказательством подготовки терактов». Кроме того, у всех имелась и литература, однозначно оценивавшаяся как «контрреволюционная» — «завещание» Ленина, «платформа» группы Рютина, различные заявления и групповые письма вождей оппозиции в адрес съездов партии, ЦК ВКП(б). Мало того, у арестованного тогда же, в середине декабря, К. Н. Емельянова обнаружили хранимый им архив «ленинградской» оппозиции.

Всё это вело к неизбежному. Следователям лишь оставалось получить, зафиксировав протоколами допросов, столь нужные при создавшейся ситуации данные о подлинных настроениях в среде сторонников Зиновьева, так и не отказавшихся от своих прежних убеждений и взглядов.

Из показаний Горшенина от 21 декабря: «По вопросам международной политики и деятельности Коминтерна московский зиновьевский центр придерживался следующих установок:

а) фашистский переворот в Германии и приход к власти Гитлера объяснялись неправильной политикой Коминтерна и ЦК ВКП(б)…

б) венское восстание (выступление шуцбундовцев), по мнению Зиновьева и других членов нашего центра, использовано Коминтерном для укрепления компартии Австрии тоже не было…

в) относительно революции в Испании существовало мнение, что и в данном случае Коминтерн сыграл пассивную роль».

Из показаний В. В. Тарасова от 22 декабря: «Страна находится в тяжёлом положении. Руководство партии не видит выхода из этого положения. Сталин ведет страну к тому, чтобы ввязаться в войну, исходя при этом из того положения, что лучше погибнуть в войне с буржуазией, нежели вследствие провала внутренней политики, являющейся результатом неправильного руководства… Сталин ведёт пролетарскую революцию к гибели».

Из показаний Румянцева от 22 декабря: «Что касается разговора о развязывании войны, которая приведет к гибели пролетарскую революцию, то я отрицаю… В случае возникновения войны современному руководству ВКП(б) не справиться с теми задачами, которые встанут, и неизбежен приход к руководству страной Каменева и Зиновьева».

Из показаний Евдокимова от 24 декабря: «В ноябре 1934 г. он (Зиновьев. — ***Ю.Ж.***) критиковал работу по созданию единого фронта, обвиняя Французскую компартию и тем самым руководство Коминтерна в том, что во Франции они идут на единый фронт».

Из показаний Горшенина от 25 декабря: «В основе нашей критики международной политики ЦК ВКП(б) лежала предпосылка, что т. Сталин сознательно не активизирует деятельность Коминтерна, переносит центр всего внимания на официальную наркоминдельскую дипломатию и по существу приносит в жертву идее построения социализма в одной стране интересы мировой революции».

Принципиально новое определение «причины» убийства Кирова открыто проявилось сразу же после ареста 16 декабря Зиновьева и Каменева. На следующий день и в передовице «Правды», и в небольшой заметке, опубликованной там же, о состоявшемся накануне Пленуме Московского комитета партии появилось фактически одно и то же объяснение. То, которое и утвердилось на последующие двадцать лет: «Гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы вырвали из наших рядов тов. Кирова».

И всё же слишком многое свидетельствовало, что политическая версия служила далеким от поиска истины целям. Даже Агранов, возглавлявший следствие, лично допрашивавший многих подозреваемых, уже после процессов, 3 февраля 1935 г., на оперативном совещании в НКВД заметил: «Нам не удалось доказать, что «московский центр» знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова».[14]

Пять процессов

Откровенная двойственность в оценке результатов следствия, продолжавшегося месяц, в известной степени объясняет и количество последовавших за ним судебных процессов. Пяти по фактически одному уголовному делу, в которых откровенно превалировала политическая тенденциозность, заданность, желание во что бы то ни стало обезглавить, сокрушить бывшую зиновьевскую оппозицию. И решить эту задачу исключительно судебным путём.

Через три недели после выстрела в Смольном, 22 декабря центральные газеты СССР опубликовали сообщение «В Народном комиссариате внутренних дел». Оно информировало, что предварительное расследование убийства Кирова закончено и передано в Военную коллегию Верховного суда СССР. «Установлено, — отмечало сообщение, — что убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного «ленинградского центра»… — Мотивами убийства тов. Кирова явилось стремление добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы».[15]

Первый процесс оказался на редкость непродолжительным: с 14 часов 20 минут 28 декабря и до 5 часов 45 минут 29 декабря. Он завершился неизбежным приговором, вынесенным выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР, «за организацию и осуществление убийства тов. Кирова». Четырнадцать обвиняемых были приговорены к расстрелу. Не только Николаев — единственный, чья вина была бесспорна. Но ещё и его бывшие товарищи по комсомольской работе. Те, кого следствие выявило как просто близких знакомых Николаева: Антонова, Звездова, И. Г. Юскина, Соколова, Котолынова, Шатского, Толмазова, И. Н. Мясникова, Ханика, В. С. Левина, Л. И. Сосицкого, Румянцева, С. О. Мандельштама.[16]

Сегодня их обвинение в прямом соучастии слишком уж напоминает ритуальное жертвоприношение при похоронах племенного вождя. Но тогда, в конце декабря 1934 г., оно выглядело, воспринималось иначе. Служило более чем веским доводом в пользу существования и террористической подпольной организации, и подготовленного ею заговора. Исключало даже саму мысль о возможности действия Николаева в одиночку да ещё по каким-либо личным мотивам.

Практически тогда же, в 20-х числах декабря, руководство НКВД предполагало, если удастся, провести ещё один процесс, напрямую связанный с убийством Кирова. Для него намечалась небольшая группа из восьми человек как видных, так и мало кому известных сторонников Зиновьева — Бакаев, Гертик, М. Гессен, А. С. Куклин, Я. В. Шаров, Л. Я. Файвилович, Горшенин, В. С. Булах. Только те, кто уже в ходе следствия продемонстрировал готовность давать нужные показания. И ещё — Милда Драуле, которая должна была, как можно догадываться, «чистосердечно» подтвердить прямую связь между зиновьевцами Москвы и Николаевым. Вместе с тем готовилось и заседание Особого совещания, перед которым должно было предстать 137 человек, на чье признание собственной вины рассчитывать не приходилось. Им загодя определили различные меры наказания — от 5 лет ссылки до 5 лет заключения в Суздальском концлагере, либо Ярославском, Челябинском, Верхнеуральском политизоляторах. В этой группе находились Зиновьев, Каменев, Сафаров, И. В. Вардин, П. А. Залуцкий, Евдокимов, Г. Ф. Федоров. Уверенность высшего руководства страны именно в таком близком решении была столь сильна, что о нем уведомили и все население — публикацией в газетах 23 декабря очередного сообщения «В Народном комиссариате внутренних дел».

План, не предполагавший прямого обвинения Зиновьева и наиболее известных его сторонников в причастности к убийству Кирова, отвергли три недели спустя. Заменили иным, в соответствии с которым дела семерых видных оппозиционеров перенесли для процесса, а Драуле — выделили в отдельное судопроизводство.

Второй и третий процессы проходили также в Ленинграде 15–16 января 1935 г. На первом из них по «делу Зиновьева, Евдокимова, Гертик и других» («московский центр»), носившем

откровенно политическую окраску, предстало 19 человек, в том числе Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Гертик, Куклин, Горшенин, Шаров. За три недели до того НКВД заявил, что в отношении большинства из них «следствие установило отсутствие достаточных данных для предания их суду». Теперь же прокуратура якобы нашла весьма весомые факты, подтверждающие вину обвиняемых. Столь весомые, что мера наказания колебалась от 10 лет тюремного заключения (Зиновьеву, Гертику, Куклину, Б. Н. Сахову) до 5 (Каменеву, А. Ф. Башкировой, Б. Л. Браво).[17]

Третий процесс в те же дни проводило Особое совещание. Оно рассмотрело дела 77 человек, из которых 65 были членами партии (их исключили из рядов ВКП(б) только после ареста), а 57 — в прошлом активными участниками оппозиции. Более того, именно в данную группу включили таких непримиримых противников политики сталинского Политбюро, как Г. И. Сафаров, П. А. Залуцкий, А. И. Александров, Я. И. Цейтлин, К. С. Соловьёв.

Вместе с ними попали на скамью подсудимых первая жена Зиновьева С. Н. Равич, хранитель части зиновьевского архива Емельянов, а также чуть ли не все родственники Николаева — его мать, сестры Е. В. Рогачёва и А. В. Пантюхина, муж последней В. А. Пантюхин, двоюродный брат Г. В. Васильев, жена брата А. А. Николаева-Максимова.

Подобная пестрота, разноликость группы, представшей перед Особым совещанием, объяснялась, скорее всего, теми трудностями, которые необходимо было преодолеть и следователям, и только что избранному первым секретарем Ленинградского обкома А.А. Жданову, санкционировавшему все аресты. С одной стороны, им требовалось изолировать бывших участников оппозиции, а с другой — все же хоть как-то доказать предъявляемые им обвинения, чего на обычном, даже закрытом суде добиться вряд ли было возможно. Отсюда, несомненно, и та «мягкость» Особого совещания, председателем которого являлся Агранов. Сорок человек приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, семь человек — на 4 года, двадцать пять человек — к ссылке на 5 лет, четверых — на 4 года, одного — на 2 года.

Дополнил процессы, о которых сообщала печать, логически завершил их еще один, о котором информация в то время нигде не появилась. 9 марта 1935 г. в Ленинграде выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР «за соучастие в совершении Николаевым теракта» приговорила к расстрелу М. П. Драуле, её сестру О. П. Драуле — 1905 г. рождения, члена ВКП(б) с 1925 г., работавшую секретарем парткома Выборгского дома культуры, и её мужа Р. М. Кулинера — 1903 г. рождения, члена ВКП(б) с 1923 г., начальника планового отдела треста Ленштамп.[18]

А за месяц до того, 23 января, на этот раз в Москве Военная коллегия Верховного суда СССР определила судьбу бывшего руководства УНКВД по Ленинградской области. Начальника управления Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, вообще отсутствовавшего в городе с середины ноября, приговорили к 3 годам тюремного заключения. Начальника оперода Губина, замначальника особого отдела Янишевского, начальника 4-го отделения (охраны) М. И. Котомина, уполномоченных различных отделов Г. А. Петрова, П. М. Лобова, А. М. Белоусенко, А. А. Мосевича — к 2 годам, а ещё одного уполномоченного М. К. Бальцевича — к 10 годам. Так была оценена их «преступная бездеятельность».[19]

Наконец, 26 января 1935 г. закрытое постановление Политбюро, занесенное в «особую папку», завершило карательные меры по отношению к зиновьевской оппозиции, зарегистрированной секретно-политическим отделом УНКВД по Ленинградской области. 663 бывших сторонника Зиновьева высылали на 3–4 года на север Сибири и в Якутию, и ещё 325 человек переводили из Ленинграда на работу в другие районы страны.[20]

Несоответствия

Итак, за убийством Кирова последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки — 76 человек, к ссылке — 30 человек да к тому

же сугубо партийным постановлением к высылке — 988 человек. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской, а не, скажем, троцкистской. Потому все это в совокупности с показаниями, полученными у обвинявшихся в ходе следствия, вызывает серьезнейшие вопросы, порождаемые слишком уж явными несоответствиями, противоречиями:

Почему расстреляли Милду Драуле, ее сестру с мужем, арестовали и приговорили к тюремному заключению или ссылке всех без исключения родственников Николаева, хотя их причастность не только к совершению убийства, но и к зиновьевской оппозиции ни один следователь и не пытался доказать?

Почему, в каких целях арестовали 9 декабря 1934 г. главного свидетеля по делу об убийстве Кирова электромонтёра Смольного Платоча, который, кстати сказать, не появился ни на одном из процессов, не выступил там с показаниями?

На эти вопросы мы вряд ли, даже после рассекречивания всех документов по делу Николаева, получим ответы. Но есть вопросы, ответы на которые возможны.

Почему политическая версия при расследовании убийства Кирова появилась лишь 4 декабря 1934 г., поначалу рассматривая виновными «троцкистов», «анархистов», сторонников давно распавшейся группы «Рабочая правда», и лишь 15 декабря ответственными за выстрел Николаева сделали зиновьевцев, именуемых время от времени «зиновьевцами-троцкистами»?

Почему 23 декабря 1934 г. руководство НКВД — несомненно, по согласованию с Политбюро — объявило, что «следствие ***установило*** (выделено мною. — ***Ю.Ж.***) отсутствие достаточных данных для предания суду» Зиновьева, Каменева, а 16 января неожиданно пришло к прямо обратному заключению, заявив о нем официально, через газеты? Что же произошло за столь короткий промежуток времени?

Почему поначалу основным мотивом действий «зиновьевского террористического подпольного ленинградского центра», в том числе и убийства Кирова, провозглашалось следствием стремление бывших участников оппозиции «изменить нынешнюю политику в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы» без объяснения, раскрытия сути последней, а затем цели обвинявшихся были сведены практически лишь к терроризму?

Почему столь раздувавшийся шумной пропагандистской кампанией в декабре 1934 — январе 1935 г. «терроризм», который якобы стал для оппозиции единственным орудием политической борьбы против сталинского руководства, не привел к адекватным мерам? К изменению и штатного расписания, и структуры органов охраны высших должностных лиц партии и государства, что все же произошло, но лишь в ноябре… 1936 г.?

Наконец, отсутствует ответ и на самый важный, решающий вопрос.

Почему именно выстрел в Смольном 1 декабря 1934 г. послужил для Сталина поводом для начала устранения своих политических противников с помощью репрессий? Ведь если принять во внимание то, на чем даже сегодня упорно, единодушно настаивают все последовательные антисталинисты безотносительно к их политической ориентации, — чисто патологические черты характера Сталина, приписываемая ему паранойя, постоянный и безосновательный, безумный страх за свои жизнь, власть, судьбу, то следует рассмотреть, оценить два события. Те самые, которые в последнее время слишком часто описываются, но в откровенно апокрифической форме и полностью игнорируются историками. Два события, позволявших Сталину, пожелай он того, начать ликвидацию своих противников годом раньше.

18 августа 1933 г. у Сталина начался очередной отпуск. Поздно вечером 25 августа он с К. Е. Ворошиловым прибыл в Сочи. А спустя примерно час они выехали на автомашине на одну из правительственных дач — «Зеленую рощу» близ Мацесты. И практически сразу же, при проезде через небольшой Ривьерский мост в самом центре Сочи, произошло то, что на языке милицейских протоколов ныне именуется дорожно-транспортным происшествием. На автомобиль, в котором сидели Сталин с Ворошиловым, налетел грузовик. Охрана,

находившаяся во второй, «хвостовой», машине, немедленно открыла стрельбу. Испуганный более других всем происходившим шофер грузовика — им оказался некий Арешидзе, изрядно выпивший перед злополучным рейсом, тут же скрылся, пользуясь темнотой и знанием местности. После непродолжительной задержки Сталин и Ворошилов поехали дальше.

Месяц спустя, 23 сентября, Сталин, уже перебравшийся на другую дачу — «Холодную речку» близ Гагры, решил совершить морскую прогулку на незадолго до того доставленном из Ленинграда катере «Красная звезда». В 13 часов 30 минут корабль отошёл от причала и взял курс на юг, к мысу Пицунда, где Сталин и сошел на берег. Гулял, закусывал. После пикника отправился назад, на дачу. Однако разыгравшаяся непогода, поднявшая сильную волну, затянула возвращение на лишних два часа. Уже при подходе к Гагре, примерно в 17 часов, катер был внезапно обстрелян. С берега из винтовки. К счастью для всех, пули легли в воду, и на борту никто не пострадал.

Как ни покажется сегодня странным, Сталин даже не предложил, как одну из гипотез проводившегося следствия, рассматривать каждое из этих чрезвычайных происшествий порознь как возможные теракты, а оба вместе — как действия неких заговорщиков. Просто не обратил внимания на то, что на самом деле могло оказаться для него трагическим, роковым. Не вмешивался и в расследование. Коренным образом изменил свое отношение к такого рода событиям лишь после убийства Кирова.

Теперь по предыдущему вопросу — о службе охраны. О ее адекватности выдвинутому новому тезису о терроризме как основном орудии бывшей оппозиции. Действительно, именно тогда политический терроризм, но проводимый нацистской Германией, стал страшной реальностью, оказывая необходимое Гитлеру воздействие на политическую ситуацию в Европе. Здесь достаточно вспомнить убийства румынского премьера Ионы Дуки (29 декабря 1933 г.), австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса (25 июля 1934 г.), югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Жана Луи Барту (9 октября 1934 г.). В такой ситуации более чем серьезное обвинение, предъявленное представителям бывшей оппозиции в ВКП(б), требовало незамедлительного принятия соответствующих мер. Однако практически два года после убийства Кирова служба охраны высших должностных лиц СССР оставалась без изменений.

Она была образована в октябре 1920 г. как специальное отделение при Президиуме коллегии ВЧК и насчитывала всего 14 человек. В 1930 г. спецотделение вошло в состав оперативного отдела ОГПУ, который возглавлял К.В. Паукер. И возросло за все время существования до немногим более 100 человек, что объяснялось просто. Если с конца 1920 г. сотрудники спецотделения обеспечивали безопасность только троих — Ленина, Троцкого и Дзержинского, то начиная с июня 1927 г. — уже семнадцати: всех членов и кандидатов в члены Политбюро, они же и руководство СНК СССР. Лишь с назначением Ежова наркомом внутренних дел в структуре Главного управления государственной безопасности 28 ноября 1936 г. образовали самостоятельный первый отдел (охраны). Многочисленный, начальником которого утвердили все того же Паукера.[21]

Смена курса: внешняя политика

Ответы на поставленные выше вопросы, а вместе с тем объяснение загадки убийства Кирова и последовавших за ним репрессий кроются, несомненно, в проходившей именно тогда коренной смене курсов: и внешне- и внутриполитического. В рождении того, что и следует, наверное, понимать под «сталинизмом», но без какой-либо предвзятой личностной, заведомо негативной оценки. Что означало отказ Сталина от ориентации на мировую революцию, провозглашение приоритетной защиту национальных интересов СССР.

Разумеется, такой поворот в политике ВКП(б) не мог не вызвать если не открытое сопротивление, то, по меньшей мере, латентное недовольство активной части партии. Той ее ортодоксальной части, которая постоянно оказывалась то на стороне Ленина, то — Троцкого,

Зиновьева или Бухарина. Но всякий раз таким решением выражала лишь продуманный выбор тактики при неизменности стратегии. Продолжала считать целью, смыслом жизни большевиков только мировую революцию, борьбу за ее победу во всемирном масштабе.

Начало противостояния Сталина с ортодоксальной частью партии можно отнести к февралю 1934 г. Тогда, на XVII съезде ВПК(б), он и провозгласил суть нового курса: «Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР». Такое заявление уже было подкреплено важным, но остававшимся до поры до времени секретным решением Политбюро, принятым 19 декабря 1933 г.: «1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии… 4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения».[22]

Данная инициатива Франции, крайне обеспокоенной, как и Советский Союз, положением, возникшим в результате прихода в Германии к власти нацистов, обсуждалась в Париже ещё в июле 1933 г. во время визита М. М. Литвинова, в ноябре — министром иностранных дел Жозефом Поль-Бонкуром и советским полпредом В.С. Довгалевским. Однако естественное стремление двух стран обезопасить себя от агрессии Германии, реконструировать прежнюю систему соглашений в Восточной Европе, сделав ее действенной, могло при желании быть истолковано как воссоздание Антанты. Но пока велись строго конфиденциальные переговоры, Сталин мог быть спокоен, не опасаясь возможных обвинений в свой адрес. Лишь после 28 сентября 1934 г., когда СССР официально вступил в Лигу Наций — организацию, с момента создания рассматривавшуюся лидерами большевиков как враждебную, империалистическую — положение принципиально изменилось. Свидетельством тому являлся открыто высказанный незадолго перед тем прогноз Зиновьева о дальнейшем развитии ситуации в Европе. В номере от 31 июля 1934 г. в журнале «Большевик», членом редколлегии которого являлся Зиновьев, появилась его статья «Большевизм и война», приуроченная к 20-летию начала Первой мировой войны. В ней бывший глава исполкома Коминтерна, постоянно ссылаясь на работы Ленина, провозгласил как незыблемые следующие положения: «большевизм — это международное революционное движение», «предотвратить новую войну… может только победа пролетарской революции в решающих странах», предрек очень скорую революцию во Франции, которая сразу же «покажет дорогу рабочим Англии, Германии, Австрии и ряда других стран». В том, что все произойдет именно так, был твердо уверен. Настолько, что фактически призывал отказаться от подготовки отпора агрессору, занимаясь лишь одним — усилением работы национальных секций Коминтерна, приближая тем самым и ликвидацию угрозы войны, и уже близкую победу пролетариата в Европе. Заодно многозначительно повторил свою старую оценку социал-демократии. Она, мол, «очень ценна для буржуазии, не менее ценна, чем фашизм».[23]

Между тем, в те самые дни между Барту и Литвиновым шли до предела напряженные переговоры о создании Восточного пакта. Одновременно, дабы обеспечить юридическую возможность его заключения, 9 июня были установлены дипломатические отношения Румынии и Чехословакии с СССР. 27 июля, претворяя новый курс Москвы в жизнь, компартия Франции подписала с соцпартией пакт о совместных действиях, развитый и конкретизированный в выступлении М. Тореза 24 октября в Нанте с призывом незамедлительно создать народный фронт. Не ограничиваясь этим, на протяжении всего 1934 г. как Советский Союз, так и Коминтерн демонстративно отстранялись от всех революционных выступлений, происходивших в мире. И в феврале во время восстания в Вене вооруженных отрядов австрийской социал-демократической партии — шуцбунда. И в октябре, когда началось восстание в Астурии, подготовленное испанскими коммунистами при активном участии социалистов и анархистов. И в том же октябре при ликвидации компартией Китая так называемой Китайской советской республики. Всякий раз Москва подчеркнуто выражала

невмешательство, незаинтересованность в исходе всех этих событий, что было оценено как капитулянтская позиция сталинского Политбюро бывшими участниками зиновьевской оппозиции в декабре 1934 г., во время их допросов по делу об убийстве Кирова.

Далеко не случайно, что в ходе следствия по делу Николаева политическая версия возникла, утвердилась, стала основной с 4 декабря. Ведь именно в этот день в Женеве министр иностранных дел Франции Пьер Лаваль и Литвинов подписали протокол о создании антигерманского оборонительного Восточного пакта, к которому уже 7 декабря присоединилась Чехословакия.

Не является случайным и совпадение между еще двумя важными, даже решающими событиями. Между решением, объявленным 16 января 1935 г. о предании суду Зиновьева, Каменева и подготовкой выступления Молотова с важными внешнеполитическими инициативами. 8 января по решению Политбюро Молотов (а также Орджоникидзе) получил кратковременный отпуск для подготовки выступления на VII съезде Советов СССР, открытие которого было назначено на 25 января. В нём Молотов как председатель СНК СССР должен был обосновать, добившись одобрения делегатов, и вступление Советского Союза в Лигу Наций, и подготовку создания Восточного пакта.

Смена курса: пересмотр Конституции

В докладе Молотова на VII съезде Советов 28 января принципиально новые положения содержались не только в международном разделе. Закончился он опять же неожиданным для всех, еще более значимым для судеб страны тезисом о необходимости пересмотра основного закона. «Советская Конституция должна быть подвергнута такой переработке, чтобы в ней были закреплены такие завоевания Октябрьской революции, как создание колхозного строя, ликвидация капиталистических элементов, победа социалистической собственности».

Предстоящий пересмотр в такой интерпретации выглядел естественным, нормальным, не вызывающим сомнения и, тем более, неприятия. Однако всего через четыре дня, когда газеты опубликовали сообщение о прошедшем 1 февраля Пленуме ЦК, сущность переработки выглядела совершенно иной. Более радикальной. Оказалось, что намеченные уже изменения в Конституции приведут к «демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми». То есть закрепят законодательно отказ от существовавшего почти два десятилетия деления населения страны по классовому признаку, отказ от советской системы в ее изначальной, считавшейся образцовой, форме.

О самой идее пересмотра Конституции, ее сути поначалу, весьма возможно, не знало даже большинство членов Политбюро. Сталин — несомненный инициатор конституционных реформ, судя по всему поделился своим замыслом лишь с А.С. Енукидзе не только потому, что знал того очень давно по совместной подпольной партийной работе, но и в силу его положения — как секретарь Президиума ЦИК СССР он обязан был заниматься именно такого рода вопросами. Пока невозможно датировать также остающийся гипотетическим их разговор. Скорее всего, он произошел либо в самых последних числах декабря 1934 г., либо в начале января 1935 г. Об этом косвенно свидетельствует дата представления Сталину от Енукидзе проекта пересмотра избирательной системы, что вряд ли могло быть сделано последним по собственной инициативе, 10 января 1935 г..[24] На подготовку такого рода документа должно было уйти от пяти до семи дней, но, во всяком случае, началась эта работа не позднее 8 января — дня, когда Молотову и Орджоникидзе поручили подготовить доклады для VII съезда Советов СССР.[25] При этом нельзя исключить и то, что, давая Енукидзе поручение, Сталин заодно изложил ему и свое видение смысла переработки Конституции, и то, в чем именно должны заключаться основные изменения.

10 января 1935 г. Енукидзе представил на рассмотрение Сталина и проект постановления съезда Советов, и объяснительную записку к нему. Свёл всё требовавшиеся перемены лишь к

одному — замене многоступенчатых выборов прямыми. Сталин отклонил проект, но не сразу и весьма своеобразно. Вначале повторил задание, на этот раз адресовав его Молотову, — это произошло не позднее 14 января, ибо этим числом в его блокноте помечены первые наброски плана доклада об изменении Конституции.[26] А 25 января, когда, как можно предполагать, Сталин уже получил от Молотова текст доклада, который тот произнесет лишь 6 февраля, всем членам и кандидатам в члены Политбюро, а также Жданову и Енукидзе было направлено письмо Сталина: «Рассылая записку Енукидзе, считаю нужным сделать следующие замечания. По-моему, дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле… Во-вторых, надо иметь в виду, что Конституция Союза ССР выработана в основном в 1918 г. Понятно, что Конституция, выработанная в таких условиях, не может соответствовать нынешней обстановке и нынешним потребностям… Таким образом, изменения в Конституции надо провести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы.

Предлагаю:

1. Собрать через день-два после открытия VII съезда Советов Пленум ЦК ВПК(б) и принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР.

2. Поручить одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированными предложениями: а) одобрить решения ЦК ВКП(б) об изменениях Конституции Союза ССР; б) поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к Конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст Конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы.

Сталин».[27]

Далее всё происходило по выработанному сценарию. Через два дня после открытия съезда Советов, на котором Молотов уже заявил о насущной необходимости внести изменения в Конституцию, 30 января Политбюро опросом приняло нужное, но лишь формально — для соблюдения правил игры, постановление: «О Конституции СССР и Пленуме ЦК». Пленум, собравшийся 1 февраля, повторил все, что содержалось в записке Сталина.

И здесь снова прослеживается далеко не случайное совпадение, переплетение двух, казалось бы, не взаимосвязанных событий.

10 января Енукидзе представляет свой вариант проекта изменений избирательной системы. 13 января прокуратура внезапно обнаруживает веские основания для предания суду Зиновьева и Каменева. 14 января Молотов втайне от остальных членов Политбюро начинает готовить доклад о конституционной реформе. 15–16 января проходит процесс по делу Зиновьева и Каменева. 18 января средства массовой информации сообщают о состоявшемся суде по делу Зиновьева и Каменева, о вынесенном приговоре.

Видимо убедившись, что никаких волнений, акций в защиту Зиновьева не произошло, Сталин делает очередной ход. 25 января он открыто отвергает проект Енукидзе, настаивая на полном изменении всей избирательной системы. 28 января Молотов на съезде Советов СССР объявляет о необходимости пересмотра Конституции. 1 февраля Пленум ЦК принимает постановление о вынесении на утверждение съезда Советов конституционной реформы. 6 февраля Молотов излагает основные положения, которые необходимо незамедлительно внести в текст пересмотренной Конституции.

Так завершились события, начавшиеся с выстрела Николаева в Смольном, с убийства Кирова. Вот для чего Сталин воспользовался предоставившимся предлогом расправиться с остатками оппозиции. Но именно изложенная выше последовательность событий вынуждает предположить, что расхождение Енукидзе и Сталина по вопросу о характере пересмотра избирательной системы и сыграло роковую роль в судьбе Зиновьева и Каменева.

Разногласия по вопросам внешней политики, по вопросам пересмотра старой советской Конституции, а отнюдь не само по себе убийство Кирова, и привели к репрессиям. Поначалу крайне ограниченным, ставшим явно превентивной мерой по отношению к тем большевикам-ортодоксам, кто намеревался или просто мог выступить против нового курса. Вместе с тем убийство Кирова послужило и необычайно удобным предлогом для изъятия из обращения в партийной среде трудов Троцкого, Зиновьева, Каменева, иных вождей бывшей оппозиции. Тех, кто обосновывал, пропагандировал радикальные идеи мировой революции да еще ссылался при этом на Ленина.

Репрессии и конституция СССР 1936 года[28]

Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. до сих пор практически не привлекала внимания историков. За последние тридцать лет данной проблемы касались И.Б. Берхин и В.В. Кабанов. Однако в силу существовавшей на момент подготовки их работ ограниченности источниковой базы они смогли лишь проследить деятельность конституционной комиссии, да и то в общих чертах.[29] В 1991 г. американский историк Дж. Арч Гетти пришел к выводу о намерении Сталина провести первые выборы в Верховный Совет СССР как альтернативные, состязательные.[30] Несколько позже отечественный исследователь О. В. Хлевнюк и американский — П. Соломон, анализируя события 1934–1936 гг., обратили внимание на весьма существенное обстоятельство. Целый ряд важных, откровенно либеральных по характеру политических решений, принятых именно тогда, когда шла подготовка текста новой Конституции, обусловил значительное смягчение внутриполитической обстановки. Потому-то оба исследователя назвали этот период «потеплением», «умиротворением», «возвращением к традиционному правовому строю».[31]

Все названные авторы, однако, не рассматривали вопросы конституционной реформы. Между тем, уже выявленные ими и введенные в научный оборот данные, а также современная источниковая база позволяют более углубленно исследовать проблему. Прежде всего, выяснить: случайно или нет совпали по времени с конституционной реформой массовые репрессии — ведь одновременно с ними и разрабатывался новый избирательный закон, проходили выборы в Верховные Советы СССР и союзных республик. Вместе с тем и установить истинную цель конституционной реформы.

25 июня 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло два постановления, которые стали определяющими для внутренней политики СССР. Правда, из-за скупости сведений они поначалу не привлекли к себе слишком большого внимания. Дело в том, что они лишь утверждали даты созывов и повестку дня очередных съездов Советов, XVI Всероссийского и VII Всесоюзного. Предусматривали также доклады «по конституционным вопросам».[32] При такой формулировке речь в них могла идти о чем угодно, но скорее всего — о внесении в Основной Закон перечня только что образованных наркоматов либо о чем-то похожем. Между тем настораживала весьма необычная процедура принятия этих решений, нарушавшая все существовавшие правила.

29 мая 1934 г. секретарь Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе направил в Политбюро письмо, в котором отмечалось, что «партгруппа ВКП(б) Президиума ЦИК Союза ССР наметила созыв VII съезда Советов Союза ССР 15 января 1935 г. и приняла следующий порядок дня: …6. Конституционные вопросы». По поручению партгруппы Енукидзе просил обсудить этот вопрос на одном из заседаний Политбюро. Двумя днями позже появилось еще одно аналогичное по содержанию обращение в Политбюро. М.И. Калинин и секретарь партгруппы Президиума ВЦИК Н. Новиков просили утвердить созыв съезда Советов республики 5 января 1935 г. и повестку

дня, в которой шестым пунктом также значился «доклад об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР».

Почти месяц оба документа лежали «без движения», хотя рассмотреть их можно было уже 6 июня, на ближайшем протокольном заседании Политбюро, либо раньше или чуть позже, ибо никаких сколько-нибудь существенных замечаний эти обращения не должны были вызывать. Однако решение последовало только 25 июня, накануне очередного заседания Политбюро. Скорее всего, именно в тот день Сталин и внес в оба документа незначительные поправки: был вычеркнут второй пункт повестки дня (доклад о втором пятилетнем плане), а двум схожим по смыслу пятым пунктам придали единообразие — «доклад по конституционным вопросам». После этого заведующий особым сектором ЦК А. Н. Поскребышев зафиксировал, что решения приняты «без голосования», но в «опросе» почему-то приняли участие лишь два члена Политбюро, В. Я. Чубарь и А. А. Андреев.[33] Только они, а отнюдь не Сталин, Каганович, Молотов, кто-либо иной. Как показали последующие события, такое необычное оформление решений вряд ли было результатом простой небрежности.

Полная идентичность обращений партгрупп Президиумов ЦИК СССР и ВЦИК позволяет утверждать, что Енукидзе и Калинин готовили их вдвоем, тщательно согласуя содержание и последовательность докладов. Наверняка при прямом участии Сталина и, вполне возможно, тех, кому по должности следовало быть в курсе таких вопросов — главы правительства В. М. Молотова, второго секретаря ЦК Л. М. Кагановича. Так как подобная встреча, даже в узком составе, непременно должна была произойти до 29 мая, ее следует отнести к 10 мая. К тому дню, когда Енукидзе и Калинин во второй раз после 10 марта побывали в кремлевском кабинете Сталина, где присутствовали также Молотов, М. М. Литвинов, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, А. А. Жданов, Г. Г. Ягода.[34]

Неоспоримые, хотя опять же косвенные, данные позволяют установить и иное. Подготовку доклада «по конституционным вопросам» поручили Енукидзе. Вызвано же это было, судя по всему, двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что он с дореволюционной поры, еще по подпольной работе был очень близким Сталину человеком. Мало того, никогда не принимал активного участия в политических баталиях, долгие годы сотрясавших партию, не участвовал ни в одной из оппозиций. С июля 1919 г. бессменно занимал пост секретаря сначала ВЦИК, а с образованием Советского Союза — ЦИК СССР. Безукоризненно исполнял весьма нелегкие обязанности, повседневно руководя выс-шим законодательным и исполнительным органом власти страны.

Кроме того, такое поручение, данное политически нейтральному Енукидзе, могло иметь и иное, не менее значимое основание. Стремясь максимально обезопасить себя от вполне возможной критики, от вероятных нападок со стороны бывших активных, наиболее известных участников оппозиции, Сталин попытался некоторых из них привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать, назначая на ответственные, но далеко не ключевые посты.

Для выполнения ответственного задания Енукидзе располагал достаточным временем: в его распоряжении было шесть месяцев. Однако, судя по всему, работа над «дополнениями и изменениями в Конституции», которые предстояло утвердить в январе 1935 г., а также их обоснованием в виде доклада практически началась только в конце ноября или в начале декабря 1934 г. Прийти к такому выводу заставляет журнал «Посетителей кремлевского кабинета И.В. Сталина», зафиксировавший встречи Енукидзе и Сталина после четырёхмесячного перерыва 1, 4 и 5 декабря,[35] за месяц до открытия XVI Всероссийского съезда Советов.

О ходе предварительного обсуждения Сталиным и Енукидзе сути и этапов конституционной реформы мы можем судить на основании сохранившихся трех документов, которые объясняют, почему в повестке дня открывшегося не 5 января 1935 г., как намечалось, а десятью днями позже XVI съезда Советов РСФСР оказалось только четыре доклада, а пятый, по конституционным вопросам, заявленный 15 января, который должен был делать секретарь

ВЦИК А.С. Киселев, так и не был произнесен. Раскрывают три документа и открытое расхождение между Енукидзе и Сталиным по вопросу о коренном изменении избирательной системы.

С опозданием по меньшей мере на неделю, 10 января 1935 г., Енукидзе завершил работу над теми предложениями, которые должны были лечь в основу докладов на всероссийском и всесоюзном съездах Советов. «Основываясь на Ваших указаниях, — писал он Сталину, — о своевременности перехода к прямым выборам органов советской власти (от райисполкомов до ЦИК СССР), представляю на обсуждение ЦК следующую записку об изменениях порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». А далее пространно, на восьми страницах он излагал то, что сам сумел кратко выразить во втором документе — проекте постановления VII съезда Советов СССР.

«Установленный Конституцией 1918 г. и действующей до настоящего времени порядок многостепенных выборов местных исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИК СССР был вызван необходимостью подавления сопротивляющихся советской власти буржуазно-помещичьих классов, вооруженной борьбой с ними рабочих и беднейших слоев крестьянства при малочисленности в те годы по сравнению с крестьянством ведущего революционного класса — пролетариата, распыленностью и отсталостью крестьянских масс и преобладанием в хозяйстве нашей страны капиталистического уклада. В настоящее время социалистический уклад является безраздельно господствующим. Коллективизированное более чем на 75 % крестьянство… превратилось в многомиллионную организованную массу…

Учитывая все эти изменения и в целях дальнейшего непосредственного приближения органов власти к массам трудящихся на основе всё более полного осуществления ими советского демократизма на практике, VII съезд Советов Союза ССР постановляет:

1. Признать целесообразным и своевременным переход к выборам районных, областных и краевых исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИКа Союза ССР прямым и открытым голосованием избирателей непосредственно на избирательных собраниях, на которых избираются члены городских и сельских советов, с установлением одинаковых норм представительства для городского и сельского населения».[36]

Заслуживает особого внимания начало пояснительной записки. Оно подтверждает ранее высказанное предположение о том, что именно Енукидзе была поручена разработка дополнений и изменений, утверждения которых Сталин хотел добиться, как свидетельствуют факты, уже в январе 1935 г. Столь же примечательна и формулировка названия проекта постановления. Несомненно предложенная Сталиным, она гораздо шире той, что предлагал Енукидзе — введение прямых выборов, а также изложенного им как бы между прочим о равных правах городского и сельского населения или рабочих и крестьян, что фактически вело к отказу от диктатуры пролетариата. Наконец, весьма значима еще одна деталь объяснительной записки: предложение вынести ее на обсуждение Пленума ЦК. При действовавшей и хорошо известной Енукидзе процедуре это могло затянуть решение вопроса и даже привести к отказу от конституционной реформы или весьма серьезному корректированию её.

Правка Сталиным проекта постановления дает основание предположить, что Енукидзе не полностью выполнил данное ему поручение, заменил дважды использованное слово «открытые» (выборы) на «тайные». Следовательно, на первом этапе реформы он стремился полностью отказаться от советской избирательной системы, достоинства которой пропагандировались более 16 лет, и перейти к иной, уничижительно называвшейся буржуазно-демократической. В связи с этим уже 14 января (вполне возможно, что и на день-два ранее) Сталин перепоручил подготовку проекта постановления ЦИК СССР и его обоснование Молотову. Когда же удостоверился, что Молотов выполнил то, что требовалось, воспользовался переносом даты открытия съезда Советов СССР сначала на десять дней, а затем еще на три — в связи со скоропостижной кончиной Куйбышева. 25 января Сталин направил членам и кандидатам в члены Политбюро, а также Енукидзе и Жданову письмо,

раскрывающее его замысел. «По-моему, — отмечал он, — дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге». И предложил в ближайшие дни собрать Пленум, чтобы «принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР», а на самом съезде поручить Молотову выступить с мотивированным предложением об одобрении такого решения ЦК. Кроме того, Сталин рекомендовал «поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к Конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст Конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы».[37] Как считал Сталин, новая избирательная система должна была быть принята не позднее осени 1936 г.

Сталину удалось настоять на своем. Через два дня после открытия съезда, когда Молотов уже заявил о необходимости внести изменения в Конституцию, 30 января Политбюро опросом приняло нужное решение, а Пленум ЦК, собранный 1 февраля 1935 г., своей резолюцией повторил слово в слово все предложенное Сталиным, а именно изменить Конституцию «в направлении: а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми; б) уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР».[38] Доклад об этом предстояло сделать Молотову.

5 февраля с докладом о поправках и изменениях в Конституции выступил Енукидзе, а на следующий день — Молотов. Как предусматривали записка Сталина и резолюция ЦК, Молотов проанализировал обе выдвинутые проблемы. Сначала он дал оценку классовых сил в стране, которые вынуждали изменить Конституцию, а затем перешел к собственно изменениям, названным предельно четко — «демократизацией советской избирательной системы». И, наконец, заявил о следующем: «Единственное ограничение Советская Конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и для наиболее враждебных трудящимся прислужников старого строя (бывшие полицейские, жандармы, попы и т. п.)». Затем он напомнил, что ещё в 1931 г. ЦИК СССР установил порядок возвращения избирательных прав лишенным их, благодаря чему число «лишенцев» сократилось до немногим более 2 миллионов человек, или 2,5 % от общей численности взрослого населения страны, и добавил: «В Советском Союзе открыта дорога к полноправной жизни для всех честных тружеников и круг «лишенцев» всё более сокращается. Мы идём к полной отмене всех ограничений в выборах в Советы, введенных в свое время «в качестве временных мер».

Только затем Молотов обосновал изменение избирательной системы, заметив, что тайные выборы, против чего высказался Енукидзе, прежде всего «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Завершил же доклад словами, прямо повторившими высказанное Сталиным год назад, на XVII съезде ВКП(б), о парламентаризме: «Мы получаем таким образом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных Советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента».[39]

VII съезд Советов СССР единогласно, как и Пленум, без каких-либо замечаний или поправок принял постановление, сформулированное Сталиным 25 января: о внесении в Конституцию СССР изменений и о необходимости «ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы».[40] Делегаты съезда не случайно, видимо, не захотели даже обсуждать постановление об изменении Конституции. Сообщения, опубликованные всеми газетами страны 18 января «О приговоре

Военной коллегии Верховного суда по делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова Е. Г., Гертик А. М. и других», а также «В Народном комиссариате внутренних дел СССР», информировавшем об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева, убедительно продемонстрировали, что ожидает несогласных с новым политическим курсом.

Предусмотренную постановлением VII съезда Советов СССР конституционную комиссию сформировали сразу же, 7 февраля, при открытии первой сессии ЦИК Союза ССР седьмого созыва. Включили в нее тридцать одного члена ЦИК, представлявших три группы широкого руководства страны: сопредседателей ЦИК СССР — Н. Айтакова, М. И. Калинина, Г. Мусабекова, Г. И. Петровского, А. Р. Рахимбаева, Ф. Ходжаева, А. Г. Червякова, а также А. С. Енукидзе и ответственного редактора «Известий» Н. И. Бухарина; председателей союзного и республиканских совнаркомов — В. М. Молотова, П. П. Любченко, Н. М. Голодеда, Д. Е. Сулимова, зампреда СНК СССР В. Я. Чубаря, наркомов А. С. Бубнова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Н. В. Крыленко, М. М. Литвинова, А. М. Микояна, прокурора СССР И. А. Акулова, его заместителя А.Я. Вышинского, зампреда Верховного суда СССР П. А. Красикова; партийных работников — Сталина, А. А. Жданова, избранного на Пленуме ЦК 1 февраля 1935 г. кандидатом в члены Политбюро, ответственного редактора «Правды» Л. З. Мехлиса, заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радека, председателя ЦК МОПР СССР Е. Д. Стасову, 1-го секретаря ЦК компартии Узбекистана А. И. Икрамова, 1-го секретаря Бурят-Монгольского обкома партии М. Н. Ербанова.

Сразу же после этого узкое руководство перенесло усилия в совершенно иную область. На основе предложений, внесенных в Политбюро новым прокурором СССР Вышинским, сменившим Акулова, была предпринята попытка подвергнуть критике деятельность НКВД и несколько ограничить его права, определённые менее года назад. В записке от 13 мая Вышинский предложил пересмотреть законность акции НКВД по «очистке Ленинграда от социально чуждых элементов», проведенной в марте 1935 г. в связи с убийством 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова и приведшей к высылке 11 702 человек, подчеркнув при этом, что проверка «выявила ряд грубейших ошибок и просчетов», заставивших прокуратуру уже на 1 мая отменить 13,4 % такого рода решений ленинградского УНКВД.[41]

Неделей ранее Политбюро получило от Вышинского проект постановления «О порядке производства арестов», утвержденного только 17 июня. Им устанавливалось, что аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора. Помимо этого, для ареста членов ЦИКов СССР и союзных республик, руководящих работников наркоматов всех уровней, директоров и заместителей директоров заводов и совхозов, инженеров, агрономов, врачей, профессуры, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений требовалась не только санкция прокурора, но и согласие соответствующего наркома.[42]

По предложению Вышинского 26 июля Политбюро утвердило еще одно важное решение — «О снятии судимости с колхозников», призванное создать юридическую базу, позволяющую ликвидировать «лишенцев», сделав возможным осуществление пока еще части того, о чем заявил Молотов, — возвратить избирательные права тем, кто был их лишен по суду. В соответствии с новым актом, официально ЦИК и СНК СССР предписывалось «снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным, более мягким мерам наказания и отбывшим данные им наказания или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками».[43] В результате за первые семь месяцев, к 1 марта 1936 г., с 768 989 человек сняли как судимость, так и сопровождавшее ее временное поражение в правах, лишавшее их возможности пять лет участвовать в выборах.[44]

По решению конституционной комиссии подкомиссии должны были подготовить свои предложения в двухмесячный срок, т. е. к середине сентября. На деле первые наброски статей

новой Конституции начали поступать лишь полтора месяца спустя после назначенного срока. Задержка объяснялась выявившимися серьезными расхождениями о допустимых пределах отступлений от Конституций 1918 и 1924 гг. Так, Крыленко резко выступил против разделения власти, а также выборности судей (последнее предложил Вышинский, видимо, после предварительной консультации со Сталиным). Члены правовой подкомиссии сошлись на компромиссе — сохранить выборность судей только низшей инстанции, народных. Бухарин со своей стороны настойчиво требовал не предоставлять избирательные права всем без исключения гражданам, к чему призывал Молотов на VII Всесоюзном съезде Советов, но вместе с тем согласился на замену советской избирательной единицы — производственной на свойственную буржуазным странам территориальную.[45]

Так обнаружилось, что уже на начальном этапе переработки Конституции обозначились принципиальные разногласия между Сталиным и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, отказывающимися поступиться своими принципами. Видимо, потому-то Сталин передоверил дальнейшую подготовку нового Основного Закона лишь тем, кому он мог полностью доверять. Уже входившему в подкомиссию по общим вопросам А. И. Стецкому — заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК, по экономическим — Я. А. Яковлеву, заведующему сельхозотделом ЦК, а также Б. М. Талю — первому заместителю Стецкого, до того момента не входившему в какую-либо подкомиссию.

Вряд ли данный выбор оказался случайным, сделанным в последнюю минуту. Скорее всего неблагоприятный вариант развития событий Сталин, задумывая конституционную реформу, полностью не исключал. А раз так, то ему следовало готовиться к нему и вполне возможно, именно такой расчет и лег в основу решения Политбюро от 25 мая 1935 г. о разделе культпропа на пять самостоятельных отделов — партийной пропаганды и агитации (Стецкий); печати и издательств (Таль); культурно-просветительной работы (А. С. Щербаков); школ (В. М. Волин); науки, научно-технических изобретений и открытий (К. Я. Бауман по совместительству).[46] Тем самым Стецкого и Таля избавляли от значительной части обязанностей, позволяя при необходимости и без ущерба для дела надолго сосредоточиться на иных, срочных проблемах. Яковлева включили в эту группу как надежного соратника Сталина и знающего сельское хозяйство администратора, а также редактора (с 1923 по 1929 гг.) созданных им популярных, с огромными по тем временам тиражами газет — «Крестьянской газеты» и «Бедноты».

В феврале 1936 г. Стецкому, Талю и Яковлеву удалось создать «черновой набросок», который вполне устраивал Сталина. Он включал в себя все те основополагающие разделы и статьи, на которых настаивал Сталин и которые вскоре практически без изменений вошли в утвержденную новую Конституцию СССР: система выборов; предоставление избирательных прав всем гражданам страны; разделение власти на две самостоятельных ветви — законодательную, Верховный Совет, и образуемый им Совнарком, власть исполнительную; выборность народных судей; ликвидация ЗСФСР и вхождение Азербайджана, Армении, Грузии непосредственно в Союз; переименование советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в советы депутатов трудящихся. Только получив «черновой вариант», Сталин окончательно уверовал в успех своего начинания, почему и позволил себе открыто заявить о самой значительной, призванной полностью изменить всю политическую жизнь Советского Союза грядущей перемене.

5 марта 1936 г. «Правда» опубликовала запись беседы Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Роем Говардом, в ходе которой американский журналист задал вопрос о том, насколько новая Конституция, новая избирательная система могут «изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия». Отвечая, Сталин сказал: «Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные

организации. А таких у нас сотни… Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу… Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».[47]

Так Сталин раскрыл суть конституционной реформы. Как оказалось, ради мирной, бескровной — в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов — смены власти.

В середине апреля Сталин вернулся к работе над текстом Конституции. Вместе с Молотовым 22 апреля он закончил редактировать «черновой набросок», уточнив формулировки ряда статей и окончательно согласовав их между собой, после чего передал его в редакционную подкомиссию. Последняя, не внеся в текст никаких изменений или дополнений, 28 апреля утвердила его, назвав «первоначальным проектом». 15 мая конституционная комиссия согласилась с представленным документом и единогласно «постановила вынести его на рассмотрение ближайшей сессии» ЦИК СССР. Тогда же комиссия избрала Яковлева секретарем вместо Акулова.[48]

Через две недели, 1 июня 1936 г., открылся очередной Пленум ЦК ВКП(б). Открылся докладом Сталина «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». Он остановился на пяти проблемах: изменениях в области экономики, классовой структуры, взаимоотношений народов СССР, изменениях в условиях работы высших органов власти и управления, внутреннем и международном значении новой Конституции. После перерыва в заключительном слове Сталин остановился на сроках утверждения Конституции:

«**Сталин:** …Видимо, дело пойдет так, что, скажем, ко второй половине июня Президиум ЦИК СССР соберется и одобрит в основном проект Конституции или не одобрит — это его дело. И если одобрит, то примет решение насчет того, чтобы созвать съезд Советов для рассмотрения проекта Конституции. Ну, скажем, в ноябре, раньше ноября едва ли целесообразно.

Голоса: Правильно.

Сталин: В начале ноября или в середине ноября.

Голос: В середине ноября.

Сталин: Президиум имеет право передать рассмотрение проекта Конституции более высшему органу, чем сессия ЦИК. А коль скоро это решится, то скоро будет опубликован проект Конституции. Значит, для обсуждения в прессе проекта Конституции у нас будет июль, август, сентябрь, октябрь — четыре месяца. Люди могут обсудить, рассмотреть проект, обмозговать его с тем, чтобы на съезде Советов в середине ноября принять или не принять его. Для того, чтобы не получилось такого положения, что в ноябре у нас будет Верховный Совет СССР вместо ЦИК, а в союзных республиках будут по-старому существовать ЦИКи, и чтобы этого неудобства не случилось, чтобы на долгое время оно не продлилось, придется дело поставить так, чтобы немедленно взялись за выработку своих Конституций применительно к нашему проекту Конституции, а также за выработку Конституций автономных республик с тем, чтобы после Всесоюзного съезда Советов, скажем, через месяц созвать свои республиканские съезды и там уже иметь готовые республиканские проекты для обсуждения и утверждения. На этих же съездах нужно создать свои верховные органы, республиканские Верховные Советы. Это для того, чтобы не получилось большого интервала между созданием Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик…

Голос: Товарищ Сталин, выборы пока что по-старому проводим?

Сталин: Очевидно, да.

Любченко: Нельзя ли созвать Всесоюзный съезд не в середине ноября, а первого декабря, тогда вторая половина ноября пойдет на выборы.

Молотов: Предлагаю окончательно закончить выработку проектов республиканских Конституций к сентябрю.

Сталин: В середине сентября (реплика вычеркнута).

Петровский: Не позже десятого (реплика вычеркнута).»

А перед тем Молотов изложил проект решения Пленума, содержавший три пункта. Одобрить в основном проект Конституции СССР; «ввиду особой важности вопроса считать целесообразным созыв Всесоюзного съезда Советов для рассмотрения проекта Конституции СССР»; «предложить руководящим центрам» одиннадцати республик (включая Казахстан и Киргизию) «приступить к выработке проектов своих Конституций… применительно к проекту Конституции СССР».[49]

Необычная из-за своей безликости, аморфности оппозиционность вскоре получила продолжение. 11 июня Президиум ЦИК СССР в соответствии с требованием Пленума принял постановление, одобрившее проект Конституции и назначившее созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября, а не на начало или середину месяца, чего настойчиво добивался Сталин. На следующий день все газеты страны опубликовали проект нового основного закона, а 14 июня в них появилась и предусмотренная рубрика «Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР», под которой начали помещать письма граждан. Рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей… Кого угодно, но только не членов широкого партийного руководства. Исключением стали статьи в «Правде» всего лишь двух первых секретарей крайкомов. Закавказского — Л. П. Берии, и Сталинградского — И. М. Варейкиса. Кроме них, из видных партийных и государственных деятелей страны откликнулись в «Правде» лишь те, кто участвовал в подготовке проекта: Молотов, Калинин, Крыленко, Вышинский, Стецкий, Радек. Но не высказали мнение о новой Конституции Орджоникидзе, Микоян, А. П. Розенгольц, выступавшие в те дни на заседаниях советов при НКТП, НКпищпроме, Наркомвнешторге. Первые секретари компартий Белоруссии Н. Ф. Гикало и Армении А. Ханджян ушли от обсуждения, дав в «Правду» экономико-географические очерки о своих республиках, а Н. С. Хрущёв, первый секретарь МК, нашел, что наиважнейшей темой дня является подписанная его именем статья «Как мы организовали Дом пионеров и детские парки». Тогда же первый секретарь Донецкого обкома С. А. Саркисов обратился к проблеме технологии добычи угля, а нарком просвещения РСФСР Бубнов задним числом — только после соответствующего постановления ЦК, подготовленного Ждановым, — обрушился с критикой на сторонников педологии, которую он еще недавно открыто поддерживал.

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, все члены ЦК дружно, единогласно проголосовали за проект Конституции, но с другой никто из них не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски, разъясняя их населению страны, неискушенному в знании, понимании обретенных прав. Разумеется, окружение Сталина, к которому, безусловно, можно отнести членов Политбюро Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, членов ЦК Вышинского, Литвинова, Стецкого, а также Таля, должно было оценить положение, в котором оказалось. Оценить и выработать ответные меры — в соответствии с навязанными им правилами игры.

Всю первую половину 1936 г. Сталин и его окружение проводили своеобразную внутреннюю политику, сохраняя, но в латентной форме и в минимальных масштабах, жесткое отношение к бывшим активным сторонникам Троцкого и Зиновьева. В январе с арестом немецкого политэмигранта, преподавателя Горьковского педагогического института В. П. Ольберга и обвинения в контрреволюционной и террористической деятельности более ста

человек из Горького, Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, началась волна репрессий. 9 февраля первый заместитель наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьев подписал директиву НКВД, констатировавшую «возросшую активность троцкистско-зиновьевского подполья». Эта директива, порожденная январской акцией, послужила вместе с тем поводом для ареста пятисот человек. Только 31 марта Политбюро дало поручение Ягоде и Вышинскому «представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1 декабря 1934 г.». Под «лицами» имелись в виду троцкисты. Продолжая эту тактику, 4 апреля Политбюро санкционировало возбуждение «дела вредителей Кузбассугля и Кузнецкого отделения Томской железной дороги», а 20 мая приняло решение по записке Ягоды от 25 марта, признав необходимым немедленную высылку троцкистов в отдаленные лагеря на срок от 3 до 5 лет.[50]

И всё же в то время Сталин отнюдь не намеревался обрушить всю мощь карательных органов против своих противников. На том же июньском Пленуме неожиданно для его участников — его доклад не был предусмотрен Политбюро, утвердившим 13 мая повестку дня и перенесшим дату созыва с 5 на 1 июня,[51] — выступил председатель КПК Н. И. Ежов с отчетом «О ходе обмена партийных документов». Начав с итогов, он сообщил: «При проверке партдокументов мы исключили свыше 200 тысяч коммунистов». Последовала реплика Сталина: «Очень много».

«**Ежов:** Да, очень много. Я об этом скажу. Сколько у нас есть апелляций, сколько мы вероятно восстановим в результате апелляций, но свыше 200 тысяч мы имеем исключенных.

Сталин: Если исключить 30 тысяч… а 600 бывших троцкистов и зиновьевцев тоже исключить, больше выиграли бы».

В прениях по докладу Сталин вновь заговорил о мягкосердечии. «Нельзя ли, — сказал он, — некоторых из тех, которые апеллируют, восстановить как кандидатов?.. Почему нельзя было бы часть апеллирующих, поскольку их невозможно по имеющимся материалам восстановить полностью как членов партии, восстановить их в качестве кандидатов в члены партии? Почему этого нельзя сделать?».[52]

Не предавая огласке шедшие аресты троцкистов и зиновьевцев, не проводя ни одного нового открытого политического процесса, Сталин весьма активно и результативно продолжал борьбу с оппозицией, одновременно пытаясь как-либо смягчить последствия прошлых репрессивных мер. 15 января Политбюро по предложению Вышинского от 11 декабря своим решением поручило Верховному суду, Прокуратуре и НКВД СССР создать региональные комиссии для «проверки правильности применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.». То есть того самого указа «об охране социалистической собственности», который обрушился в основном на сотни тысяч крестьян. Политбюро потребовало также возбудить ходатайства о смягчении наказания или о досрочном освобождении осужденных. За шесть последующих месяцев комиссии рассмотрели 115 тысяч дел, 91 тысячу из них признали «неправильными» и освободили от наказания свыше 37 тысяч человек.[53]

8 мая Политбюро, вновь по инициативе Вышинского, потребовало от прокуроров Северо-Кавказского края, Ленинградской и Ивановской областей «принять необходимые меры» для ускорения снятия судимости с отбывших наказание колхозников. Объяснялось это тем, что если в целом по Союзу отказы при пересмотре дел составили 5 процентов, то в указанных регионах — 21,7, около 20 и 12,2 процента соответственно.[54]

Большой эффект произвели также другие решения Политбюро, в частности, принятое по предложению Ворошилова от 20 апреля и опубликованное на следующий день как постановление ЦИК СССР — «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». «Учитывая преданность казачества советской власти, — отмечалось в нем, — а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны… отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы» в РККА. Тем же решением

восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой — цветными околышами фуражек и лампасами, папахами, кубанками и бешметами. 10 территориальная кавказская дивизия становилась 10 Терско-Ставропольской казачьей, 12 кавказская — 12 Кубанской казачьей, началось формирование 4 и 13 донских и 6 Кубано-Терской казачьих дивизий.[55]

Своеобразная массовая реабилитация не ограничилась лишь крестьянством и казачеством. Еще в декабре 1935 г. от имени ЦИК СССР были отменены все «установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением».[56] Три месяца спустя, 4 апреля 1936 г., Политбюро приняло решение, означавшее полный отказ от господствовавшей в годы первой пятилетки махаевщины, выразившейся в наиболее одиозных процессах того времени, дискредитировавших всю интеллигенцию. Л. К. Рамзина, В. А. Ларичева, В. И. Огнева и других известных инженеров, осужденных на десять лет по делу «Промпартии», не просто вдруг помиловали, но и «восстановили их во всех политических и гражданских правах». Опубликованное на следующий день как постановление Президиума ЦИК СССР, оно стало весомой пропагандистской акцией, призванной повлиять на настроения технической интеллигенции.

Тогда же Политбюро приняло еще два, внесенных Сталиным и Молотовым, решения, касавшихся, правда, предельно ограниченного круга лиц — «социально чуждых элементов», высланных в начале 1935 г. из Ленинграда. 28 февраля НКВД и Прокуратуру СССР обязали пересмотреть постановление областного управления наркомата внутренних дел «в отношении учащихся высших учебных заведений или занимающихся самостоятельным общественно-полезным трудом… лично ничем не опороченных», отменить им высылку «и разрешить свободное проживание на всей территории Союза ССР». А 23 июля по предложению Вышинского, Сталина и Молотова Политбюро признало необходимым «лиц, высланных из Ленинграда, но не виновных в конкретных преступлениях, на время высылки не лишать избирательных прав и права на пенсию».[57]

Всеми этими решениями и постановлениями Сталин стремился к главной своей цели: принципиально изменить массовую базу избирателей. Загодя, еще до принятия новой Конституции и основанного на ней избирательного закона, он хотел предельно расширить круг лиц, кому вернули гражданские права, отбиравшиеся начиная с 1918 г. Продолжая одновременно репрессии по отношению к «врагам» партии и государства.

Опираясь на подготовленный Ягодой и Вышинским список подлежащих аресту 82 троцкистов, подозреваемых в терроризме, Политбюро в июне дало поручение НКВД подготовить процесс над троцкистами и зиновьевцами. В соответствии со сложившейся традицией его предварили закрытым письмом ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока».[58]

О нескрываемой, даже нарочитой искусственности первого из открытых «московских» процессов, проходившего с 19 по 24 августа 1936 г., свидетельствовал пестрый состав шестнадцати подсудимых. Ими оказались зиновьевцы — сам Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, уже второй год отбывавшие срок заключения, и троцкисты — С. В. Мрачковский, И. Н. Смирнов, еще в 1933 г. осужденные на пять лет, В. А. Тер-Ваганян, в мае 1935 г. высланный в Казахстан. Вторую группу подсудимых составляли арестованные за месяц или два до процесса бывшие оппозиционеры — Е. А. Дрейцер, И. Н. Рейнгольд, Р. В. Пикель, Э. С. Гольцман. Наконец, в третью входили никому не известные политэмигранты — бывшие члены компартии Германии, чьё присутствие на скамье подсудимых призвано было подтвердить связи Троцкого с его единомышленниками в Советском Союзе.

Такой подбор подсудимых, представших на августовском процессе, призван был продемонстрировать советскому народу ту «жалкую роль», к которой «скатились» те, кто всего десять лет назад возглавлял партию и страну. Продемонстрировать, кроме того, партократии, отвергшей предложение Сталина на Пленуме, чего следует ожидать и им в случае дальнейшей

конфронтации. Наконец, процесс должен был показать Западу: Кремль полностью отказался от ориентации на мировую революцию. Именно потому и приговорен к высшей мере наказания Зиновьев — совсем недавно глава Коминтерна, олицетворявший в глазах Запада «руку Москвы», «организатор» в 1926 г. всеобщей забастовки в Великобритании.

И всё же августовский процесс 16-ти выглядел слишком символичной акцией. Страшной, но всего лишь безадресной угрозой всем, а потому никому. Ведь и Зиновьев, и Каменев, и Евдокимов, и Бакаев, несмотря на свою известность, даже популярность в определенных партийных кругах, давно выпали из политической жизни. Главной же целью задуманной акции оставалось прямое воздействие на членов ЦК, делегатов предстоящего Всесоюзного съезда Советов. Потому-то Сталин решил нанести еще один удар, более действенный. По тем, кто в прошлом играл значительную роль в оппозиции, преимущественно троцкистской, а ныне занимал ответственные посты.

С 26 июля по 16 сентября, т. е. на фоне августовского процесса и сопровождавшей его шумной пропагандистской кампании, тихо, без огласки арестовали — по показаниям Зиновьева! — первого заместителя наркома тяжелой промышленности Г.Л. Пятакова, заместителя наркома лесной промышленности Г. Я. Сокольникова, замначальника Цудортранса Л. П. Серебрякова, заведующего Бюро международной информации ЦК К. Б. Радека, заместителей командующих войсками военных округов: Ленинградского — В. М. Примакова, Харьковского — С. А. Туровского, военного атташе в Великобритании В. К. Путну, заместителя наркома путей сообщения Я. А. Лившица, начальника Главхим-прома НКТП С. А. Ратайчака, первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна, а также других, в том числе и восстановленных в партии всего год назад Л. С. Сосновского, сотрудника «Известий», Н. А. Угланова, хоть и прощенного, но оставленного на скромной должности в Тобольске.

Все они оказались своеобразными заложниками. Их, как то было четыре-пять лет назад, могли после допросов вскоре освободить, понизив в должности, выведя из ЦК и ЦИК СССР. Но могли и сделать подсудимыми ближайшего открытого процесса — всего лишь в зависимости от обстоятельств, от дальнейшего развития событий. Трезво оценить такое положение сумел лишь М.П. Томский, директор крупнейшего издательства страны, ОГИЗа. Он понял, какая участь рано или поздно ждёт его, а потому 21 августа на партсобрании издательства покаялся в своих «преступных связях» с осужденными по процессу 16-ти, а следующим утром на даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством.[59]

Как уже не раз происходило за последние полтора года, процесс и связанные с ним очередные аресты, имевшие чисто политический характер, — ведь они не основывались на уликах, бесспорных доказательствах преступных если не действий, то хотя бы намерений, — оказались вполне достаточным основанием для далеко идущих обобщений и выводов. Но прежде всего для чистки руководства НКВД. 26 сентября началась сложная кадровая перестановка. С поста наркома связи сняли А. И. Рыкова, вместо него назначили Ягоду, а наркомом внутренних дел утвердили Ежова, сохранив за ним и пост председателя Комиссии партийного контроля при ЦК. Затем направили к Ягоде его прежнего первого заместителя Г. Е. Прокофьева; начальника секретно-политического отдела Г. А. Молчанова перевели в провинцию, наркомом внутренних дел Белоруссии; начальника особого отдела М. И. Гая понизили до должности начальника управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Так же поступили и с секретарем НКВД СССР П. П. Булановым, назначив всего лишь секретарем особого совещания наркомата.

Но ещё большего внимания заслуживает решение о создании в НКВД отдела охраны. Создание этого отдела, чистка центрального аппарата НКВД свидетельствовали о недоверии к тем, кто по долгу службы обязан был своевременно информировать узкое руководство о подлинных настроениях членов ЦК, но не сделал этого. Своим бездействием (или саботажем?) поставил и самого Сталина, и его приближенных в ложное положение, обрек в ходе июньского Пленума на неожиданное и бесславное поражение, вынудил смириться с волей партократии,

оказавшейся сильнее. Ну а выбор, павший именно на Ежова, был предопределен лишь одним. Той оставшейся в рукописи книгой, которую он написал к концу 1935 г., обобщив на свой лад материалы следствия по делу об убийстве Кирова, с которыми его знакомили как председателя КПК. В своем большом, объемом в 230 машинописных страниц, труде «От фракционности к открытой контрреволюции» Ежов пришел к явно надуманным в основном выводам, поначалу категорически отвергнутым Сталиным, но затем пригодившимся как нельзя кстати. Ведь автор утверждал: «программа зиновьевско-каменевской и троцкистской организаций была по существу программой второй коммунистической партии». И тут же, при полном пренебрежении логикой, заявлял: и зиновьевцы, и троцкисты давно «встали на путь террористических групп».

Эта-то рукопись и стала с конца сентября 1936 г. программой действий для НКВД, предварительно явившись основой подготовленного Ежовым текста постановления Политбюро от 29 сентября «Об отношении к контрреволюционным троцкистским элементам».[60] Уже своим названием она сделала всех тех, кто когда-либо голосовал за резолюции, предлагавшиеся Троцким, или открыто разделял его взгляды, или участвовал в организованных им или при его участии оппозициях, или тех, кто в годы Гражданской войны служил под его началом, контрреволюционерами. Другими словами, явными преступниками, подлежавшими немедленному аресту и приговору, выносимому без суда и следствия.

Подобное откровенно антиправовое, формально-анкетное установление «виновности» троцкистов, а вместе с тем и зиновьевцев, сразу же породило новую волну пока ещё относительно небольших репрессий. Выборочных, ограниченных по своим масштабам. Об их размерах в октябре — ноябре 1936 г. можно судить по докладу Ежова на Пленуме ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. Отчитываясь о работе по «ликвидации троцкистского подполья», он привел данные, к которым следует относиться с полным доверием, ибо они вряд ли были занижены. На Украине за два месяца арестовали свыше 400 человек, в Ленинградской области — свыше 400, в Грузии — свыше 300, в Азово-Черноморском крае — свыше 200, в Западно-Сибирском — 120, в Свердловской области — свыше 100.[61] По этим неполным и отрывочным данным можно предположить, что поначалу политическим репрессиям подверглось в целом по стране от 4 до 6 тысяч человек. Во много раз больше, нежели предлагал Сталин на июньском Пленуме, — всего лишь исключить из партии 600 троцкистов и зиновьевцев. Но несравненно меньше числа оппозиционеров узкому руководству, названному Троцким тогда же, — 20–30 тысяч человек.[62]

Однако ни установление численности «врагов», ни перечисление их преступлений — шпионаж, диверсии на промышленных предприятиях и транспорте, подготовка терактов, не стали главным в докладе Ежова. Дважды по ходу выступления он подчеркнул иное. Мол, троцкисты и зиновьевцы «активизировали свою работу в 1935 и 1936 гг., вернее — в начале 1936 г.».[63]Установление же именно такого периода и особенно подчеркивание как наиболее серьезной и опасной его заключительной фазы должно было быть понято участниками Пленума, и понято однозначно. Указывало им вполне конкретно на время подготовки новой Конституции, на заявление Сталина об альтернативности предстоявших выборов. Заставляло только так и воспринимать слова нового наркома внутренних дел еще и то, что сам Пленум посвятили в основном конституционному вопросу, а первый из двух дней его заседания проходил в канун решающего голосования на съезде Советов — за или против утверждения новой Конституции.

К сожалению, основные материалы декабрьского (1936) Пленума остаются недоступными. Выступления Сталина о проекте Конституции, в прениях по докладу Ежова, и заключительное слово, впрочем, как и полный текст его доклада на июньском Пленуме, все еще засекречены. Потому-то и невозможно установить, до Пленума или в ходе его работы Сталин отказался от вынесения на съезд Советов помимо собственно текста Конституции еще и нового избирательного закона. Правда, доклад Сталина 25 ноября при открытии съезда говорит в пользу второго варианта. Ведь вряд ли случайно он, как и на июньском Пленуме, начал с

напоминания о безусловно самом важном для себя. Снова полностью процитировал постановление VII Всесоюзного съезда Советов о необходимости изменения избирательной системы, проведении на ее основе очередных выборов. Мало того, разбирая поступившие поправки и дополнения к проекту, больше всего полемизировал с теми, кто продолжал настаивать на сохранении института «лишенцев».

«Советская власть, — заявил Сталин, — лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного предела… Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут особенно бояться? Волков бояться — в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор».[64]

Молотов, выступивший на съезде 29 ноября, в целом сказал гораздо больше, нежели мог себе позволить Сталин при сложившихся обстоятельствах. «Кандидатов в советы, — заявил он, — наряду с организациями большевистской партии будут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации». Сразу же пояснил смысл сказанного, фактически повторив интервью Сталина Рою Говарду: «Эта система… не может не ударить по обюрократившимся, по оторвавшимся от масс. С другой стороны, эта система облегчает выдвижение новых сил… которые должны прийти на смену отсталым или очиновнившимся элементам. При новом порядке выборов не исключается возможность выбора кого-либо из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация. Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела, поскольку она будет подхлестывать нуждающиеся в этом организации и заснувших работников».

Так Молотов разъяснил причины возвращения почти миллиону осужденных или раскулаченных крестьян избирательных прав и одновременно обрушился на троцкистов, рассматривая только их, большевиков-ортодоксов, как реальных политических противников. Поначалу развивал эту мысль безлично: «Все лучшее в демократическом устройстве других государств мы берём и переносим в нашу страну и применяем к условиям советского государства. За бортом остается только право на легальность для политических партий, кроме партии коммунизма… В нашей стране… другие политические партии, как показал весь наш опыт, являются агентурой реставраторов капитализма; не может быть места для их легализации».

Завершил же мысль предельно конкретно, адресно: «В волчьей стае врагов коммунизма, — жестко и грубо бросил он в зал, — не последнее место занимают теперь господа троцкисты, у которых одни цели с буржуазией. Эти люди, как известно, пошли в угоду и по указке буржуазных государств на самые грязные и на самые гнусные контрреволюционные дела. Известно, что у них есть подпевалы и пособники из правых отщепенцев. Что же? Мы знаем, как поступить с отбросами революции».[65]

За несколько дней до открытия VIII чрезвычайного съезда Советов СССР Яковлев, 29 сентября назначенный в дополнение к занимаемым должностям еще и первым заместителем председателя КПК, представил в Политбюро записку. «Тов. Радченко, — говорилось в ней о начальнике Заготлен, — направил управляющим своих контор распоряжение, в котором написано: «Предлагаю вам всех исключенных из партии при проверке партдокументов уволить». Считаю, что этот способ себя страховать и подкидывать ЦК исключенных из партии как безработных по меньшей мере непартийный. Предлагаю проект постановления ЦК ВКП(б) для публикования в печати». Спустя неделю проект, — «отменить распоряжение… Радченко, ибо оно противоречит политике партии», предложенный Яковлевым и одобренный 21 ноября

Сталиным, Молотовым, Андреевым, Ждановым, Калининым, Чубарем, а перед тем и Ежовым, появился во всех газетах.[66]

Затем Сталин провел сложные кадровые перестановки. Исходя, несомненно, из выявившегося отношения к конституционной реформе, из одного региона в другой были переброшены ряд первых секретарей. В декабре Л. И. Картвелишвили (Лаврентьева) перевели из Дальневосточного края в Крымскую АССР, И. М. Варейкиса — из Сталинградского края в Дальневосточный, Б. А. Семенова — из Крыма в Сталинград. В январе 1937 г. рокировку продолжили. В Северном крае В.И. Иванова заменили Д. А. Конториным, в Курской области И. Иванова за неудовлетворительное руководство хозяйством — Б. П. Шеболдаевым, последнего «за политическую близорукость» в Азово-Черноморском крае — Малиновым, в Куйбышевской области В. П. Шубрикова — П. П. Постышевым. Кроме того, первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии вместо Н. Ф. Гикало, отправленного в Харьковскую область, поставили В. Ф. Шаранговича, а руководителя компартии Таджикистана С. К. Шадунца отозвали в Москву для работы в КПК, утвердив вместо него У. Ашурова.[67]

Сочтя, видимо, такие меры недостаточными, 22 января Политбюро санкционировало проведение второго «московского» открытого процесса — суда над семнадцатью видными в прошлом сторонниками Троцкого, арестованными минувшей осенью, — Г. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым, К. Б. Радеком, Л. П. Серебряковым, Н. И. Мураловым, Я. Н. Дробнисом и другими.[68] Однако сам процесс не породил очередной, третьей волны арестов. Он как бы завершил вторую, после чего воцарилось кратковременное затишье, использованное для самой оголтелой пропагандистской кампании, вылившейся практически сразу же в безудержную шпиономанию, массовую «охоту на ведьм».

Сходную по сути роль сыграл и открывшийся месяц спустя очередной Пленум ЦК (23 февраля — 5 марта 1937 г.), который привел к предрешенному, неизбежному аресту правых — снятого с должности лишь 16 января Бухарина, Рыкова. Принятая 2 марта по докладам Молотова и Кагановича резолюция — «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» определяла троцкистов уже не столько политической оппозицией в партии, сколько врагами всего советского народа, всей страны. Содержание резолюции при желании можно было трактовать и таким образом, что, мол, с вредительством уже покончено. Ведь она «в целях ликвидации последствий диверсионно-вредительской деятельности немецко-японско-троцкистских агентов и искоренения причин, делающих возможной подрывную работу фашистской агентуры», потребовала не от «органов» НКВД, а от наркоматов разработать «меры разоблачения и предупреждения вредительства и шпионажа по своему наркомату», представив их «в месячный срок в Политбюро ЦК и Совнарком СССР». Под требуемыми мерами подразумевались прежде всего строгое соблюдение технологических процессов производства, регулярный планово-предупредительный и капитальный ремонт оборудования, жесточайший контроль за соблюдением положений об охране труда и технике безопасности, переподготовка кадров. Именно это, утверждала резолюция, должно предотвратить те аварии на предприятиях и транспорте, которые и расценивались теперь как «вредительство».[69]

Такой же подход к определению «врагов» содержался в заключительном слове Молотова 2 марта. В отличие от Ежова, в декабре сообщившего о количестве арестов по парторганизациям, он информировал участников Пленума о числе уже осужденных по наркоматам и ведомствам: за пять месяцев репрессировали две с половиной тысячи человек. Правда, в это число не вошли данные по НКО и НКИД, а также по большинству республиканских наркоматов,[70] что вполне могло удвоить или утроить количество осужденных. Но даже и в таком случае столь огромная цифра все еще не давала оснований говорить о массовых репрессиях.

О «врагах» на Пленуме говорил в своем докладе и Сталин.[71] Он начал с осуждения зиновьевцев и троцкистов, неожиданно связав их с беспартийными «шахтинцами» и

«промпартийцами», затронул международные дела — «капиталистическое окружение», сказал о новой опасности — «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных и шумливых восхвалений». К концу доклада он еще раз намекнул на все тех же троцкистов: «современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним как к членам партии», «слабость наших людей составляет… отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы». И еще назвал тех, кто должен был быть готов лишиться своих постов, партийных руководителей — 3–4 тысячи высших, 30–40 тысяч средних и 100–150 тысяч низового звена. Указал и срок — шесть месяцев, когда придется «влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения».[72] То есть перед выборами в Верховный Совет СССР.

По докладам Ежова, Молотова, Сталина, Кагановича, Ворошилова невольно могло сложиться впечатление, что суть Пленума и есть поиск «врагов», проблема «вредительства». Однако главным все же было другое — предстоящие выборы в Верховный Совет СССР, о чем говорилось в докладе Жданова, которым поначалу и хотели открыть Пленум. «Нам предстоят, — сказал он, — очевидно, или осенью, или зимой этого года перевыборы в Верховный Совет СССР и в Советы депутатов трудящихся сверху донизу по новой избирательной системе», которая даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в их работе. Потому-то «наши партийные органы, — подчеркнул Жданов, — должны быть готовы к избирательной борьбе. При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами». «Тайное голосование, — предупреждал он далее, — предоставляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и негодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор», при этом «партийные организации должны научиться отличать дружескую критику от враждебной. У нас нередко бывает так, что недовольство трудящихся отдельными недостатками и извращениями в деятельности наших советских органов расценивается и рассматривается как враждебная критика». И заключил: «Было бы очень вредным и опасным, если бы при новых выборах были повторены ошибки, имевшие место в старой тактике выборов и которые заключались в невнимательном отношении к кандидатурам беспартийных, когда в целях обеспечения партийного влияния в Советах беспартийные кандидатуры не пользовались необходимым вниманием и поддержкой, которые вытекают из основ большевистского понимания руководства и связи с массами.

Имейте в виду, что коммунистов в нашей стране 2 миллиона, а беспартийных «несколько» больше». «Если мы хотим, — продолжал Жданов, — добиться уважения у наших советских и партийных работников к нашим законам и масс к советской Конституции, — то мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе безусловного и полного проведения начал внутрипартийной демократии, предусмотренной уставом нашей партии». В заключение Жданов сказал о необходимости проведения тех мероприятий, которые уже содержались в проекте резолюции по его докладу: ликвидация кооптации; воспрещение голосовать списком; переход от открытого голосования к тайному; обеспечение неограниченного права отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченного права критики этих кандидатур.[73]

Перестановка узким руководством доклада Жданова с первого места в повестке дня на второе оправдала себя полностью. После выступлений Ежова и Сталина члены ЦК не могли не поддержать предложенную им резолюцию. Тем более что собственно они должны были проголосовать всего лишь за точное соблюдение устава партии, а не за новое положение о выборах, которое весьма интересовало их, но о котором они так ничего и не узнали. В прениях, правда, этот вопрос все же прозвучал. Р.И. Эйхе, первый секретарь Западносибирского крайкома, заметил, что, мол, «следовало бы начать со скорейшего ознакомления с избирательным законом. До сих пор мы ничего не знаем». Однако Жданов не стал на него отвечать, предоставил это Калинину, который уклонился от прямого объяснения. Все

«вопросы, — сказал он, — будут разрешены, когда будет обсуждаться проект… Опубликовывать раньше проект нет оснований. Обсуждаться проект, очевидно, будет на сессии, и вы тогда внесете свои поправки».[74]

Судя по всему, на этот раз ход Пленума вполне удовлетворил Сталина, который в заключительном слове 5 марта свел суть требующих быстрого решения задач к проблеме кадров — в основном первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Прежде всего он объявил о том, что необходимо разграничить функции органов партии и исполнительной власти. Партийные организации, сказал он, будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. «Для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена, и ее органы не дадут вам подменить их. И это очень хорошо». И пояснил: «Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их».

Сталин пытался также внушить членам ЦК, что необходимо разделять бывших оппозиционеров на две категории. На лидеров и рядовых участников, думая и заботясь при том о судьбе последних. Вспомнил о тех 1,5 миллионах человек, которых исключили из партии по различным причинам начиная с 1922 г., и счел сохранявшееся негативное к ним отношение неверным, ничем не оправданным.

И, наконец, остановился на проблеме партократии, осудив зазнайство некоторых ее представителей. Для исправления положения Сталин предложил обязать всех секретарей пройти обязательное обучение или переподготовку на полугодовых курсах, которые скоро будут созданы.[75] Секретари понимали, что после курсов их скорее всего переместят, направят на какую-нибудь иную должность и не обязательно прежнюю, пусть даже в иной райком, обком или крайком. И Сталин, догадываясь о том, постарался подсластить горькую пилюлю. «Мы, старики… скоро отойдём, сойдём со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен».[76]

Так Сталин попытался подстраховать и себя, и намеченные политические реформы, гарантировать осуществление столь насущной ротации кадров широкого руководства не только в ходе выборов в Верховный Совет СССР, но и выборов в партийных организациях, которые, несомненно, должны были привести к смене регионального руководства — на уровне обкомов и крайкомов. Того же опасалась и партократия, осознавшая реальную для себя угрозу после первых же результатов районных партконференций. Многие секретари райкомов не попали в бюро вновь избранных райкомов, а секретари обкомов и крайкомов получили предельно минимальное число голосов «за» в ходе выборов делегатов на областные и краевые партконференции. И потому попытались проводить выборы по-старому.

Информация об этом заставила узкое руководство, Сталина немедленно откликнуться. 20 марта, всего через две недели после окончания Пленума, Политбюро утвердило циркуляр, подтверждающий резолюцию, принятую членами ЦК единогласно. «Воспретить, — говорилось в циркуляре, — при выборах партийных органов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критику последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование».[77] Однако и самой резолюции, и повторявшего ее основные положения циркуляра, как вскоре выяснилось, оказалось недостаточно. И потому спустя полтора месяца, 8 мая, Политбюро пришлось утверждать еще один сходный по содержанию документ. На этот раз как постановление ЦК, что, несомненно, свидетельствовало о возросшем сопротивлении партократии, пытавшейся любой ценою предотвратить утрату своих властных полномочий — постановление «О нарушении порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования». ЦК ВКП(б), говорилось в нем, «стали известны факты о том, что в отдельных партийных организациях на партийных

конференциях и собраниях при оглашении результатов тайного голосования счетные комиссии не сообщают количество голосов «против», полученных членами ЦК ВКП(б) при голосовании их кандидатур в состав партийных органов или делегатов на конференции. ЦК ВКП(б) разъясняет, что такая практика является неправильной, и считает необходимым полностью устно (непечатно) оглашать результаты голосования, кого бы оно ни касалось».[78]

Но этим подготовка к предстоящим выборам не ограничилась. За тот же период Политбюро приняло два чрезвычайно важных документа, существенно расширявших число будущих избирателей за счет тех, кто совсем недавно считался врагом советской власти. 13 марта как постановление ЦИК СССР «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации Центральной избирательной комиссии ЦИК СССР» (последняя и занималась составлением списков «лишенцев»).[79]5 мая Политбюро приняло постановление ЦК «О пересмотре судебных приговоров в отношении инженеров и техников угольной промышленности Донбасса». Им предлагалось «Прокурору СССР т. Вышинскому пересмотреть судебные приговоры и снять судимость (вернув избирательные права. — ***Ю.Ж.***) с инженеров и техников в угольной промышленности Донбасса, осужденных по производственным делам без достаточных оснований или на протяжении последующей работы показавших себя добросовестными и преданными делу работниками».[80] Данный акт означал реабилитацию не одной тысячи человек, осужденных начиная со знаменитого «Шахтинского процесса» чаще всего без каких бы то ни было юридических оснований и вместе с амнистированием осужденных по делу «Промпартии» должен был радикально изменить отношение к Сталину и его окружению, проводимым ими политическим реформам в лучшую сторону.

Подготовка публикации избирательного закона проходила в обстановке разраставшейся шпиономании. Чуть ли не ежедневно публиковались газетные статьи, сборники и брошюры под шаблонным названием «Коварные методы и приемы разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры». Шпиономания в любую минуту могла перейти в массовый психоз с непредсказуемыми, катастрофическими для всех, в том числе и для узкого руководства, для Сталина, последствиями.

Для того чтобы не утратить власть, попытаться сохранить контроль за развитием событий, направляя их, пока это было еще возможным, в нужное русло, Сталин пошел на решающий шаг, на полную узурпацию власти. Нарушив Устав партии, а заодно и положение о полномочиях Совнаркома СССР, пренебрегая только что утвержденной новой Конституцией, узкое руководство фактически присвоило себе полномочия Политбюро и секретариата.

Основанием для оформления принципиально новой конструкции власти стала записка Сталина, адресованная членам Политбюро. «Вопросы секретного характера, — говорилось в ней, — в том числе вопросы внешней политики, должны подготавливаться для Политбюро по правилу секретариатом ЦК ВКП(б). Так как секретари ЦК, за исключением т. Сталина, обычно работают либо вне Москвы (Жданов), либо в других ведомствах, где они серьезно перегружены работой (Каганович, Ежов), а секретарь ЦК т. Андреев бывает часто по необходимости в разъездах, между тем как количество секретных вопросов все более и более нарастает, секретариат ЦК в целом не в состоянии выполнять вышеизложенные задачи. Я уже не говорю о том, что подготовка секретных вопросов, в том числе вопросов внешней политики, абсолютно невозможна без участия тт. Молотова и Ворошилова, которые не состоят членами секретариата ЦК. Ввиду сказанного предлагаю Политбюро ЦК ВКП(б) создать постоянную комиссию при Политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки, а в случае необходимости — для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова».[81]

14 апреля Политбюро утвердило предложенное решение, расширив его по смыслу: «1. В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой секретности — и для разрешения вопросов

секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова. 2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.».[82]

Так оформилось двухуровневое узкое руководство, присвоившее себе все властные права не только в партии, но и в СНК СССР. В высшую, постоянную его группу, являвшуюся подлинным узким руководством, вошли Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович, а во вторую, дополнительную или вспомогательную, — Ежов, Чубарь и Микоян. Отныне они, и только они, брали на себя право решения всех жизненно важных проблем страны. Объявляли, что будут обходиться не только без участия членов ЦК, но и остальных членов и кандидатов в члены Политбюро, секретариата.

Однако этим реформа властных структур не завершилась. 25 апреля был сделан ещё один решительный шаг на пути концентрации абсолютной власти в руках узкого руководства. «В целях объединения всех мероприятий и вопросов обороны СССР, — констатировало очередное решение Политбюро, — создать при СНК СССР Комитет обороны Союза Советских Социалистических Республик в количестве семи человек: Молотов (председатель), Сталин, Каганович Л., Ворошилов, Чубарь, Рухимович, Межлаук В.». Одновременно упразднялся Совет труда и обороны — орган, в функции которого входили вопросы, которые отныне брал на себя неконституционный Комитет обороны.[83]

Предельно укрепившись во власти, Сталин продолжил начатое в конце 1936 г. перемещение вызывавших опасение первых секретарей. В период с 17 марта по 17 мая руководителя компартии Туркмении Я.А. Попка перевели секретарем обкома АССР немцев Поволжья; первого секретаря Донецкого обкома С. А. Саркисова — директором объединения Донуголь, а на его место перевели Э. К. Прамнэка из Горького, где секретарем стал брат Л. М. Кагановича — Ю. Л. Каганович; в Ярославском обкоме Райнова заменили Н. Н. Зиминым, ранее заведовавшим отделом транспорта ЦК, а потом занимавшим должность замнаркома путей сообщения; И. П. Разумова, долгие годы руководившего парторганизацией Восточносибирского края, заменили А. С. Щербаковым, прошедшим своеобразную стажировку на посту завотделом ЦК. Однако самые серьезные события произошли в Свердловске. Там И. Д. Кабакова, около десяти лет возглавлявшего всю партийную и хозяйственную деятельность этого важнейшего для экономики страны региона, сняли с должности, вывели из состава ЦК, а «дело» его — первого из партработников такого высокого ранга, — передали следственным органам, в НКВД.

Перетряски, перестановки и чистки не ограничились только партийными работниками. 28 марта без каких-либо объяснений Н. Н. Крестинского, в прошлом одного из ближайших соратников Троцкого, с 1921 г. (правда, с двухлетним перерывом) работавшего в НКИД и лишь недавно утвержденного первым заместителем наркома, перевели в Наркомюст, тоже замнаркома; Л. М. Карахана, профессионального дипломата, отозвали с поста полпреда в Турции, долго подбирали новое назначение, но в конце концов арестовали. 11 апреля освободили как не справившегося с работой от обязанностей наркома совхозов СССР М. И. Калмановича, пока лишь понизив в должности. 20 мая с поста наркома легкой промышленности РСФСР освободили старого хозяйственника К. В. Уханова. А тремя днями ранее отправили в ссылку в Астрахань видных большевиков с дореволюционным стажем — И. Д. Орахелашвили, замдиректора ИМЭЛ и члена ЦРК, Ш. З. Элиаву, заместителя наркома легкой промышленности СССР. Наконец, 24 мая за «извращение колхозной политики» сняли с поста председателя СНК Белоруссии Н. М. Голодеда.

Массовые репрессии обрушились также на высший и старший начсостав РККА, на тех, кто прошел Гражданскую войну, а значит, прямо был связан с председателем РВСР Троцким. Подчинялся ему, выполнял его приказы и распоряжения.

Поначалу счёт арестованных командиров шёл на единицы. И марта 1937 г. арестовали командующего войсками Уральского военного округа И. И. Гарькавого и его заместителя М. И. Василенко, затем только что утвержденного в должности нового командующего войсками Уральского военного округа Б.С. Горбачева, заместителя командующего Приморской группы И. С. Кутякова, помощника командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) А.Я. Лапина, начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе А. И. Корка, начальника управления по комсоставу РККА Б.М. Фельдмана. В начале мая были произведены перемещения командующих округами. И. П. Уборевича из Белорусского направили в Среднеазиатский; И. Э. Якира из Киевского в Ленинградский и почти сразу же в Закавказский; М. К. Левандовского из Закавказского в Ленинградский, а потом в Приморскую группу; П. Е. Дыбенко из Сибирского в Ленинградский; И.П. Белова из Московского в Белорусский; М. Н. Тухачевского с должности замнаркома обороны СССР в Приволжский, Я. Б. Гамарника — членом Военного совета Среднеазиатского.

С середины мая счёт арестованных из числа высшего командного состава пошел уже на сотни. Среди них оказались заместитель начальника Разведуправления Генштаба РККА А. Х. Артузов, М. Н. Тухачевский, Н. Э. Якир, И. П. Уборевич, председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман и многие другие.

Если проанализировать, кого же отстранили от должности или арестовали с февраля по май, то станет ясно основное. Грубо, без достаточных юридических оснований, исходя лишь из показаний подследственных, Ежов сделал то, на что не решился или почему-либо не захотел пойти Ягода. Завершил на свой лад расследование по делу «Клубок», делу о заговоре против узкого руководства во главе со Сталиным, против проведения ими только намечавшихся на рубеже 1934–1935 гг. заключения оборонительного антигерманского пакта, введения новой Конституции страны. Гордиев узел — подлинный или мнимый — был рассечен одним ударом. И не когда-либо, а в самый последний момент, за несколько недель до вынесения нового избирательного закона сначала на Политбюро, затем на Пленум ЦК, а потом уже, в случае успеха, и на сессию ЦИК СССР.

Только после чистки начсостава РККА, после ареста Енукидзе, Рудзутака — устранения, по мнению узкого руководства, самой серьёзной угрозы их замыслам, 20 мая Политбюро, наконец, отважилось сделать то, что намеревалось предпринять еще год назад. Утвердило решение, гласившее: «1. Созвать Пленум ЦК ВКП(б) на 20 июня. Утвердить следующий порядок для Пленума ЦК: а) новый избирательный закон и подготовка советов к предстоящим выборам (докладчик т. Яковлев); б) О введении правильных севооборотов (докладчик т. Чернов); в) Об улучшении семян зерновых культур (докл. т. Яковлев); г) О мерах улучшения работы МТС (докл т. Чернов)». На оригинале Сталин сделал приписку — «д) Текущие дела».[84]26 мая, когда аресты высшего начсостава практически завершались, Политбюро пошло еще дальше и рассмотрело давно подготовленную Я. А. Яковлевым записку с проектом самого главного для судеб политической реформы решения. «Согласно Вашим указаниям, — писал он Сталину, — представляю на Ваше утверждение проект постановления Политбюро: «Поручить комиссии в составе тт. Яковлев (председатель), Акулов, Вышинский, Крыленко, Калинин, Любченко, Стецкий рассмотреть вынесенный Президиумом ЦИКа проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и представить на утверждение Политбюро проект «Избирательного закона». Решение тут же было утверждено Сталиным (он и на этот раз сделал приписку — «не позднее 30 мая», но в тот день ни один документ Политбюро не зафиксировал чего-либо в этой связи), Молотовым, Кагановичем и опросом — Чубарем, Калининым, Ворошиловым, Микояном.[85]

В данном решении, естественно, соблюдались правила аппаратной игры. Проект «Положения о выборах» отнюдь не вносился Президиумом ЦИК СССР, а был давно разработан Яковлевым, Стецким и Талем, поступление же его в Политбюро с подписью Калинина и на соответствующем бланке являлось чистой формальностью. Также никто, судя по всему, не

ожидал хоть какой-либо конкретной работы от только что образованной комиссии. Ведь Сталину достаточно хорошо было известно если не открыто отрицательное, то по меньшей мере настороженное отношение к практически готовому проекту троих членов комиссии — Акулова, Крыленко, Любченко. Настороженное, несмотря на предельно завуалированное изложение основного его положения — непременной состязательности кандидатов во время выборов, которая ни разу достаточно четко и однозначно не провозглашалась.

Яковлеву удалось обойти все острые углы, утопив суть в бессчетном количестве деталей и их разъяснениях. И все же состязательность будущих выборов просматривалась вполне достаточно, чтобы действительно стать законом. Так, статья 80-я отмечала: «Избиратель… оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальные». То же нашло выражение и в главе VIII — «Определение результатов выборов». «В протоколе голосования участковой избирательной комиссии, — устанавливала статья 93-я, — должно быть указано: …е) результаты подсчета голосов по каждому кандидату». Аналогичное требование предъявлялось и к протоколу окружной избирательной комиссии (статья 102-я). Лишь две статьи, 104-я и 107-я, прямо констатировали особенность предстоящих выборов: «Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным». «Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов».[86]

Но даже такая, предельно осторожная редакция проекта, вынесенная на обсуждение Пленума, вполне могла привести к неожиданной дискуссии с непредсказуемыми последствиями. Осознавая, что ему предстоит пройти по тонкому льду, узкое руководство вновь пошло на крайние меры — провело первую чистку ЦК, в котором при избрании на XVII съезде насчитывался 71 человек. За три года, с февраля 1934-го по февраль 1937 гг. из них выбыло четверо: убитый Киров, умершие Куйбышев и Орджоникидзе и лишь один выведенный — Енукидзе. 31 марта из ЦК вывели второго члена — Ягоду, а за последующие неполные три месяца — 21 человека. Среди них оказались первые секретари крайкомов и обкомов Л. И. Лаврентьев, Б. П. Шеболдаев, И. П. Разумов, И. Д. Кабаков, И. П. Румянцев; заместитель Стецкого по Агитпропу В. Г. Кнорин; четыре члена правительства СССР — Я. Э. Рудзутак, И. К. Антипов, М. И. Калманович, И. Е. Любимов; пять республиканских наркомов — К. В. Уханов, В. А. Балицкий, И. П. Жуков, С. С. Лобов, Д. Е. Любимов. За тот же срок число кандидатов в члены ЦК сократилось на шестнадцать человек. Кроме того, в качестве устрашения была применена и более мягкая мера наказания — пока просто снятие с ответственных постов. Ей подвергли первых секретарей ЦК компартий Киргизии — М. Л. Белоцкого, Туркмении — Я. А. Попка, Северо-Кавказского крайкома Е. Г. Евдокимова, наркома внешней торговли СССР А. П. Розенгольца, заместителя наркома юстиции СССР Н.Н. Крестинского.

Сочтя такую акцию устрашения вполне достаточной, узкое руководство открыло, хоть и с запозданием на три дня, очередной Пленум. Однако начался он не с предусмотренного повесткой дня доклада Яковлева о проекте нового избирательного закона, а с сообщения Ежова о только что проведенной чистке в широком руководстве. После чего участники Пленума без комментариев заслушали доклад Яковлева, который подчеркнул, что 141-я статья Конституции, представляющая «каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставления кандидатов… внесена по предложению товарища Сталина; ее цель — развить, расширить демократию… эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы». Столь же спокойно участники Пленума восприняли и главное положение проекта закона, уже содержавшееся в розданном членам ЦК проекте: «Избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов; если ни один из кандидатов на выборах не получил абсолютного большинства голосов, то обязательна не позднее, чем в

двухмесячный срок, перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов».[87]

Трудно усомниться в том, что члены ЦК, все участники Пленума отлично поняли смысл первых двух дней работы — и сообщения Ежова, и последующих, ими же единогласно одобренных резолюций. Только потому открыто и не выступили против альтернативности предстоящих выборов. Поступили иначе, использовав тот самый метод устрашения, который до того был направлен только против них. Ещё до завершения Пленума кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Западносибирского крайкома Р. И. Эйхе решил вновь истребовать от узкого руководства то право, которое он уже трижды получал осенью 1934 г. во время хлебозаготовок. Право единолично, бесконтрольно, без суда и следствия выносить смертные приговоры. В записке, адресованной Политбюро, он в самых мрачных красках описал ситуацию, сложившуюся в крае после раскрытия «контрреволюционной повстанческой организации», созданной «уголовниками и высланными в Западную Сибирь кулаками». Он заявил, что вскрыта лишь верхушка «организации», слишком многие ее члены все еще остаются на свободе и потому проведение выборов на основе нового избирательного закона заведомо означает избрание только «антисоветчиков». Шантажируя таким образом узкое руководство, Эйхе вынудил Политбюро утвердить 29 июня, в день закрытия Пленума, нужное решение: образовать «тройку» в составе начальника УНКВД по Западносибирскому краю Миронова, краевого прокурора Баркова и его лично. Дать им возможность установить число лиц, подлежащих расстрелу, и сколько людей необходимо незамедлительно выслать из края.[88]

Трудно установить, каким образом инициатива Эйхе мгновенно стала известна широкому руководству, которое сумело добиться и для себя тех же прав на создание «троек», установление «лимитов» на расстрелы и высылки. 2 июля Политбюро утвердило решение, фактически повторявшее записку Эйхе. «Замечено, — констатировало оно, — что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечение срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых других отраслях промышленности». Таким образом, направленность репрессий, прежде устремленных на членов партии, когда-либо причастных к оппозициям, резко менялась. Превращала в объект будущих акций уже не два-три десятка, а сотни тысяч людей. «ЦК ВКП(б), — говорилось в решении, — предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих выселению».[89]

Срок, установленный всего в пять дней, по замыслу Политбюро должен был предельно сократить возможные требования с мест, свести к минимуму число возможных жертв. К сожалению, узкое руководство и в этом ошиблось. Шифротелеграммы с составом «троек» и взятыми заведомо «с потолка» цифрами подлежащих репрессиям пошли в ЦК нескончаемым потоком. Только за месяц они поступили из 50 краев, областей и автономных республик из 63, от семи ЦК нацкомпартий, не имевших областного деления. Общее же число указанных в них тех, кто по твердому убеждению первых секретарей подлежал расстрелу или немедленной высылке, достигло четверти миллиона.[90]

Только тогда стало совершенно очевидным, что практически невозможно добиться выполнения циркуляра, перемещая одни и те же «антисоветские элементы» из одного региона

в другой. Именно это обстоятельство и предопределило фактическую замену высылки заключением в исправительно-трудовые лагеря, создаваемые в отдаленных местах севера и северо-востока, складыванию печально знаменитой системы ГУЛАГа. Более того, растянувшееся более чем на месяц определение количества подлежащих расстрелу или высылке, слишком быстро возраставшее их число вынудило НКВД приказом по наркомату установить срок проведения специальной операции в масштабах всей страны. Начать её 5 — 15 августа и завершить 5 — 15 декабря.[91] Иными словами, приурочить ее окончание ко дню первых выборов в Верховный Совет СССР, сделать такую акцию устрашения той самой «предвыборной кампанией», которая и призвана была обеспечить бюрократии заведомую победу на выборах. А заодно помочь свести счеты со своими местными конкурентами. Так, свели счеты первые секретари ЦК компартий Казахстана — Л. И. Мирзоян с председателем ЦИК республики Кулумбетовым, Белоруссии — В. Ф. Шарангович — с председателем СНК БССР А. Г. Червяковым, Узбекистана А. Икрамов — с председателем СНК УзССР Ф. Ходжаевым. То же происходило повсеместно, и на более высоком, и на более низком уровнях.

Тем временем Яковлев продолжал готовить документы для альтернативных выборов. По его предложению Политбюро утвердило 27 августа образцы избирательных бюллетеней с несколькими условными фамилиями кандидатов, с прямым указанием: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните». А 31 августа — стандартный образец протокола голосования, в котором также устанавливалось то же обязательное условие состязательности: «В соответствии с результатами голосования… окружная избирательная комиссия установила, что из общего числа поданных по округу голосов, признанных действительными, ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. Ввиду этого на основании статьи 107-й Положения о выборах в Верховный Совет СССР …Окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку нижеследующих двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов…».[92] Но все эти документы уже не имели никакого смысла. В тяжелой атмосфере все возраставшего числа доносов, порожденных лишь отчасти шпиономанией, готовностью «троек» осудить любое, желательно наибольшее число людей, о состязательности на выборах больше не приходилось и думать. Потому-то на октябрьском Пленуме ЦК, обсуждавшем вопросы предвыборной кампании, об альтернативности больше никто не вспоминал.

Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе

Об этом «деле» практически ничего неизвестно, и редко кто даже просто упоминает его. Скорее всего, из-за того, что оно так и не завершилось шумным процессом, сопровождавшимся развязанной пропагандистской кампанией. Вполне возможно, повлияло на отсутствие интереса историков к нему и то, что среди тех, кто прошел по процессу, порожденному этим «делом», не было практически ни одной значительной политической фигуры, если не считать злосчастного Л. Б. Каменева, вынужденного всего через полгода вторично предстать перед судом, удвоившим ему прежний срок заключения.

Но, может быть, «кремлевское дело» действительно столь заурядно? Не заслуживает пристального внимания, не оказало заметного влияния на жизнь страны, на последующие события? Да нет. Несмотря на окружающий его и поныне покров тайны ясно: по своим результатам оно оказалось весьма серьёзным, значимым. Стало основанием для падения, сопровождавшегося громким скандалом, Авеля Сафроновича Енукидзе. Поначалу — для снятия его с поста секретаря Президиума ЦИК СССР. Поста в то время одного из ключевых, ибо именно в подчинении Енукидзе помимо аппарата высшего органа власти Союза ССР находилась комендатура Кремля, обеспечивавшая безопасность правительственных учреждений Советского Союза и РСФСР: ЦИКа и ВЦИКа, обоих Совнаркомов, располагавшихся в Кремле. Обеспечивавшая охрану съездов и конференций ВКП(б), всесоюзных и всероссийских съездов Советов, проходивших в Большом театре — объекте, также подконтрольном этой комендатуре, и, наконец, личную безопасность узкого руководства, проживавшего в Кремле. Вместе с тем

Енукидзе также возглавлял и направлял ту службу, которая обеспечивала все руководство страны — и узкое, и широкое, жильем, питанием (что было немаловажным при еще сохранявшейся карточной системе), автотранспортом (кремлевский гараж особого назначения), лечебным и санаторным обслуживанием.

Вторым несомненным результатом всего лишь следствия по «кремлевскому делу» стало и еще одно важное кадровое перемещение. От занимаемой должности был освобожден комендант Кремля Р. А. Петерсон. Спустя два года он, как и Енукидзе, будет проходить обвиняемым уже по другому делу, тесно связанному с одним из самых печально известных — «О заговоре в Красной Армии».

Уже только это, достаточно хорошо известное всем историкам, должно было бы привлечь самое пристальное внимание к «кремлевскому делу». Заставить их на доступной источниковой базе попытаться объяснить его или хотя бы поставить вопросы: почему оно возникло, почему о нем прежде никто никогда не упоминал, насколько были связаны с ним Енукидзе, Петерсон… Вопросы, ответы на которые следовало получить хотя бы в отдаленном будущем. Однако вплоть до осени 1989 г. в отечественной историографии напрочь отсутствовало даже просто упоминание этого «дела». Отсутствовало, хотя ещё в 1953 г. перебежчик А. Орлов, бывший резидент советской разведки в Испании, в книге «Тайная история сталинских преступлений» упомянул о «кремлевском деле» как о весьма, с его точки зрения, значимом. Рассказал о нем, основываясь на двух официальных сообщениях — об освобождении Енукидзе с поста секретаря Президиума ЦИК СССР 3 марта 1935 г. и о выводе его из ЦК и исключении из партии 6 июня того же года да еще на тех слухах, которые были порождены этими предельно скупыми сообщениями.

Сущность «кремлевского дела» Орлов объяснил предельно тривиально — личным конфликтом между Сталиным и Енукидзе, порожденным их разногласиями по вопросам истории большевистских организаций Закавказья. Вместе с тем, он по-своему интерпретировал и ту часть решения Пленума ЦК, где говорилось о том, что Енукидзе «засорил аппарат секретариата ЦИКа и Кремля в целом нелояльными элементами». Используя всего лишь слухи, ходившие тогда по Москве, упомянул Орлов среди прочего и о некоей княжне, якобы служившей в Кремле и обучавшей хорошему тону, этикету жен ответственных работников. Упомянул только для того, чтобы тут же не только опровергнуть такой слух, но и лишний раз опорочить генсека: «Княжна в сталинском Кремле! Сталин был мастером выдумывать такие маленькие сенсации».[93]

Иначе, серьёзно и внимательно, без особых личных пристрастий и антипатий, отнесся к «кремлевскому делу» историк Р. Конквест. В книге «Большой террор» он вполне обоснованно охарактеризовал это «дело» как одну из ступеней, приведших к массовым репрессиям 1936–1938 гг. Не располагая заслуживающими доверия фактами, Конквест расценил «дело» как настойчивую попытку «связать оппозицию с заговором, направленным на убийство Сталина». И тут же многозначительно указал: «В истории об этом заговоре есть, по-видимому, какое-то зерно правды». Основанием же для такого вывода стало для Конквеста то, что по «кремлевскому делу» прошел брат Каменева, Н. Б. Розенфельд, а также несомненная причастность к «делу» Петерсона.[94]

Только в 1989 г. мы получили первую, предельно скупую информацию о «кремлевском деле» — справку Генеральной прокуратуры и КГБ СССР, подготовленную по заданию комиссии Политбюро ЦК КПСС по изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х — начала 1950-х гг. В ней приведен список 110 обвинявшихся по данному делу и пространный отрывок из обвинительного заключения 1935 г. Суть же «дела» оказалась изложенной более чем обтекаемо, неконкретно: «Поводом для его возникновения послужило «разоблачение» якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих, работников комендатуры, военных и других, кто, по данным НКВД, готовил покушение на И. В. Сталина, оно непосредственно

«увязывалось» с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и т. д.».[95]

Весь этот более чем скудный материал коротко, на трёх страницах, обобщил В. З. Роговин в монографии «Сталинский неонэп». Опираясь лишь на опубликованные источники, он, как и Конквест, только обозначил факт «кремлевского дела». Поставил его в один ряд с теми процессами, которые, — начиная с убийства Кирова, по его мнению, вели к массовым репрессиям в ВКП(б), к физическому уничтожению героев Октябрьской революции и Гражданской войны.[96]

Таким образом, вплоть до наших дней «кремлевское дело» остается загадочным и нераскрытым. Мы до сих пор не знаем, почему оно возникло, кому было выгодно, как развивалось на протяжении пяти месяцев следствия, почему дважды приводило к гласному осуждению Енукидзе, почему о процессе население страны не информировали, но вместе с тем еще до суда членов партии дважды оповещали о «деле» уже бывшего секретаря Президиума ЦИК СССР. Но, главное, не знаем мы о том, насколько основательными являлись вскрытые следствием факты.

Сам ход и характер следствия по материалам «кремлевского дела», ставшим сравнительно недавно относительно доступными, при тщательном изучении не могут не оставить впечатления противоречивости, настойчивого сокрытия чего-то весьма важного, почему «дело» изначально несло черты двойственности, своеобразной эклектики. Столь же необъяснимо и то, что следствие завершалось дважды, но в первый раз без видимых оснований возобновилось. Самым же загадочным остается повод, послуживший для возбуждения «дела».

Формально все началось с обычного для тех лет доноса. На трёх уборщиц кремлевских зданий, которые в беседах друг с другом вели «клеветнические» разговоры. А. М. Константинова, двадцатитрёхлетняя девушка, незадолго до того перебравшаяся из Подмосковья в столицу в поисках работы: «Товарищ Сталин хорошо ест, а работает мало. За него люди работают, потому он такой и толстый. Имеет себе всякую прислугу и всякие удовольствия». А. Е. Авдеева, также молодая, двадцатидвухлетняя девушка из подмосковной деревни: «Сталин убил свою жену. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом. А за ним-то все ухаживают. Один дверь открывает, другой воды подает». Б. Я. Катынская, двадцатитрёхлетняя девушка: «Вот товарищ Сталин получает денег много, а нас обманывает, говорит, что он получает 200 рублей. Он сам себе хозяин, что хочет, то и делает. Может, он получает несколько тысяч, да разве узнаешь об этом?».[97]

По данным, полученным секретно-политическим отделом (СПО) НКВД, эти разговоры велись незадолго до 7 ноября 1934 г. И практически сразу же нашлись «доброхоты», уведомившие о них кремлевское начальство. Осведомленными оказались и Енукидзе, и Петерсон, не придавшие им никакого значения. Не давшие «делу» ход. Енукидзе — потому, что не доверял доносам, полагая, что скорее всего тут оговор. Петерсон просто не обращал внимания на разговоры, тем более — уборщиц за чаепитием.

НКВД же не захотел пройти мимо того, что квалифицировалось Уголовным кодексом как государственное, контрреволюционное преступление — по статье 58–10, «пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти», влекущее «лишение свободы на срок не ниже шести месяцев». 20 января начальники СПО — Г. А. Молчанов и оперативного отдела — К. В. Паукер лично провели первые допросы несчастных уборщиц. Именно они, хотя вполне могли доверить следствие кому-либо из начальников отделений, их заместителей. И именно тогда, когда у них и без того хватало дел. Более важных, действительно ответственных. Ведь предстояло подготовить два последних процесса, напрямую связанных с убийством Кирова: руководства ленинградского областного управления НКВД во главе с Ф. Д. Медведем; жены Л. В. Николаева, М. П. Драуле, её сестры О. П. Драуле и её мужа Р. М. Кулинера. Необходимо было организовать процесс по откровенно надуманному делу А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева и других бывших лидеров давно забытой

«рабочей оппозиции». Кроме того, у СПО впереди была и весьма трудоемкая работа — установление сторонников Зиновьева, обреченных на высылку из Ленинграда, составление списка «социально чуждых» людей, которым отныне не разрешалось проживать в Северной столице.

Словом, забот было предостаточно, однако Молчанов и Паукер лично занялись явно третьестепенным делом — болтовней, пусть и «антисоветской», но все же каких-то уборщиц. Ведь тут не могло быть ничего, кроме проявления тех настроений, которые оказались характерными для определенной социальной среды, отражавших представления малограмотных, не имевших никакой профессии жителей деревни, напрямую затронутых коллективизацией. Не захотевших работать в колхозах, ушедших на заработки в Москву, где и столкнулись с новыми трудностями. С карточной системой, с острейшим жилищным кризисом. Столкнулись со всем этим и вместе с тем либо увидели сами, либо услышали от других о том, как живут власти предержащие. Ощутили контрасты, особенно разительные в Кремле.

Поначалу Молчанов и Паукер, а затем Молчанов, заместитель начальника СПО Г. С. Люшков, начальник 2-го отделения СПО М. А. Каган (пожалуй, ключевая фигура следствия по «кремлевскому делу») и его заместитель С. М. Сидоров вроде бы преследовали лишь одну цель. Стремились установить «источник клеветнических слухов». Однако одиннадцать дней допросов, которые проводили настоящие асы своего дела, привели к ничтожным, по существу, результатам. К выяснению только того, что за чаепитием речь шла о том, что Сталин «свою жену застрелил», «в нашей стране рабочие голодают». Да к расширению списка уборщиц, что, правда, можно было сделать и более простым способом. К выделению среди них основных «клеветников» — Авдеевой, Жалыбиной, Мишаковой, Орловой. И ещё — к появлению новой обвиняемой, телефонистки коммутатора Кремля М. Д. Кочетовой.

Если бы руководство СПО ограничилось лишь допросами уборщиц, то никакого «кремлевского дела» не возникло бы. Но оно все же появилось. С арестом 27 января Б. Н. Розенфельда, племянника Каменева, работавшего вне Кремля — инженером московской ТЭЦ, а четырьмя днями позже ещё и А. И. Синелобова, порученца коменданта Кремля. Их «взяли», хотя никаких видимых оснований для того не было. Ни одна из допрошенных уборщиц не назвала их фамилии. Не упомянули ни о Розенфельде, ни о Синелобове, которых они не знали.

Розенфельд и Синелобов, судя по доступным сегодня документам, были обречены, загодя предназначены в жертву. Ведь их аресты ничем формально не мотивировались. Ни чьими-либо показаниями, ни хотя бы доносами. И потому можно с большой долей уверенности утверждать, что НКВД действовал по некоему заранее подготовленному плану. Его сотрудники давно уже определили, кого необходимо арестовать для создания «дела», для быстрого выведения следствия на комендатуру Кремля и правительственную библиотеку. Словом, на «Кремль». И как заодно связать искомую «контрреволюционную организацию» с одним из бывших лидеров бывшей внутрипартийной оппозиции, с Каменевым.

Действительно, допросы Розенфельда позволили сразу же получить нужные показания. На его отца, Н. Б. Розенфельда, иллюстратора по договору издательства «Academia», которое возглавлял по совместительству брат последнего, Л. Б. Каменев. На мать, Н. А. Розенфельд (урожденную княжну Бебетову!), длительное время работавшую в правительственной библиотеке Кремля. Через последнюю — на её коллег, на тех, кто в конце концов и дал решающие показания — на Е. К. Муханову и Е. Ю. Раевскую (еще одну урожденную княжну Урусову).

Чистосердечный же рассказ Синелобова о том, с кем он дружил, чаще всего общался, о чем беседовал, послужил основанием для новых арестов. Помощника коменданта Кремля В. Г. Дорошина, начальника спецохраны и помощника Петерсона И. Е. Павлова, коменданта Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянова, начальника административно-хозяйственного управления комендатуры Кремля П. Ф. Полякова. И одновременно его сестры, К. И. Синелобовой, служившей в правительственной библиотеке.

Только теперь начальство СПО смогло говорить и о «кремлевском деле», и о трех составляющих его группах — уборщиц, библиотекарей, комсостава комендатуры. Да ещё и связать «дело», хоть пока и косвенно, с Каменевым. Правда, поначалу подследственных удалось уличить только в «антисоветских разговорах», в «распространении клеветнических слухов». Сами же «клевета», «слухи» подразумевали наказуемые по тем временам разговоры на запретные темы. О «неестественной» смерти Н. С. Аллилуевой — её Сталин «застрелил» (Авдеева), она была «отравлена или покончила жизнь самоубийством» (Синелобов), «покончила жизнь самоубийством» (Раевская). В первых числах февраля удалось установить и один из источников слухов. Дорошин признал: «Петерсон собрал группу товарищей и заявил, что Аллилуева умерла неестественной смертью».

Другой темой досужих разговоров, но только среди сотрудников правительственной библиотеки и комсостава комендатуры Кремля, стало убийство Кирова. Как было установлено признаниями допрашиваемых, бытовавшая в их среде версия резко отличалась от официальной. Раевская: «Убийство Кирова совершено на личной почве». Н. А. Розенфельд: «Киров убит на романической почве». Примечательно то, что обсуждение убийства Кирова приводило к иной теме. Мол, Сталин обвинил в том Зиновьева и Каменева из-за политического соперничества, что «Ленин ценил Зиновьева и Каменева как своих ближайших соратников» (Дорошин).

Третьей темой явилось обсуждение того, что следователи называли так называемым «завещанием» Ленина. Комментирование этой, широко распространенной в среде комсостава комендатуры Кремля, работы Ленина в «троцкистском духе», т. е. акцентировании критики Сталина. Кроме того, но лишь однажды, что вполне объяснимо разрывом всего в несколько дней между докладом В. М. Молотова на VII съезде Советов и арестами, прозвучала и четвертая, столь же крамольная, по мнению СПО, тема. О необходимости переработки, изменения Конституции. Павлов показал, что помощник коменданта Кремля по политической части Кононович в беседе с Дорошиным «заявил, что это решение является следствием нажима буржуазных государств на Советский Союз».

И всё же то, что следователям удалось установить за семнадцать дней допросов, никак не выходило за рамки «распространения клеветнических слухов», «клеветы на руководство ВКП(б)». Только поэтому в протоколах первоначальное обвинение большинства арестованных в «систематическом распространении провокационных слухов» настойчиво и вполне преднамеренно подменялось иным, более выгодным НКВД. «Контрреволюционными взглядами». Ну а такие «взгляды» тут же чисто софистически превращались в «контрреволюционные действия», а участники обсуждений ««завещания» Ленина в троцкистском духе» — в «троцкистскую группу».

Вот наиболее типичный пример подобного свободного истолкования показаний:

«**Вопрос.** Признаете ли Вы, что Дорошин вел с Вами систематические беседы и передавал Вам клевету в отношении руководства партии?

Ответ. Признаю приведенные мною факты, в числе которых был случай троцкистской клеветы Дорошина на руководство ВКП(б).

Вопрос. Почему Вы не сообщили парторганизации и своему начальству о контрреволюционных действиях Дорошина?

Ответ. Признаю в этом свою вину.

Вопрос. Вы разделяли контрреволюционные взгляды Дорошина?

Ответ. Нет, я контрреволюционных взглядов Дорошина не разделял.

Вопрос. Чем же Вы можете объяснить, что Вы скрыли от партии известные Вам контрреволюционные действия Дорошина и проявили в этом вопросе как двурушник и предатель? (так в тексте. — ***Ю.Ж.***)

Ответ. Я признаю себя виновным в том, что я не сообщил партии известные мне контрреволюционные действия Дорошина. В двурушничестве и предательстве виновным себя не признаю.

Вопрос. Ваши ответы говорят о Вашей неискренности. Вы скрываете от следствия, что разделяли контрреволюционные взгляды Дорошина.

Ответ. Нет, я взглядов Дорошина не разделял».

Все арестованные из числа комсостава комендатуры Кремля искренне полагали, что разговоры — это всего лишь разговоры. Что ни к чему они привести не могут. И тем загоняли следствие в тупик. Так, тот же Дорошин признал, не ведая в том большой вины, что обсуждал завещание Ленина, говоря при этом с Лукьяновым, Павловым, Поляковым, Синелобовым «о роли Зиновьева прежде и теперь». Но, признав сам по себе факт подобных бесед, под давлением следствия вынужден был согласиться и с тем, что люди, высказывающиеся в таком «троцкистском» духе, являются «троцкистами» и составляют «троцкистскую группу». Но на том готовность Дорошина идти на поводу у следствия иссякла. Со своей стороны и следователь пока еще ничего не мог предложить Дорошину для хотя бы косвенного подтверждения.

«**Вопрос.** Какую цель Вы преследовали, участвуя в названной Вами группе троцкистов?

Ответ. Ответить на этот вопрос затрудняюсь.

Вопрос. Какую цель Вы преследовали, распространяя клевету на руководство ВПК(б)?

Ответ. Специальной цели не преследовали».

Весьма возможно, что начавшееся с пустяка «дело» так бы ничем и не кончилось. Вернее, завершилось бы осуждением на небольшие, «не меньше шести месяцев», сроки заключения десятка-другого сознавшихся «клеветников». Закончилось именно так, если бы не одно неосторожное, оказавшееся роковым, высказывание Дорошина. То, что и повлекло за собою изменение хода следствия. Появления, а затем и закрепления обвинения всех, кого привлекли по «кремлевскому делу», в подготовке террористического акта. В подготовке убийства Сталина.

7 февраля, отвечая на откровенно наводящий вопрос следователей Молчанова и Кагана, Дорошин обмолвился: «Секретные данные расшифровывались… Я знал список 17-ти (члены Политбюро партии, руководящие партийно-советские работники) в связи с занимаемой должностью, но неправильная система в использовании этого списка привела к тому, что из секретного он превратился в несекретный. По моим подсчетам этот список расшифрован перед 8 ротами красноармейцев-курсантов кремлевского гарнизона».

На следующий день Молчанов и Каган вновь потребовали от Дорошина рассказать, но более подробно о том, что тот назвал рассекречиванием. «Список 17-ти, — объяснял Дорошин, — включает в себе (так в тексте. — ***Ю.Ж.***) всех членов Политбюро, кандидатов и отдельных руководителей партийно-советского аппарата… Этот список ведется дежурным по управлению комендатуры Кремля и дежурным помощником коменданта Кремля. Представляет из себя зашифрованную таблицу под номерами, означающими фамилии… По зашифрованному цифрами списку мы (я имею в виду помощников коменданта Кремля и дежурного по управлению Кремля) отмечаем въезд в Кремль указанных в списке лиц, выезд их из Кремля и место пребывания путем сообщений в дежурную комендатуру по телефону от охраны с постов. Также по этим спискам получает извещение от постов охраны дежурный по управлению Кремля… Список введен по приказанию заместителя коменданта Королева. Хранится он на столе у дежурного по управлению и дежурного коменданта и после суточного дежурства докладывается Королеву».

Только это, относящееся к его повседневным обязанностям, и было сказано за два дня допросов Дорошиным. Больше ничего.

Разумеется, такое признание, даже если его можно было назвать признанием, иными словами — констатацией собственной вины, а не просто рассказом о деталях, подробностях своей службы, следовало оценивать лишь как преступную халатность, не больше. Ведь, в сущности, курсанты «расшифровали» пресловутый «список 17-ти» из-за несовершенства самой системы охраны. Отождествление номера в списке с конкретным лицом из узкого руководства произошло бы неизбежно, рано или поздно. Обязательно было бы сделано, и отнюдь не специально, не нарочно, каждым курсантом, простоявшим на посту месяц-другой. Но можно было, а допрашивавшие Дорошина следователи Молчанов и Каган так и поступили, признать «расшифровку» разглашением государственной тайны. И из такой оценки сделать соответствующий вывод, весьма желательный для СПО, о сознательности, преднамеренности такого поступка. Мало того, дальнейшее сугубо формально-логическое развитие подобного еще лишь предположения приводило весьма далеко. К признанию факта «расшифровки» косвенной уликой существования некоего «заговора», направленного против партийно-советского руководства.

Таким шедшим самим в руки следователей «фактом» НКВД не мог не воспользоваться. И он поспешил поступить именно так, еще не зная наверняка, чем же завершится само следствие. Всего через шесть дней, 14 февраля Политбюро по представлению наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды утвердило решение «Об охране Кремля». Документ, кардинальным образом изменивший всю систему обеспечения безопасности и правительственных зданий, и проживавших в Кремле членов руководства страны.

Отныне из ведения комендатуры Кремля полностью исключалась любого рода хозяйственная деятельность, в том числе и незавершенная реконструкция Большого Кремлевского дворца. Превращение двух — Андреевского и Александровского залов в один огромный Свердловский. Предназначавшийся изначально для заседания всесоюзных и всероссийских съездов Советов, проводившихся в Большом театре. Вторым пунктом решения устанавливалась предельно суженная функция комендатуры Кремля, становившейся «организацией, ведающей только охраной Кремля». Одновременно и столь же существенно изменялась и ее прямая подчиненность — её выводили из-под ЦИК и НКО, переподчиняли «народному комиссариату внутренних дел по внутренней охране и народному комиссариату обороны по военной охране». Дабы конкретизировать это новое положение, четвертый пункт решения гласил: «Назначить заместителем коменданта Кремля по внутренней охране тов. Успенского Александра Ивановича», прежде занимавшего пост замначальника управления НКВД по Московской области. Заместителем же коменданта по гарнизону утвердили Королева.

Следующие пункты решения были не менее существенными. Они предусматривали незамедлительный вывод из Кремля многочисленных советских учреждений, ежедневно привлекавших не только значительное количество служащих, но еще и огромный поток различного рода просителей — приемные и канцелярии ЦИК СССР, ВЦИК, центральной избирательной комиссии, а заодно и предназначенные для их обслуживания всевозможные мастерские, столовую. Наконец, последний, десятый пункт решения расширял масштабы этой своеобразной эвакуации. Поручал Ягоде, Енукидзе, Петерсону, Молчанову, Паукеру и М. П. Фриновскому (начальнику главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД) в двухмесячный срок «разработать и представить в ЦК ВКП(б) план реорганизации охраны Кремля», одновременно организовав вывод Школы им. ВЦИК[98] представлявшей собой военный гарнизон, насчитывавшей 8 рот, т. е. полторы тысячи красноармейцев и командиров.

По сути, последний пункт и скрывал подлинную задачу решения. Ведь вывод Школы им. ВЦИК сводил на нет всю дальнейшую роль Петерсона и его нового заместителя Королева, ибо лишал их того самого гарнизона, которым они, военнослужащие, и должны были командовать. Их должности оказывались чисто номинальными, никому больше не нужными. Зато реальное руководство переходило к Успенскому. Не только потому, что он сохранял полномочия по руководству системой внутренней охраны, но и потому, что для ее обеспечения он получал

мощное подкрепление — полк специального назначения НКВД, который начали срочно формировать для несения службы только в Кремле. Но поскольку армейский гарнизон Кремля еще сохранялся на ближайшие несколько месяцев, 19 февраля приказом по НКВД для контроля за Школой им. ВЦИК создали особое отделение — орган военной контрразведки. К тому же на правах отдела, да еще в прямом подчинении наркома Ягоды.

Так НКВД сумел возобладать в том незримом постороннему взору противостоянии, которое с не меньшим основанием можно назвать и закулисной борьбой, шедшей между двумя ведомствами еще с Гражданской войны. Начатой Дзержинским и Троцким, продолженной Ягодой и Ворошиловым. Ставшей заметной на короткий срок ещё 17 апреля 1920 г., когда Троцкий, председатель Реввоенсовета республики и наркомвоенмор, сумел добиться смещения с должности коменданта Кремля балтийского матроса П. Д. Малькова, которому сначала протежировал Свердлов, а после его смерти — Енукидзе, нанеся тем самым обиду и секретарю ВЦИК. Настоял на назначении комендантом Петерсона, для всех — «своего» человека: перед тем начальника его знаменитого бронепоезда и личной охраны. Если до 14 февраля 1935 г. отвечали за безопасность Кремля и вместе с тем контролировали там положение Енукидзе и НКО, то теперь единственным хозяином столичной цитадели становился только НКВД. Ведомство, которое мимоходом подчинило себе заодно еще и кремлевскую телефонную станцию, правительственный гараж.

Тем временем избранный Молчановым метод следствия привел к запланированным результатам. Количество арестованных с каждым новым допросом, с каждой новой названной фамилией просто знакомых, не говоря уже о друзьях, росло, как снежный ком. Круг подследственных постоянно ширился, все дальше уходя за стены Кремля. Ещё 8 февраля Дорошин в числе тех, с кем он регулярно общался, назвал своего односельчанина — слушателя 4-го курса Военно-химической академии им. Ворошилова В. И. Козырева. Ну а тот во время допроса уже на следующий день назвал не только однокурсников, но и общего для них знакомого, химика по образованию (незаконченное высшее) М. К. Чернявского — начальника 12-го отделения разведывательного управления штаба РККА. Однако, как и прежде, практически никто из допрашиваемых не каялся ни в каких прегрешениях. Сознавались они во все тех же грехах. Передаче друг другу, чтении и обсуждении «завещания Ленина». В сожалении о том, что недавний глава Коминтерна Зиновьев не только отстранен от руководства партией, но и из-за враждебности к нему Сталина арестован, осужден. Лишь высказывания Чернявского придавали таким беседам несколько иную окраску. Вернувшись летом 1933 г. из служебной командировки в США, Чернявский делился своими впечатлениями. А заодно и заявлял, сравнивая уровни экономики, уровни жизни в США и СССР, о невозможности воплотить в жизнь главный лозунг партии — догнать и перегнать Америку. Иными словами, «порочил» суть и задачи как минувшей, так и начавшейся второй пятилеток.

И все же для дальнейшего хода следствия, его направленности решающими стали не показания Чернявского, а неожиданное, крайне важное для СПО странное признание бывшей сотрудницы правительственной библиотеки — дворянки Мухановой. Её, по единодушному мнению (или, вернее, подозрению) коллег, до ухода еще в конце 1933 г. из правительственной библиотеки любовницу Енукидзе, расспрашивали, главным образом, о том, как она попала осенью 1933 г. в дом отдыха Большого театра. Намеревались, без сомнения, получить новые факты, подтверждающие уже имевшиеся вопиющие данные об аморальном поведении и бытовом разложении Енукидзе. Муханова же по простоте душевной не только откровенно поведала 16 февраля Молчанову, Люшкову и Кагану, как явно незаконно, только благодаря теплым отношениям с Енукидзе приобрела путевку, но и о том, что там на юге, в доме отдыха познакомилась и сблизилась с проводившей там же свой отпуск сотрудницей консульства Великобритании Н. К. Бенксон. О том еще, что почти год более или менее регулярно навещала её в Москве. Вот это-то и позволило Молчанову и его подчиненным завершить построение чисто умозрительной, не подкреплённой ни одним неоспоримым доказательством версии о

существовании в Кремле неких «контрреволюционных» групп, связанных не только между собою, но и с заграницей.

Отныне рабочая версия СПО выглядела следующим образом. Первая группа — сотрудники правительственной библиотеки, через Н. А. Розенфельд выходящие на Каменева, через Муханову — на заграницу, через Муханову и Раевскую — на Енукидзе, через Синелобову — на комендатуру Кремля. Вторая группа — комсостав комендатуры Кремля, через Дорошина связанная со слушателями Военно-химической академии и с разведупром штаба РККА. Целенаправленные отныне допросы, проводившиеся во второй половине февраля, позволили столь прочно укрепить эту версию, что она уже не менялась в своей основе на протяжении следующих пяти месяцев вплоть до завершения следствия и составления обвинительного заключения.

Незадолго перед тем НКВД начал информировать о ходе следствия Н. И. Ежова. Ему, избранному 1 февраля 1935 г. секретарем ЦК ВКП(б), уже 11 февраля Политбюро поручило вместе с З. М. Беленьким, заместителем председателя Комиссии советского контроля (КСК) и М.Ф. Шкирятовым, заместителем председателя Комиссии партийного контроля (КПК), «проверить личный состав аппаратов ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР (так в тексте. — ***Ю.Ж.***), имея в виду наличие элементов разложения в них и обеспечение полной секретности всех документов ЦИКа и ВЦИКа».[99] Только потому Ягода и направил Ежову 12 февраля протоколы допросов Н.А. Розенфельд и ещё одного сотрудника правительственной библиотеки, М.Я. Презента, вместе с сообщением о том, что «дополнительно арестованы» библиотекари А. П. Жажкова и З. И. Давыдова. А 17 февраля Ежов получил, но не от наркома, а от Молчанова «сборник № 1 протоколов допросов по делу Дорошина В. Г., Лукьянова И. П., Синелобова А. И., Мухановой Е. К. и других». Данные материалы неоспоримо свидетельствовали о реальной «засоренности социально-чуждыми элементами» одного из кремлевских учреждений — правительственной библиотеки. О моральном разложении, даже «буржуазном перерождении» Енукидзе. О политической неблагонадежности комсостава комендатуры Кремля. Словом, обо всем том, что требовало срочного вмешательства ЦК, принятия самых решительных мер.

Но именно тогда, к концу февраля, наметился и первый сбой в следствии. Четко обозначилась третья — после необычного, беспрецедентного допроса уборщиц лично Молчановым и Паукером, после ничем внешне не мотивированных арестов Розенфельда и Синелобова — странность «кремлевского дела». Следствие внезапно как бы завершилось. 3 марта Политбюро приняло решение о Енукидзе, опубликованное на следующий день газетами как постановление ЦИК СССР: «В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу тов. Енукидзе Авеля Сафроновича об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР».[100] Через день, 5 марта, проходившая в Тифлисе вторая сессия ЦИК ЗСФСР освободила Мусабекова от поста председателя Президиума и утвердила вместо него Енукидзе.[101]

Внешне все выглядело предельно благопристойно. Ни форма, ни содержание — с непременным упоминанием личной просьбы — решения Политбюро не позволяли усомниться, что речь идет о передвижении Енукидзе по горизонтали, а не по вертикали власти. Его оставляли на том же уровне законодательной структуры. Просто освобождали от обременительного поста, что вполне могло быть связано с состоянием здоровья либо возрастом — как-никак пятьдесят восемь лет. Назначали на почетный и вместе с тем чисто представительский пост. Давали своеобразную синекуру, позволявшую жить в Тифлисе и Москве — председатель ЦИК ЗСФСР по Конституции был и сопредседателем Президиума ЦИК СССР. Подтверждало именно такой смысл решения еще и то, что Енукидзе оставляли членом конституционной комиссии, образованной 8 февраля на первой сессии ЦИК СССР седьмого созыва. Единственное, что должно было насторожить, но только Авеля Сафроновича, что ни он сам, ни ЦИК ЗСФСР никуда ни с какой просьбой не обращались.

В действительности за решением крылось нечто серьезное, даже опасное для Енукидзе. Ведь далеко не случайно сдача дел преемнику И. А. Акулову, до 3 марта Прокурору СССР, процедура обычно формальная, растянулась на три недели и сопровождалась предъявлением вопросов, более напоминающих обвинения. Только теперь Енукидзе мог осознать до конца, что решение о переводе его в Тифлис — фикция. Что его просто сместили с того поста, который и позволял ему на протяжении пятнадцати лет играть в Кремле одну из важнейших ролей, и не в последнюю очередь благодаря подчиненности ему, хотя и наравне с Ворошиловым, комендатуры Кремля.

Вполне возможно, 3 марта могло появиться и иное решение Политбюро, более резкое по форме, с суровыми «оргвыводами». Не произошло так, скорее всего, по двум причинам. Во-первых, что нельзя полностью исключить, из-за позиции Сталина, с которым Енукидзе связывали давние, более чем дружеские отношения. Говорит же о том весьма веский факт. В октябре 1921 г. Енукидзе, проходя партийную чистку, в числе тех, кто его может рекомендовать, назвал Сталина, Орджоникидзе и Ворошилова. Одновременно, представляя подробнейшую автобиографию, должен был заверить ее. И не кто иной, как Сталин согласился взять на себя такую ответственность. Подписал документ: «Правильность изложенного удостоверяю».[102]

Трудно предположить, что за прошедшие с тех пор годы отношение Сталина к другу и соратнику по революционной борьбе могло без серьезных на то причин резко измениться. Тем более что Енукидзе, занимая пост секретаря сначала ВЦИК, а с декабря 1922 г. — ЦИК СССР, не занимался политикой. Не участвовал ни в одной оппозиции, никогда не выражал своего мнения при определении курса партии. Занимался только своими прямыми обязанностями. Не могла, во-вторых, стать решающей для Сталина и информация о моральном облике Енукидзе. Ведь тот квартировал в Кремле, а потому его личная жизнь проходила у всех на глазах. Наверняка знали об увлечении старого холостяка Енукидзе молодыми красивыми женщинами и Сталин, и другие члены Политбюро.

Между тем, с конца февраля СПО стал стремиться доказать уже не только существование в Кремле контрреволюционной организации, но и подготовку ею террористического акта против Сталина. Подследственных упорно расспрашивали о том, что в той или иной степени могло подтвердить именно такой вариант версии. Более того, пытались связать «заговор» почему-то с одним Каменевым, предназначая ему роль организатора либо вдохновителя попытки устранения Сталина. Да ещё, пока лишь намеком, отмечали и некое весьма опосредованное отношение ко всему тому и Енукидзе.

Следствие преуспело в задуманном. Добилось необходимых показаний, видимо, потому, что выбор Н. А. Розенфельд и Мухановой оказался далеко не случайным. Стал психологически обоснованным после трех недель общения с ними следователей. Скорее всего, именно в них, и только в них, удалось разглядеть потенциальную готовность к жертвенности. Готовность по крайней мере на допросах взять на себя роль экзальтированных фанатичек, готовых идти даже на смерть ради некоей идеи. Стать новыми Шарлоттами Корде, Фанни Каплан, к мысли о чем они пришли то ли самостоятельно, то ли по подсказке, по внушению все тех же Молчанова, Кагана.

Муханова 4 марта рассказывает Молчанову, Люшкову, Кагану: «Розенфельд мне говорила, что на Ленина было покушение, совершенное Каплан, а на Сталина вот никак не организуют. Она сказала, что нужна русская Шарлотта Корде для спасения русского народа… Мои контрреволюционные убеждения приводили меня еще тогда (в 1932 г. — ***Ю.Ж.***) к мысли о необходимости убить Сталина, и я полностью разделяла террористические намерения Н. А. Розенфельд».

Н. А. Розенфельд 4 марта сообщила начальнику экономического отдела (ЭКО) НКВД Л. Г. Миронову, начальнику 3-го отделения ЭКО Чертоку: по словам ее бывшего мужа, Каменев «говорил о своем тяжелом положении, о том, что все зло в Сталине, который виновен в этом

его положении, что Сталин ему мстит, что, пока будет Сталин, положение его останется таким же тяжелым…

Вопрос. К какому выводу в результате бесед Розенфельда с Каменевым пришли Вы и Розенфельд?

Ответ. Мы пришли к выводу о необходимости активной борьбы с руководством ВКП(б) вплоть до террористических актов.

Вопрос. Вы и Розенфельд Н.Б. пришли к этому самостоятельно?

Ответ. Нет, на это в значительной мере повлиял Каменев Л. Б., который, как это мне подтвердил Розенфельд Н. Б., говорил последнему о необходимости устранения Сталина».

Муханова показала 4 марта: Н. А. Розенфельд говорила ей, что «Каменев озлоблен на Сталина и не успокоится, пока не будет играть активной политической роли, что возможно только при условии, если Сталин будет отстранен от руководства», а это «возможно только его уничтожением». Розенфельд «дала мне понять, что террористический акт над Сталиным готовится по прямому поручению Каменева». На вопрос же о том, как конкретно они намеревались совершить убийство, Муханова ответила: надо только «добраться до библиотеки Сталина, а там вопрос будет решен в зависимости от обстановки, в которой мы очутимся». Потому-то, добавила Муханова, Н. А. Розенфельд просила Л. Н. Минервину, секретаря Енукидзе, устроить их обеих в библиотеку Сталина.

Подтверждение именно такой версии получило следствие и в показаниях некоторых иных лиц, привлеченных по «кремлевскому делу». Так, П. И. Гордеева и Т. П. Бураго, сотрудницы (до ареста) правительственной библиотеки, показали, что Н. А. Розенфельд и Муханову интересовало, где находится квартира Сталина. В. А. Барут, работавший в правительственной библиотеке с 1931 по 1932 гг., а затем около года в Оружейной палате (только это и дало следствию основание поначалу утверждать о существовании в этом кремлевском музее отдельной «террористической группы»), отметил: «Розенфельд подчеркивала, что Енукидзе оказывает ей поддержку». Брат же Каменева, до развода в 1922 г. муж Н. А. Розенфельд, 5 марта уточнил: мол, она в 1932 г. «впервые заговорила о необходимости убийства Сталина… С этой целью она обхаживала Енукидзе».

Вскоре в ведении следствия, пока лишь накапливавшего данные, наступил качественный сдвиг. Муханова — несомненно, по прямой подсказке тех, кто вел допрос, — сделала 8 марта решающее для «кремлевского дела» заявление. Неожиданно поведала о том, что она никак не могла и не должна была по элементарным правилам конспирации знать. О чем следовало в «чистосердечном признании» сообщить только Каменеву, ибо ему и отводили роль «руководителя заговора». Агранов (вряд ли замнаркома НКВД случайно вел этот допрос) и Молчанов восприняли как должное то, что Муханова рассказала им. Якобы «организация» состоит из пяти групп: в правительственной библиотеке; в комендатуре Кремля; в Оружейной палате; бывших троцкистов вне Кремля; из художников. Только так следствие смогло систематизировать полученную информацию по довольно своеобразному принципу — профессии, месту работы всех тех, чьи фамилии хотя бы раз были названы кем-либо из допрашиваемых.

Положение несколько осложнилось из-за позиции, занятой во время допросов по «кремлевскому делу» уже отбывавших наказание Зиновьева и Каменева. Последний 20 марта и 11 апреля категорически отрицал все. И то, что показал его брат, и то, в чем «сознались» Н. А. Розенфельд и Муханова. Решительно отводил от себя подобные обвинения. Зиновьев же активно подыгрывал следователям, а заодно и «топил» своего старого соратника, не забывая, где следует остановиться. 19 марта он заявил: «Каменев не был ни капельки менее враждебен партии и ее руководству, чем я, вплоть до нашего ареста… Каменеву принадлежит крылатая формулировка о том, что «марксизм есть теперь то, что угодно Сталину»… Читая «Бюллетени оппозиции», подробно информировал Каменева о содержании этих документов и о моем

положительном отношении к отрицательным оценкам, которые давал Троцкий положению в стране и партии… Призыв Троцкого «убрать Сталина» мог быть истолкован как призыв к террору… Контрреволюционные разговоры, которые мы вели с Каменевым и при Н. Б. Розенфельде… могли преломиться у последнего в смысле желания устранить Сталина физически», мы же говорили в смысле «замены его на посту генерального секретаря ЦК ВКП(б)».

Воспользовалось следствие и еще одним показанием. Настоящего троцкиста С. М. Мрачковского, 19 марта охарактеризовавшего оставшихся на свободе единомышленников. После этого появилась возможность спроецировать такую информацию на материалы «кремлевского дела» о Б.Н. Розенфельде — племяннике Каменева, и С. Л. Седове — сыне Троцкого, превратить их в рьяных последователей Троцкого. И заодно образовать из них и их товарищей взамен «группы в Оружейной палате» группу «троцкистской молодежи». Так к концу марта сложился очередной вариант структуры «контрреволюционной организации».

Тем временем продолжал работать с материалами «кремлевского дела» и Ежов, для которого его собственные выводы из данного следствия послужили не только серьезным подспорьем для создания «теоретической» работы «От фракционности к открытой контрреволюции», завершенной в конце 1935 г., но и своеобразным трамплином для внезапного взлета, молниеносно сделанной карьеры, стремительного восхождения по ступеням иерархической лестницы, приведших его во власть. Как председатель комиссии по проверке личного состава ЦИК СССР и ВЦИК, он начал с изучения тех материалов, которые имелись в КПК. А в них обнаружил, что первые «сигналы» о «засоренности» аппарата учреждений Кремля относятся к лету 1933 г. Именно тогда сотрудник секретного отдела ЦК Цыбульник сообщил заведующему секретной части ЦИК СССР В. К. Соколову о наличии среди служащих «антисоветских элементов». О том же донесла и сотрудница правительственной библиотеки Буркова в заявлении от 29 сентября 1933 г.

Оба «сигнала» опирались на один и тот же источник «достоверной информации»: рассказ работавшей в той же библиотеке Журавлевой. Сначала — подруги Мухановой, а после ссоры с нею — «правдолюбицы», поспешившей уведомить начальство обо всем услышанном. Что Муханова из древнего дворянского рода, в 1918 г. якобы сотрудничала с контрразведкой Чехословацкого корпуса, ее отец был белым офицером. Что Бураго — дворянка и «антиобщественница». Что Н. А. Розенфельд — урожденная княжна Бебутова, её бывший муж — брат Каменева, а сын — троцкист.

Явная очевидность этих обвинений как следствия заурядной склоки в женском коллективе и повлияла, скорее всего, на то, что заявлению Журавлевой в свое время не дали хода. Никто не придал ему серьезного значения. Однако теперь, когда появилось «кремлевское дело», Ежов расценил обнаруженные им документы как весомое доказательство давнего существования «контрреволюционной организации». Укрепили же его в таком убеждении те протоколы допросов, которые он стал получать из НКВД. Сначала время от времени, а начиная с 4 марта, после решения Политбюро о Енукидзе, — регулярно, практически каждый день. На их основании Ежов и подготовил черновой вариант того документа, который после редактуры скорее всего лично Сталиным и Молотовым получил необычное название: «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе».

В нём, утвержденном Политбюро 21 марта, слегка приоткрывалась завеса тайны, окутывавшей решение от 3 марта. Прежде всего оно дезавуировало решения как ЦИК СССР, так и ЦИК ЗСФСР. Теперь оказывалось, что Енукидзе был «переведен на меньшую работу в качестве одного из председателей ЦИКа Закавказья, причем представительство Закавказской федерации в ЦИК СССР в качестве одного из председателей последнего оставлено за т. Муталибовым». И тут же разъяснялось: «Действительные мотивы этого перемещения не могли быть объявлены официально в печати, поскольку опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти». А затем «Сообщение» переходило к сути дела. «В начале

текущего года, — указывалось в нем, — стало известно, что среди служащих правительственной библиотеки и сотрудников комендатуры велась систематическая контрреволюционная травля в отношении руководителей партии и правительства, особенно в отношении товарища Сталина, с целью их дискредитации. При ближайшем расследовании органами НКВД источников распространения этой травли было обнаружено в последнее время несколько связанных между собою контрреволюционных групп, ставивших своей целью организацию террористических актов в отношении руководителей советской власти и партии и в первую очередь в отношении товарища Сталина».

Хотя следствие ещё продолжалось и до суда «дело» не дошло, «Сообщение», тем не менее, называло «контрреволюционные группы» — в правительственной библиотеке (Н. А. Розенфельд-Бебутова, Муханова, Давыдова, Бураго, Раевская и др.); в комендатуре Кремля (Дорошин, Поляков, Павлов, Синелобов, Лукьянов и др.); троцкистской молодежи (Л. Я. Нехамкин, С. Л. Седов, Асбель, Белов и др.); а далее подчеркивалось: «Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп (Нина Розенфельд, Раевская, Никитинская и др.) пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многих из этих сотрудниц тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал».

Казалось бы, после такого утверждения должен был последовать пункт о необходимости отдачи Енукидзе под суд. Однако здесь «Сообщение» делало странный поворот на 180 градусов. Маловразумительный, алогичный: «Само собой разумеется, что тов. Енукидзе ничего не знал о готовящемся покушении на товарища Сталина, а его использовал классовый враг как человека, потерявшего политическую бдительность, проявившего не свойственную коммунисту тягу к бывшим людям». Именно такое, предельно мягкое объяснение поведения Енукидзе, мотивировка его поступков и позволили предельно смягчить намеченные оргвыводы. «Учитывая же вскрытые следствием факты, — отмечало «Сообщение», — и особенно — за последнее время, ЦК считает необходимым обсудить на ближайшем Пленуме ЦК вопрос о возможности оставления тов. Енукидзе в составе членов ЦК ВКП(б)».[103]

Между тем, комиссия Политбюро под председательством Ежова завершила порученную ей чистку служащих Кремля. Из 107 сотрудников аппарата ЦИК СССР, в том числе и правительственной библиотеки, оставила на работе лишь девятерых. Об этом Ежов рассказал в докладах, сделанных 23 марта на трех закрытых партсобраниях: работников ЦИК СССР, ВЦИК, Совнаркомов СССР и РСФСР, гаража особого назначения; комендатуры Кремля, специальной охраны и отдельной роты охраны; Школы им. ВЦИК. Поставил в известность коммунистов об отрицательной роли во всем происшедшем Енукидзе, о том, что в правительственной библиотеке арестован 21 человек, в комендатуре Кремля — 14, а всего под следствием находится 65 человек.

Реакция Енукидзе на происходящее оказалась элементарно простой. Он не стал возражать, спорить, защищать себя. Промолчал, признавая тем самым все обвинения в свой адрес. Решил переждать грозные события. Практически сразу, 25 марта, направил в Политбюро заявление: «По состоянию моего здоровья я не могу сейчас выехать в Тифлис — место моей новой работы. Прошу предоставить мне двухмесячный отпуск для поправления моего здоровья с выездом для этого в Кисловодск». На следующий день просьба Авеля Сафроновича, возможно, не в последнюю очередь и потому, что тот не стал выяснять, в какой же должности ему предстоит работать в Тифлисе, была удовлетворена.[104]

Ежов — полуграмотный самоучка, познавший лишь одну профессию, партфункционера-руководителя, казалось, не заметил, что НКВД подсунул ему выгодную только наркомату версию. Ту, которую ему пришлось принять, поверить в нее, отстаивать как собственную. Не заметил или во всяком случае не обратил внимания на многие ее странности, противоречия, явные несуразности в переданных ему материалах. Например, что Муханова никак не годилась на ту роль, которую ей отвели Молчанов и Каган. При всем желании она никак не могла

проникнуть в Кремль для совершения теракта, ибо еще в декабре 1933 г. уволилась из правительственной библиотеки, перешла на работу в Кинокомбинат. По той же причине она не могла и сообщить Бенксон сведения о системе охраны Кремля, действующей в настоящем, а не в прошлом.

Более того, решающим для Ежова при оценке результатов следствия должен был бы стать вопрос: зачем «разветвленной контрреволюционной организации» поручать убийство Сталина двум женщинам, не умевшим пользоваться оружием, даже не представлявшим, как конкретно они будут осуществлять задуманное преступление. И это при том, что среди арестованных «заговорщиков» находились и высшие чины комендатуры Кремля. Люди, прошедшие Гражданскую войну и потому отменно владевшие оружием. Руководившие обеспечением безопасности членов узкого руководства, в том числе и Сталина, а потому знающие все слабые места системы охраны в Кремле, чем и должны были бы воспользоваться прежде всего. Но Ежов не придал значения такому важному обстоятельству. Просто проигнорировал его, бездумно восприняв версию НКВД.

Нельзя исключить и иной интерпретации происходившего. Столь же возможно, что Ежова поставили в известность об изменившихся после 3 марта правилах игры. Уведомили (кто именно — Сталин, Ворошилов, кто-то иной?) о том, что армейских не следует затрагивать. Как бы забыть о них. Даже о тех четырнадцати, кто был арестован. Поэтому-то Ежов мог и не придать вполне сознательно значения еще одному вопиющему факту. Тому, что из 170 протоколов допросов и 8 — очных ставок, поступивших к нему из НКВД за февраль и март, только один (!) отражал показания сотрудника комендатуры Кремля, Синелобова. Да ещё такой, какой не содержал ни намека на «полезные» для следствия сведения. На все многочисленные вопросы, призванные в любой форме подтвердить лишь одно — передачу им данных о системе охраны Кремля сестре — библиотекарю правительственной библиотеки, он отвечал на редкость однозначно: «не помню», «не знаю», «не было», «отрицаю».

Мог Ежов и вполне сознательно не придать значения столь странной, однобокой, выборочной информации о ходе следствия. И всего лишь как председатель КПК, «забыв» о существовании «кремлевского дела», в первых числах апреля подписать протокол о вынесении Петерсону строгого выговора. «За отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой, слабую политико-воспитательную работу среди сотрудников и неудовлетворительный подбор кадров». Протокол, в котором одно слово «неудовлетворительный» фактически перечеркивало вскрытый следователями НКВД «заговор с целью убийства Сталина».

Петерсона явно выводили из-под удара. И в прямом, и в переносном смысле. 9 апреля Политбюро утвердило решение, основанное на протоколе КПК. Петерсона освободили от обязанностей коменданта Кремля,[105] а вскоре перевели в столицу Советской Украины, к Якиру, в качестве помощника (заместителя) командующего Киевским военным округом по материальному снабжению. Тем самым он на два года был исключен из числа причастных к «кремлевскому делу».

Сразу же после появления «Сообщения ЦК» прежний вариант структуры «контрреволюционной организации» СПО вновь скорректировал. Ввёл в неё ещё одну группу, более соответствовавшую предопределённой и уже объявленной цели «заговорщиков», для чего воспользовался готовностью Мухановой признать, подтвердить все, что требовалось. 28 марта во время очередного допроса Муханова рассказала, как переехала в 1922 г. в Москву из Самары и поселилась на квартире у знакомого отца, некоего Г.Б. Синани-Скалова, во время Гражданской войны офицера Колчака, потом якобы поддерживавшего отношения с бывшими сослуживцами. Все они, по словам Мухановой, входили в подпольную белогвардейскую организацию, в которую вовлекли и ее, молодую и неопытную девушку. Ни Му-ханову, ни следователей не смутили важные детали биографии Синани. И то, что он несколько лет

выполнял ответственное задание советской власти в Монголии и Китае. И то, что после возвращения на родину стал работать в исполкоме Коминтерна.

«Белогвардейская группа» оказалась последним достижением следствия. Допросы, продолжавшиеся весь апрель, не принесли ничего нового. Лишь позволили «подтвердить» очередными показаниями уже имевшиеся «признания», ставшие единственным доказательством существования «контрреволюционной организации» и ее преступных замыслов. И потому 2 мая Ягода направил Сталину докладную записку: «Следствие по Каменеву Л. Б., Розенфельд Н. А., Мухановой Е. и др. в подготовке террористических актов над членами Политбюро ЦК ВКП(б) в Кремле заканчивается. Установлено, что существовали террористические группы — 1) в правительственной библиотеке Кремля, 2) в комендатуре Кремля, 3) группа военных работников-троцкистов, 4) группа троцкистской молодежи, 5) группа белогвардейцев. Считал бы необходимым заслушать дела этих групп на Военной коллегии Верховного суда без вызова обвиняемых и расстрелять организаторов террора и активных террористов… Всего 25 человек. Что касается Каменева, то следствием установлено, что Каменев Л.Б. являлся не только вдохновителем, но и организатором террора. Поэтому полагал бы дело о нем вновь заслушать на Военной коллегии Верховного суда. Дела на остальных 89 обвиняемых: рассмотреть часть на Военной коллегии Верховного суда, часть на Особом совещании».[106]

Теперь все выглядело так, будто следствие завершено, процессы можно проводить в ближайшие дни, а затем, лишь для подведения политического итога, созывать Пленум, о котором уже было объявлено. Но именно тогда в «кремлевском деле», и опять же без какой-либо видимой причины, возникла очередная пауза. Пауза, которой — но ничего не зная о ней — воспользовался Енукидзе. Он не мог и представить себе, что происходит в тиши кабинетов руководителей НКВД. Но, скорее всего, просто ощущая ту напряженную атмосферу, которая начинала все сильней и сильней давить на него в Кисловодске, в санатории «Карс», ощущая изменение отношения к себе после читки «Сообщения ЦК» на закрытых партсобраниях, наконец осознал серьезность своего положения. И 8 мая обратился в Президиум ЗакЦИК с заявлением об отставке: «Уважаемые товарищи. Постановлением II сессии Закавказского Центрального исполнительного комитета от 5 марта 1935 г. я был избран председателем ЗакЦИКа. Состояние моего здоровья не позволило мне вскоре после моего избрания приехать в Тифлис работать, и я выехал в отпуск в Кисловодск. Отпуск мой скоро кончается, а между тем мое здоровье требует, чтобы я еще на долгое время остался здесь на лечении. Не считая для себя возможным числиться председателем ЦИК ЗСФСР и в то же время не быть в состоянии работать в закавказских республиках, прошу вас освободить меня от обязанностей председателя Закавказского ЦИК. Выражая свое глубокое сожаление по поводу моего вынужденного отказа приехать к вам работать, прошу всех товарищей принять мой горячий привет».

Енукидзе почему-то предположил, что его заявление может быть отклонено, и чтобы добиться желаемого, направил письмо в Заккрайком Л. П. Берии: «Прилагаю при сем копию моего письма Президиуму Зак-ЦИКа с просьбой освободить меня от обязанностей председателя ЗакЦИКа. Прошу Заккрайком ВКП(б) сделать соответствующее указание Президиуму ЗакЦИКа об удовлетворении моей просьбы». Сочтя и это недостаточным, послал аналогичное обращение еще и в Политбюро: «Уважаемые товарищи. Прилагаю при сем копии писем, посланных 8 мая с.г. секретарю Зак-крайкома ВКП(б) и Президиуму Закавказского Центрального исполнительного комитета об освобождении меня от обязанностей председателя ЗакЦИКа, прошу Политбюро: 1. Удовлетворить мое ходатайство и дать соответствующее указание Заккрайкому. 2. Решить вопрос о моей работе».

Последний же, самый важный для себя пункт Енукидзе подробно изложил в четвертом письме — секретарю ЦК Ежову: «Уважаемый Николай Иванович… Отпуск мой кончается в конце этого месяца. Мне, конечно, очень хотелось бы получить какую-нибудь работу в Москве,

но если это нельзя, то согласен остаться работать здесь. На словах мне было предложено взять работу уполномоченного ЦИК по Минеральноводской группе или по Сочи. В этом направлении я лично никаких шагов еще не предпринимал ввиду того, что в обоих этих местах уже назначены уполномоченные ЦИК. С тов. Ганштоком мне самому неудобно было говорить и я его не видел здесь совсем. С тов. Евдокимовым я виделся раз в первые дни моего приезда сюда, но ничего о своей работе ему я тоже не говорил. Тов. Метелева я видел, и он согласен стать моим заместителем по Сочи, но это будет для меня очень неудобно по личным соображениям. Если бы ЦК назначил меня уполномоченным ЦИК по обеим группам курортов, а нынешних уполномоченных моими замами, было бы удобнее и лучше. Работа от этого выиграла бы в смысле проведения единообразных мер в деле благоустройства этих курортов и лучшего использования кадров. Все это пишу Вам для сведения и сообщаю, что возьму любую работу, на какую ЦК направит меня».[107]

Ежов письмо Енукидзе получил 13 мая. Сразу же направил Сталину, сопроводив припиской: «Так как из его заявления видно, что его отпуск на днях кончается, прошу разрешения вызвать его для допроса по ряду вопросов». Сталин, почему-то проигнорировав просьбу Ежова, наложил такую резолюцию: «Молотову, Кагановичу и другим. Освободить т. Енукидзе от обязанностей пред. ЦИК Закавказья и дать ему пост упол. ЦИК СССР по Минераловодской группе, оставив группу Сочи за т. Метелевым». В тот же день Политбюро утвердило предложение Сталина опросом (в нем приняли участие Ворошилов, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Андреев).[108]

Таким решением узкое руководство и лично Сталин вынуждены были опровергнуть содержание собственного же «Сообщения ЦК». Признать, что Енукидзе действительно был избран председателем ЗакЦИК, а не одним из председателей. Да ещё пойти ему навстречу, назначив его на ту самую должность, которой он столь настойчиво добивался. А две недели спустя Енукидзе вернулся в Москву. Не для дачи показаний в КПК, а для участия в Пленуме ЦК.

6 июня 1935 г., на второй день работы Пленума с докладом «О служебном аппарате секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе»[109] выступил Ежов. Выступил весьма своеобразно, далеко отойдя от конструкции и содержания недавнего «Сообщения ЦК». Начал Ежов, и, как оказалось, далеко не случайно, с напоминания о выстреле в Смольном. Сделал так для того, чтобы сразу же задать необходимый тон, привлечь внимание собравшихся к главному. «При расследовании обстоятельств убийства товарища Кирова в Ленинграде, — заявил он, — до конца еще не была вскрыта роль Зиновьева, Каменева и Троцкого в подготовке террористических актов против руководителей партии и советского государства. Последние события показывают, что они являлись не только вдохновителями, но и прямыми организаторами как убийства товарища Кирова, так и подготовлявшегося в Кремле покушения на товарища Сталина».

Только затем Ежов сообщил о «последних событиях». О том, что НКВД «вскрыл пять связанных между собой, но действовавших каждая самостоятельно террористических групп»: в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля, троцкистов — военных работников, троцкистской молодежи, бывших активных участников белогвардейского движения. И уточнил: «Все они представляли собой единый контрреволюционный блок белогвардейцев, шпионов, троцкистов и зиновьевско-каменевских подонков. Все эти озлобленные и выкинутые за борт революции враги народа объединились единой целью, единым стремлением во что бы то ни стало уничтожить товарища Сталина».

Так впервые, официально и безапелляционно, бывшие вожди внутрипартийной оппозиции и их сторонники были объявлены контрреволюционерами, врагами народа. Объединены преднамеренно, сознательно с белогвардейцами, а противопоставлены отнюдь не большинству партии, а только Сталину. И не как его идейные противники, имевшие свои взгляды на то, каким должен быть курс ВКП(б), политика Советского Союза, а как заговорщики,

террористы. Для подтверждения этого тезиса и послужило «кремлевское дело». Якобы широко разветвленное, далеко уходящее за пределы Кремля.

«Часть (заговорщиков. — ***Ю.Ж.***), — продолжил Ежов, — все свои планы строит на организации покушения вне Кремля, для чего собирает сведения и ведет наблюдение за маршрутами поездок товарища Сталина, узнает, где он живет за пределами Кремля, в какие часы больше всего выезжает и, наконец, ищет удобного случая для организации покушения на Красной площади во время демонстрации. Другая часть главную ставку ставит на организацию покушения в самом Кремле, в особенности рассчитывая и добиваясь проникнуть на квартиру к товарищу Сталину». Здесь Ежов напрямую связал «террористов» с бывшим секретарем ЦИК СССР. «Свой план проникновения на квартиру к товарищу Сталину, — сказал он, — они строят на использовании личных связей с т. Енукидзе и с его приближенными, наиболее доверенными сотрудниками».

Всё более и более входя в роль прокурора, обличающего на суде преступников, Ежов начал использовать свои козыри — «признания» подследственных, которые изучал четыре месяца. Разумеется, не полностью, а только те отрывки из них, в которых шла речь о якобы готовившихся покушениях на Сталина. Точнее, о намерениях, о всего лишь принципиальной возможности таковых. Легко жонглируя заранее подобранными цитатами, Ежов позволил себе — для пущего эффекта — упомянуть показания и тех, кто полгода назад проходил по делу Николаева. Но все же, не теряя из виду основную цель, постарался свести результаты следствия по «кремлевскому делу» к прямой и равной ответственности Зиновьева и Каменева. Попытался убедить участников Пленума в том, что именно они «в своем стремлении пробраться к власти, ставили ставку на внутренние и, главным образом, внешние отношения». Поступая же подобным образом, загодя распределил сферы действий: «Организатором террора в Ленинграде был Зиновьев, все время поддерживавший связи с ленинградскими троцкистами (так в тексте! — ***Ю.Ж.***), и в Москве организатором террора был Каменев».

Опираясь на материалы, полученные из НКВД, Ежов вновь и вновь стремился усугубить вину Каменева. Мол, Муханова сообщила следствию: «О группе, возглавлявшейся Н. Розенфельд, могу показать, что она была непосредственно связана с Л.Б. Каменевым». Ее же слова подтверждались опять же голословными признаниями Б. Н. и М. Б. Розенфельдов — «сам Каменев непосредственно направлял всю деятельность групп, давал им указания и был в курсе всей подготовки убийства товарища Сталина».

Но не обошёл Ежов и роли Троцкого, его личной вины, ответственности за терроризм. Правда, в данном случае он мог сослаться не на чьи-то сомнительные показания, а на откровения самого Троцкого, на его, по сути, провокационную статью «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», опубликованную в номере 43 «Бюллетеня оппозиции» (апрель 1935 г.). «Нынешний политический режим в СССР, — писал Троцкий, — есть режим «советского» (или антисоветского) бонапартизма по типу своему ближе к империи, чем к консульству… Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностью социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самого существования СССР как рабочего государства. Бонапартистское вырождение диктатуры пролетариата представляет поэтому прямую и непосредственную угрозу всем социальным завоеваниям пролетариата». Мало этого, в другой статье Троцкий не только признал, подтвердил существование в Советском Союзе политического терроризма, но и фактически оправдал его: «Политическая и моральная ответственность за самое возникновение терроризма в рядах коммунистической молодежи лежит на Сталине. Террористические тенденции в рядах коммунистической молодежи являются одним из наиболее болезненных симптомов того, что бонапартизм исчерпал свои политические возможности, вступил в период самой ожесточенной борьбы за существование» («Сталинская бюрократия и убийство Кирова» — «Бюллетень оппозиции», 1935 г., № 41).

Именно это утверждение Троцкого позволило Ежову сделать оказавшийся столь страшным по своим последствиям вывод. Троцкий, провозгласил секретарь ЦК, «стал теперь главным вдохновителем и организатором террора против вождей партии и правительства, мобилизуя вокруг себя все террористические элементы внутри и вне СССР».

Только потом, практически в конце доклада, Ежов обратился к заявленной теме. Вспомнил о Енукидзе и подведомственном тому совсем недавно аппарате секретариата ЦИК. Но опять же начал с очередного, настойчивого упоминания об убийстве Кирова. О последовавшем вслед за тем закрытом письме ЦК, призвавшем всех коммунистов к повышению революционной бдительности, объявлявшем подрывную работу против партии результатом «потери классовой бдительности, преступного ротозейства, благодушия и разложения коммунистов». «Ярким примером политической слепоты и полной потери классовой бдительности, — заявил Ежов, — примером такого преступного благодушия является член ЦК ВКП(б) тов. Енукидзе. Партия оказала ему огромное доверие. В течение полутора десятка лет он состоял секретарем ЦИК. Ему фактически была доверена охрана Кремля. Только благодаря его преступному благодушию, полной потере классового чутья и политической бдительности контрреволюционным зиновьевско-каменевским и троцкистским элементам удалось пробраться в Кремль и организовать там террористические группы. Своим непартийным поведением, своей небольшевистской работой Енукидзе создал такую обстановку, при которой любой белогвардеец легко мог проникнуть и проникал на работу в Кремль, часто пользуясь прямой поддержкой и высоким покровительством Енукидзе». Подкрепив такое обвинение опять же лишь материалами следствия по «кремлевскому делу», Ежов заключил: «Товарищ Енукидзе должен быть наказан самым суровым образом, потому что он несет политическую ответственность за факты, происходившие в Кремле». Но тут же предложил необъяснимо мягкое наказание — «ЦК выносит на рассмотрение Пленума вопрос о выводе т. Енукидзе из состава членов ЦК ВКП(б)».

Казалось, доклад должен был бы задать тон для последовавшего обсуждения. Определить, о чем и как говорить, что обязательно осуждать. Однако участники Пленума в своем большинстве решили всячески уклоняться от политических аспектов вопроса, и прения пошли по иному пути. Первым взял слово секретарь Закавказского крайкома Берия. Не захотел даже упомянуть ни Троцкого, ни Зиновьева с Каменевым. Вел речь лишь о Енукидзе. Мимоходом коснулся «позорных ошибок» того в далеком прошлом. «Заигрывание с меньшевиками в ответственные периоды нашей революции», «фальсифицирование» истории бакинской социал-демократической организации (имелась в виду автобиография Енукидзе, опубликованная в 41-м томе энциклопедического словаря «Гранат» в 1927 г. — ***Ю.Ж.***). Лишь затем Берия перешел к тому, что счел самым важным. «Ему персонально доверена была охрана штаба нашей революции, охрана вождя и учителя т. Сталина, за которого бьются сердца миллионов пролетариев и трудящихся. И что в итоге, товарищи, оказалось? Надо прямо сказать, что т. Енукидзе оказался в положении изменника нашей партии, изменника нашей Родины… Предложения товарища Ежова совершенно правильны. Но, по-моему, они недостаточны. Товарища Енукидзе надо не только вывести из состава Центрального комитета партии, надо вывести и из состава Президиума ЦИК и вообще из ЦИК».

Схожим образом построили свои выступления Шкирятов и Акулов. Говорили только об аппарате секретариата ЦИК СССР. О том, каким он был плохим при Енукидзе, как была проведена в нем чистка, каким он стал теперь. Правда, Акулов — но, видимо, в силу своего нового положения — затронул еще и вопрос охраны Кремля. «Сейчас комендант Кремля, — сообщил он, — имеет специального заместителя, который ведает только охраной Кремля и который в этой части подчинен НКВД… Секретариат ЦИК к охране не имеет никакого отношения».

Лишь генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины С.В. Косиор, выступивший сразу после Берии, счел необходимым высказаться по всем проблемам, затронутым в докладе Ежова. Он

также начал с выстрела в Смольном, связал его с тем, что Енукидзе «аппарат ЦИК передал в руки классовых врагов: троцкистов, белогвардейцев и всякой сволочи… открыл двери всякого рода террористам и кому угодно». Затем обрушил свой гнев на бывших лидеров партии. «Совершенно ясна, — сказал он, — линия Зиновьева, Каменева и Троцкого. Совершенно ясно, что все эти люди, делавшие раньше ставку на наши трудности, на то, что мы сломаем себе шею на целом ряде мероприятий крупных и мелких, которые проводились под руководством ЦК и товарища Сталина нашей партией и нашей страной. Их ставка оказалась битой. На что теперь эти люди могут надеяться? Их последняя ставка, их последняя надежда — террор, это совершенно ясно. То, что здесь читал т. Ежов, не требует никаких комментариев, никаких добавлений. Лозунг оголтелого террора дает Троцкий всем своим сторонникам. Организаторами террористической борьбы здесь были Зиновьев и Каменев. Это значит, что мы должны рассматривать как прямого врага не только троцкиста, не только зиновьевца, а каждого — кто бы он ни был — кто хотя бы в малейшей степени ведет себя двусмысленно, кто играет на руку классовому врагу. Мы должны его изолировать, ибо это опасный враг. Тут мы не можем делать никакой разницы между белогвардейцами, всякого рода офицерскими террористическими организациями, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой. Эта разница давно исчезла. Мы должны с ними расправиться беспощадно».

Вернувшись затем к Енукидзе, к собственно «кремлевскому делу», Косиор в оценках услышанного превзошел докладчика. «На примере Енукидзе, — заявил он, — мы должны показать партии тип человека, людей, которые являются самым слабым нашим местом, которые являются основной опорой, ставкой классовых врагов. Людей, которые в Ленинграде допустили убийство тов. Кирова, мы судили и сурово наказали их по советским законам. Здесь мы имеем дело нисколько не меньшей значимости, наоборот — фактами ещё большей значимости. Вот почему тут должно быть применено самое суровое наказание». И предложил исключить Енукидзе из партии, сознавая, что в таком случае у НКВД появится право арестовать последнего.

Затем слово предоставили и Енукидзе, который не стал каяться в грехах подлинных или мнимых, а воспользовался трибуной, чтобы решительно отвести от себя основные обвинения. «Тут было много неправильного сказано в отношении аппарата ЦИК. Во-первых, аппарат этот многократно менялся за все время своего существования. И в смысле качественного состава, и в смысле партийной прослойки он подвергался изменениям. Но не изменялся порядок приема работников в Кремль. Это можно проверить по документам. Всякий поступающий работать в Кремль проходил определенный стаж проверки и лишь после этого зачислялся в штат. Проверка проходила с участием органов Нар-комвнудела. Никто не принимался в Кремль без их отзыва. Это относится решительно ко всем сотрудникам». И почти сразу же, вполне преднамеренно вернулся к тому же. «Я повторяю, — резко подчеркнул Авель Сафронович, — что за все время моей работы в Кремле как руководителя аппарата у меня никаких серьезных конфликтов на этой почве с органами Наркомвнудела не было… Всегда во всех вопросах охраны органы Наркомвнудела привлекались, и без них, конечно, ничего не делалось».

Отклонив таким образом главное обвинение, вернее, разделив ответственность за все происшедшее с НКВД, Енукидзе убедительно объяснил и свою позицию после принятия решения от 3 марта. «После того, — сказал он, — что было обнаружено в библиотеке и комендатуре Кремля и тотчас же после того, как это стало мне известно, я немедленно же заявил товарищам — членам Политбюро, что снятие меня с поста секретаря ЦИК совершенно правильно. Я своим отношением и своим доверием к аппарату не обеспечивал безопасность в Кремле, и потому меня надо было снять». И тут же вновь перешел в атаку: «Я очень сожалею, что тут были притянуты вопросы личного разложения, сожительства с некоторыми и так далее. Я здесь, товарищи, совершенно откровенно вам говорю, что ни с кем из арестованных я не сожительствовал. Абсолютно. Поскольку это было повторено здесь, то это заставляет меня еще раз перед вами это сказать».

И только затем Енукидзе позволил себе признание ошибок, покаяние. «Когда мне, — разъяснил он, — комендант Кремля сообщил, что вот такая-то уборщица ведет контрреволюционные разговоры, в частности, против товарища Сталина, я вместо того, чтобы немедленно арестовать и передать эту уборщицу в руки Наркомвнудела, сказал Петерсону: проверьте еще раз, потому что было очень много случаев оговора — зря доносили против того или другого. Конечно, нельзя было терпеть такое положение, и нужно было немедленно же принять меры. Это мое распоряжение коменданту Кремля попало в руки Наркомвнудела и затем к товарищу Сталину. Товарищ Сталин первый обратил на это внимание и сказал, что это не просто болтовня, что за этим кроется очень серьезная контрреволюционная работа. Так и оказалось на самом деле».

Признал Енукидзе и иное. То, что принял Раевскую на службу в правительственную библиотеку несмотря на возражения НКВД. Что затянул реорганизацию охраны Кремля, намеченную именно им, а никем иным еще осенью 1934 г. Что принятие на работу в аппарат ЦИК СССР «бывших людей» явилось с его стороны потерей бдительности, хотя «об этих лицах известно было также и органам Наркомвнудела». Особо, весьма детально, остановился Енукидзе на положении, сложившемся в правительственной библиотеке. Сказал, что «никаких подозрений в отношении Розенфельд», которая «с 1917 г. работала в кремлевских учреждениях», не имел. Но, конечно же, «должен был быть настороже, видя ее родственную связь с Каменевым». Признал, что «знал из этой компании Раевскую», но «остальных арестованных, которые оказались в террористической группе из состава работников библиотеки и Оружейной палаты, я лично не знал». Решительно отверг Енукидзе и слова Ежова, точнее — версию следователей НКВД о том, что он якобы посылал своего секретаря Минервину к Сталину для того, чтобы устроить в домашней библиотеке последнего Н. Розенфельд и Раевскую.

Словом, построил свою защиту Енукидзе весьма умело, даже профессионально. И потому завершил свое выступление весьма своеобразно: «Мне кажется, что в дальнейшем ни годы мои, ни здоровье не позволят мне подняться на ту высоту доверия, которую я занимал. Несмотря на это я ни в малейшей степени не прошу у партии снисхождения. По отношению ко мне нужно применить именно ту меру, которая может послужить уроком в дальнейшем для всякого коммуниста, стоящего на том или ином посту, чтобы действительно усилить бдительность и поставить работу нашей партии и наших советских органов так, чтобы они могли спокойно и плодотворно работать».

Явная двойственность выступления Енукидзе, его готовность, с одной стороны, принять любое наказание и, с другой, — решительное отклонение практически всех предъявленных обвинений, недвусмысленное напоминание, что слишком многое, ставящееся ему в вину, делалось им совместно с НКВД, неизбежно вызвали возобновление прений.

Первый секретарь Свердловского обкома И. Д. Кабаков поторопился восстановить ту атмосферу, что царила на Пленуме во время доклада Ежова, прийти на помощь обличителям Енукидзе. «Зачем, — риторически вопрошал он, — нужно было ему брать под защиту квалификацию аппарата, когда здесь стоит вопрос о другом, о политической измене партии. Надо же установить, в интересах каких классов допущена слепота, для чего, для каких дел и кто позаботился о том, чтобы враги проникли в Кремль?» Не стремясь установить истину, не желая разобраться в сути дела, Кабаков взял НКВД под защиту: «Как отвечает Енукидзе? Каждый служащий принимался с ведома Наркомвнудела, Наркомвнудел всех проверял. Стало быть, ответственность с Енукидзе снимается, и виновным является аппарат т. Ягоды. Так ведь был поставлен вопрос? Мне кажется, здесь Енукидзе продолжает линию, я бы сказал, либерала». Не довольствуясь сказанным, Кабаков тут же уточнил свой взгляд на обсуждавшуюся проблему: «Здесь вопрос идет не о преступлении, допущенном в ходе текущего строительства, а о судьбах международной революции, об охране жизни вождя международного коммунистического движения. Мы обязаны сохранить эту жизнь». А в

заключение добавил: «Надо внести вопрос о Енукидзе в судебные органы. Надо его судить по существу его преступлений».

Член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно нарком путей сообщения Л. М. Каганович так же, как и Ежов, вернулся к убийству Кирова, напрямую связав его с «кремлевским делом». Поспешил охарактеризовать Троцкого, Зиновьева и Каменева презренными врагами народа, а о Енукидзе сказал, что тот своим преступным бездействием создал опасность «для жизни самого дорогого для нас человека, для товарища Сталина». Видимо, знакомый и со сценарием Пленума, и с тем окончательным решением, которое предстояло принять, Каганович объяснил: «Тов. Енукидзе не является оппозиционером. Тов. Енукидзе по своему характеру, конечно, не может сочувствовать террористам, которые готовят покушение на жизнь лучших людей партии. Однако на примере т. Енукидзе видно, насколько большевик, потерявший облик и внутреннее существо большевика, дискредитирует и срывает основы большевистской партии и содействует врагам не только этой дискредитацией, но и созданием для них благоприятной обстановки для их гнусной, враждебной деятельности».

При этом Каганович приоткрыл завесу тайны, окутывавшей ход дела Енукидзе. Рассказал о том, о чем участники Пленума могли лишь догадываться, связывая воедино немногие известные им факты. «Как только, — поведал он, — получили первые данные об аппарате ЦИК, тов. Сталин собрал нас, поставил вопрос, что надо Енукидзе снять с поста секретаря ЦИК… Затем по ходу следствия, когда выяснились еще другие факты, тов. Сталин поставил вопрос, что нельзя держать Енукидзе на таком посту, как пост председателя Закавказского ЦИК. Сняли его с поста председателя Закавказского ЦИК и дали ему работу уполномоченного по курортам в Кисловодске. Сейчас, когда выяснились все материалы, о которых доложил тов. Ежов, совершенно ясно, что Енукидзе должен понести серьезное наказание».

Пожалуй, самой агрессивной и нетерпимой оказалась речь Ягоды. И это понятно, ибо ему пришлось прежде всего защищать себя, свое ведомство. Защищать, пренебрегая тем, что слишком хорошо было известно участникам Пленума о реальной практике подбора кадров. «Я думаю, товарищи, — начал выступление Ягода, — что Енукидзе своим выступлением уже поставил себя вне рядов нашей партии». Заявил так наверняка для того, чтобы пресечь на корню слишком опасное для него дальнейшее обсуждение вопроса о проверке НКВД всех сотрудников Кремля, об ответственности за политическую их благонадежность прежде всего СПО. Мало того, попытался всю вину за провал такой работы, явно не относящейся к компетенции Енукидзе, возложить именно на него.

«Енукидзе с давних пор, — продолжал нарком внутренних дел, — являлся притягательным центром для враждебных и чуждых элементов. Я напомню Енукидзе целый ряд фактов, которые показывают, что уже в 1928 г. шел процесс его перерождения и притупления бдительности в отношении врага». И действительно сказал, не вдаваясь, однако, в подробности, о двух старых делах — «агента английской разведки» Мак-Кибена и «террориста Любарского, который хотел совершить покушение на тов. Калинина, а убил военного работника Шапошникова». Правда, связал с Енукидзе не их самих, а жену первого и сестру второго. Возможно, чтобы лишний раз подчеркнуть аморализм Енукидзе. «На деле Енукидзе, — продолжал Ягода, — беря под свою ответственность лиц, удаления которых мы требовали, сорвал нашу работу и демобилизовал наших работников, занимавшихся проверкой этих лиц, ибо Енукидзе как секретарь ЦИК пользовался у нас достаточным авторитетом. Больше того, Енукидзе не только игнорировал наши сигналы, но завел в Кремле свое параллельное «ГПУ», и, как только выявлял нашего агента, он немедленно выгонял его. Конечно, все это не снимает с меня ответственности. Я признаю здесь свою вину в том, что я в свое время не взял Енукидзе за горло и не заставил его выгнать всю эту сволочь. Все, что говорил здесь Енукидзе, это сплошная ложь… Вы здесь перед Пленумом столько налгали, Авель, что нужно не только исключить вас из партии, нужно, по-моему, арестовать вас и судить».

Лишь только потому, что на заседании появилось непредусмотренное предложение, высказанное Косиором и Ягодой — арестовать Енукидзе и судить его, Ежову пришлось выступить вновь, на этот раз в роли уже не прокурора, а судьи. Он вынужден был признать достаточно серьезными промахи в работе органов безопасности: «Вину НКВД, — отметил он, — когда она есть, никто и никогда не замазывал». Ежов напомнил об осуждении Медведя и «других коммунистов, виновных в служебных упущениях, связанных с убийством тов. Кирова». И вслед за тем окончательно сформулировал требующееся решение: «Если Енукидзе в своей речи по существу оправдывает все случившееся, а из речи это вытекает, если он не рвет своей связи, не пересматривает своих отношений ко всей этой белогвардейской своре, с которой он был связан, то, видимо, он хочет и решил порвать с партией».

Разумеется, после столь явного намека все проголосовали за вывод Енукидзе из ЦК, большинство — за его исключение из партии, и лишь меньшинство — за арест и предание суду, как предлагали Косиор и Ягода.[110]

Через день советские газеты опубликовали сообщение о состоявшемся Пленуме и принятых им резолюциях. Вторая из них гласила: «О служебном аппарате ЦИК СССР и т. Енукидзе. 1. Одобрить мероприятия контрольных органов по проверке и улучшению служебного аппарата ЦИК Союза ССР. 2. За политико-бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе вывести из состава ЦК ВКП(б) и исключить из рядов ВКП(б)».[111]

Практически сразу же, начиная с 13 июня, во всех краях, областях, в Москве и Ленинграде прошли партийные активы, на которых «разъяснялись» решения Пленума. И по первому пункту — «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках», и по второму. В последнем случае для того, чтобы объяснить коммунистам маловразумительную формулировку «политико-бытовое разложение». Опубликованные же в «Правде» доклады на этих активах, сделанные руководителями самых крупных организаций, позволили и беспартийным узнать о происшедшем. Нет, не понять, а окончательно запутаться в сути событий из-за намеков на некую взаимосвязь Енукидзе с убийством Кирова, с «вредительством», неприкрытых угроз в адрес «классового врага», требований «усилить борьбу» с «гнилым либерализмом», «ротозейством», «самоуспокоенностью» и «благодушием». О том, что произошло с аппаратом ЦИК СССР, о собственно «кремлевском деле» не было сказано, не было опубликовано ни слова.

На партактиве Москвы Н. С. Хрущёв заявил: «На предприятиях у нас были случаи порчи оборудования, в столовых — отравления пищи. Все это делают контрреволюционеры, кулаки, троцкисты, зиновьевцы, шпионы и всякая другая сволочь, которая объединилась теперь под единым лозунгом ненависти к нашей партии, ненависти к победоносному пролетариату. Злодейское убийство товарища Кирова в декабре прошлого года, дело Енукидзе должны мобилизовать всю партию, должны поставить нас на ноги, должны заставить нас так организовать нашу работу, чтобы ни один мерзавец не смог творить своего подлого дела».[112]

В Ленинграде выступил А. А. Жданов: «Ярким примером коммуниста, забывшего свои элементарные по отношению к партии обязанности, попавшего в цепкие лапы классового врага и потерявшего свое партийное лицо, является Енукидзе… Енукидзе проявил не только недопустимое для большевика ротозейство, которым пользовались враги, но и оказывал прямую поддержку этим врагам… Дело Енукидзе показывает еще раз, что главными препятствиями, мешающими разоблачать происки классового врага, являются наши самоуспокоенность и благодушие».[113]

Ещё больше должна была всех запутать, запугать, подготовить к «охоте на ведьм» публикация доклада Косиора — единственная, обличавшая былых вождей былой оппозиции: «Из тех материалов, которые мы имели в связи с делом Енукидзе, для всех нас совершенно ясно, что и Зиновьев, и Каменев были не только вдохновителями тех, кто стрелял в тов. Кирова. Они были прямыми организаторами этого убийства. Они действовали в полном согласии с контрреволюционером Троцким… На что же теперь может рассчитывать враг? Только на разного рода террористические выходки, на всякие попытки пакостить нам. И вот

товарищи, сила этих врагов, к сожалению, ещё в том, что у нас есть такие «коммунисты», как Енукидзе». И сделал категорический вывод: «Ярость классового врага усиливается, он бесится, а это требует от нас все более ожесточенной борьбы с ним».[114]

Самым же жестким, даже кровожадным стал доклад, сделанный генеральным секретарем комсомола А. В. Косаревым на XI Пленуме ЦК ВЛКСМ и широко растиражированный многими газетами. Говоря об актуальных задачах коммунистического воспитания молодежи, он свел их основу к «борьбе с классовым врагом», приведя в качестве примера «дело» Енукидзе: «Классовая борьба не затухает, а принимает новые, более сложные формы. Враг не уступает добровольно своего места. Его можно убрать только насильственно, методами экономического воздействия, методами организационно-политической изоляции, а когда в этом есть потребность — и методами физического истребления».[115]

На этом хорошо организованная трехнедельная пропагандистская кампания внезапно завершилась. Печать о деле Енукидзе забыла. Навсегда. Забыли о нем и в партийных организациях. И лишь месяц спустя состоялись те самые закрытые процессы, которые и призваны были обосновать, подтвердить все те обвинения, которые выдвинул на Пленуме Ежов и закрепили априори члены ЦК. Процессы, завершившиеся несколько иначе, нежели хотелось бы Ягоде, на чем он по существу настаивал 2 мая, адресуясь лично к Сталину.

Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха в закрытом заседании — без участия обвинения и защиты, 27 июля осудила по «кремлевскому делу» 30 человек. Двух (вместо двадцати пяти), Синелобова и Чернявского, приговорили к расстрелу; девятерых, в том числе Л.В. Каменева, его брата и первую жену последнего — к 10 годам тюремного заключения; остальных — к заключению на срок от 7 до 2 лет. В тот же день Особое совещание НКВД по тому же делу приговорило к тюремному заключению на срок от 5 до 3 лет сорок два человека, к ссылке на 3 и 2 года — тридцать семь человек, к высылке из Москвы — одного.[116]

Итак, следствие по «кремлевскому делу» завершилось, и приговоры были вынесены. Но резкие повороты в судьбе Енукидзе, оказавшегося слишком тесно связанным с этим делом, на том не закончились. В июне 1936 г. на очередном Пленуме ЦК — том самом, на котором Сталин выступил с докладом о проекте новой Конституции СССР, вновь всплыло дело Енукидзе. Говорили же о нем так, словно и не были предъявлены ему год назад страшные обвинения, как будто и не собирались его арестовывать и отдавать под суд.

«**Молотов.** Есть предложение вопрос о т. Енукидзе рассмотреть. Было его заявление о восстановлении его в члены партии месяцев пять назад, т. е. о принятии его в члены партии. Он обращался к Пленуму ЦК — это было месяцев пять назад, но тогда ставить этот вопрос было бы слишком быстро после решения ЦК об исключении.

Сталин. Тогда вышло бы — на одном Пленуме исключили, на другом приняли.

Молотов. Теперь прошел год со времени исключения т. Енукидзе. Есть такое предложение, что Пленум снимает запрещение о принятии т. Енукидзе в партию и предоставляет этот вопрос решить местным организациям, куда он может обратиться.

Ворошилов. Никто не рискнет его принять.

Голос. Принять на Пленуме.

Молотов. Это будет очень торжественно для т. Енукидзе, принимать его на Пленуме. Если его не примут, тогда он сможет апеллировать в ЦК. Может быть, его просто примут после решения Пленума о том, что снимается запрещение. Это на девять десятых открывает ему двери.

Косиор. Это для той организации, где он работает, такое решение.

Молотов. Голосую. Кто за принятие этого предложения, прошу поднять руки. Кто против? Принято».[117]

Косиор далеко не случайно вступил в обсуждение. Ведь не кому-либо, а именно ему предстояло заниматься проблемой приема в партию Енукидзе, работавшего с сентября 1935 г. на Украине, в Харькове — руководителем областной конторы Цудортранса. Потому-то Косиор и стремился уточнить мнение двух высших лиц страны. Понять их истинные намерения, дабы не ошибиться. Не попасть впросак…

Столь положительный сдвиг в судьбе Енукидзе — хоть и не полное, но прощение! — не оказался длительным. Всего через восемь месяцев, 11 февраля 1937 г., его арестовали, а 21 августа он вместе с бывшим комендантом Кремля Петерсоном, некоторыми другими предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Всем им инкриминировали участие в заговоре с целью убийства Сталина в Кремле, признали виновными и в тот же день расстреляли.

За прошедшие с тех пор десятилетия все, что было связано с превратностями в жизни Енукидзе, кануло в Лету. Но загадки, порожденные событиями 1935 г., остались. Все еще, несмотря на реабилитацию всех участников «кремлевского дела», остаются без ответов вопросы, порожденные им. И прежде всего — почему вообще возникло это сложное, запутанное «дело» Енукидзе — «кремлевское». Может быть, прав был Орлов, и причина столь жутких жертвоприношений кроется в почему-то оказавшихся важными именно тогда для Сталина его расхождениях с Енукидзе в вопросах истории социал-демократических организаций Закавказья? В пользу именно такого предположения, казалось бы, говорят два неоспоримых факта. То, что на июньском 1935 г. Пленуме Берия обвинил Енукидзе в «фальсификации» истории большевистских организаций, а Каганович подчеркнул личную роль Сталина в создании, развитии дела Енукидзе. Поэтому следует тщательно рассмотреть данную версию.

29 декабря 1934 г. «Правда» опубликовала обычную для себя, сугубо календарную статью сотрудника Института истории партии им. Шаумяна при ЦК КП(б) Азербайджана А. Раевского, посвященную 30-летию бакинской забастовки. Работая над нею, автор использовал, среди прочих материалов, и автобиографию Енукидзе. Всего лишь автобиографию, не претендующую ни на что иное. А 1 января 1935 г. центральный орган ЦК ВКП(б) выступил со своеобразным самоопровержением. В небольшой редакционной заметке «Исправление ошибок» признал, что в статье Раевского допущены серьезные искажения исторических фактов: «2. О товарище Енукидзе говорится как об организаторе подпольной типографии в Баку в 1904 г. На самом деле нелегальная типография в Баку была организована в 1900 г. Владимиром Кецховели, одним из первых руководителей большевиков в Закавказье, убитым в 1903 г. тюремной охраной в Метехском замке в Тифлисе. 3. В статье Раевского в том же номере «Правды» сказано, что бакинская партийная организация была создана в 1899 г. Авелем Енукидзе и Владимиром Кецховели. На самом деле бакинская социал-демократическая организация существовала уже в 1896–1897 гг. Этой организации был придан облик большевистской, «искровской» организации в 1900–1901 гг. тем же Владимиром Кецховели, одним из первых (если не первым) большевиков-«искровцев» в Закавказье среди грузинских социал-демократов».

Видимо не сочтя эту публикацию столь уж важной, Енукидзе откликнулся на нее лишь две недели спустя. 16 января «Правда» поместила его ответ — «К вопросу об истории закавказских партийных организаций». В нём автор полностью солидаризировался с мнением редакции и, в частности, отметил: «В порядке самокритики и я должен исправить допущенные мною ошибки в словаре «Гранат» (авторизованная биография)».

Всё это достаточно убедительно свидетельствует, что разногласия возникли между редакцией «Правды» и Раевским, а не между Сталиным и Енукидзе. Более того, не может быть и речи о личной заинтересованности Сталина, ибо о нем, о его роли никто вообще не упоминал. Единственное, что можно предположить, так это то, что именно Сталин мог инициировать критику статьи Раевского, выступив в защиту истинной роли Кецховели.

И только. Но даже если всё же принять суть версии Орлова, то всё же остаётся необъяснимым слишком многое. Прежде всего, зачем нужно было для снятия Енукидзе с поста секретаря ЦИК СССР заводить «кремлевское дело». Ведь для достижения того же результата достаточно было поступить гораздо проще. Просто принять соответствующее решение Политбюро. Даже без мотивировки, если ее столь уж необходимо было скрыть, либо объяснив отстранение возрастом и состоянием здоровья. Да ещё дополнить такие действия установочной статьей в «Правде», которая излагала бы нужный вариант истории большевистских организаций Закавказья. Такой, какой оказалась публикация доклада Берии на тифлисском партактиве 21–22 июля 1935 г. — «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» — «Правдой» в конце июля — начале августа.[118]

Конечно, для гипотезы о личностном характере конфликта Сталина и Енукидзе есть и иное, более веское доказательство. Демонстративное нежелание последнего участвовать в разработке новой Конституции. Представление собственного варианта поправок к ней — предельно скупого, ограниченного уровнем местного самоуправления. Отказ реформировать то, на чём настаивал Сталин, — прежнюю, «классовую» избирательную систему. Подтверждением такого предположения служит совпадение достаточно важных событий, что никак не могло быть случайным. 10 января Сталин получил от Енукидзе его проект поправок к Конституции. 14 января поручил разработку основ принципиально новой, внеклассовой избирательной системы Молотову. 20 января начались аресты, породившие «кремлевское дело». 25 января Сталин направил членам Политбюро записку об ошибках Енукидзе и необходимости решительно изменить действующую Конституцию. Мало того, даже частичное прощение Енукидзе — разрешение подать заявление о приеме в партию, опять же совпадает до дня с важнейшим этапом в ходе подготовки новой Конституции. С одобрением Пленумом ЦК 1 июня 1936 г. проекта, представленного Сталиным.

Однако против двух вариантов данной гипотезы есть и весьма серьезные возражения. Арест более ста человек, формирование из них неких «групп», обвинение всех их в подготовке террористических актов и возложение чуть ли не прямой ответственности за «кремлевский заговор» на одного Енукидзе выглядят откровенным перебором, явно излишни, а потому и плохо укладываются в оба варианта версии. Противоречит ей и иное. Решение Политбюро «Об охране Кремля», смещение Петерсона, второй суд над Каменевым, наконец, весь ход и содержание июньского 1935 г. Пленума. Все это не только не требовалось в данном гипотетическом случае, но и, наоборот, могло подчеркнуть личностный характер конфликта Сталин — Енукидзе, что отнюдь не служило интересам генсека.

Противоречит данной гипотезе в любом ее варианте и иной мотив. Психологический. То, что многие историки называют «патологическим страхом тирана за свою жизнь, власть». В пользу такой подоплеки событий вроде бы говорит четкая, откровенная и однозначная ориентированность «кремлевского дела». Настойчивое желание продемонстрировать существование прямой угрозы для жизни Сталина, доказать, что все противники его курса — от белогвардейцев до троцкистов и зиновьевцев — сплотились ради его физического устранения. Разумеется, по сугубо политическим причинам. Но в таком случае конкретные меры по обеспечению безопасности высших должностных лиц страны, и особенно Сталина, принятые тогда, в первой половине 1935 г., оказываются явно не адекватными предполагаемому страху, тому, о чем поведал на Пленуме Ежов. Ведь все изменения в организации службы охраны Кремля, узкого руководства свелись лишь к переподчинению комендатуры Кремля, передаче ее в ведение НКВД. Мало того, в гипотезу, основанную на таком мотиве, никак не укладывается и само «дело» Енукидзе, и то значение, которое ему было придано на Пленуме.

Рассматривая гипотезу, признающую «кремлевское дело» от начала до конца вымышленным, следует учесть возможность и иного ее толкования. Признание вполне вероятной возможности инициирования «дела» Ягодой. В пользу чего свидетельствует,

собственно, и само следствие, и его результаты. Переход контроля за Кремлем уже 14 февраля в руки НКВД, что неизбежно привело к усилению роли именно этого ведомства. Повышение значимости Ягоды, Агранова, «сумевших» раскрыть «заговор», предотвратить покушение на Сталина, спасти ему жизнь. Кроме того, «дело» должно было бы компенсировать просчеты, допущенные сотрудниками наркомата и приведшие к убийству Кирова.

Но не менее значимые факты опровергают и данную гипотезу. Во-первых, появление «кремлёвского дела» наносило серьёзный удар по престижу НКВД, ибо он, и никто иной, занимался предварительной проверкой всех тех, кого предстояло взять на работу в Кремль, в том числе и в комендатуру. Следовательно, свидетельствовало об очередных просчетах наркомата, ставило под сомнение компетентность его сотрудников, их умение и навыки. Во-вторых, в данной схеме напрочь отсутствует место для странного решения судьбы Петерсона, для акцентирования внимания на аморальном облике Енукидзе. Не объясняет такая гипотеза и иного, весьма существенного. Отсутствия улик; создание следствием слишком уж разветвленной, нарочито обширной «контрреволюционной организации»; отведение роли будущих террористов женщинам-библиотекарям. Нет, измысленный профессионалами НКВД «заговор» должен был выглядеть более убедительным, доказуемым.

Теперь рассмотрим альтернативную гипотезу. Самую парадоксальную. Предположим, что заговор действительно существовал. Есть ли факты, подтверждающие это? Да, хотя и появились они лишь два года спустя, да еще и носят весьма специфический, малоубедительный характер — только показания подследственных на допросах. В день ареста Енукидзе — 11 февраля в Харькове, и Петерсон — 27 апреля в Киеве дали разным следователям идентичные до деталей признательные показания. Рассказали о том, что готовили переворот и арест либо убийство в Кремле Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе.[119] А 19 мая 1937 г. и Ягода, но через полтора месяца после ареста, также назвал Енукидзе в числе «заговорщиков» «организации правых». Подтвердил это откровение ссылкой на слова, якобы сказанные Енукидзе в 1932 или 1933 г.: «Мы также, как и они (троцкисты, зиновьевцы. — ***Ю.Ж.***) против генеральной линии партии. Против Сталина… Мы можем хладнокровно готовиться, готовиться всерьез к захвату власти и имеем свои планы». Далее Ягода продолжил: «Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот. По словам Енукидзе, он активно готовит людей в Кремле и в его гарнизоне (тогда ещё охрана Кремля находилась в руках Енукидзе)… Енукидзе заявил мне, что комендант Кремля Петерсон целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в Школе (им.) ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе кремлевского гарнизона… В наших же руках и московский гарнизон… Корк, командующий в то время Московским военным округом, целиком с нами». И добавил: «Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 г. Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются, и который будет с нами».

26 мая на очередном допросе Ягода вновь вернулся к затронутой ранее теме: «Когда по прямому предложению Сталина я вынужден был заняться делом «Клубок», я долго его тянул, переключил следствие от действительных виновников, организаторов заговора в Кремле — Енукидзе и других, на «мелких сошек», уборщиц и служащих… Я уже говорил, что инициатива дела «Клубок» принадлежит Сталину. По его прямому предложению я вынужден был пойти на частичную ликвидацию дела. С самого начала мне было понятно, что тут где-то порвалась нить заговора Енукидзе в Кремле, что если основательно потянуть за оборванный конец, вытянешь Енукидзе, а за ним и всех нас — участников заговора. Так или иначе, но Енукидзе я считал в связи с этим проваленным, если не совсем, то частично». Весной 1935 г., продолжал Ягода, Петерсон заявил ему, что «Енукидзе и он сам очень обеспокоены материалами о заговоре, которые попали в НКВД… В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было

его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. Я же все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось… Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена Школа (им.) ВЦИК. В Кремль были введены войска НКВД».[120]

Если скорректировать лексику протоколов, точнее — следователей, не воспринимать дословно, в прямом смысле такие понятия, как «организация», «центр», даже «заговор», то перед нами возникнет четкий и даже честный пересказ хода следствия по «кремлевскому делу». Вернее, как оказывается, по делу «Клубок», которое было поручено Ягоде лично Сталиным. И именно данный факт следует признать бесспорным, ибо ни под каким давлением — физическим или моральным — Ягоде не позволили бы придумывать подобное и, тем более, следователям — вносить в протоколы.

Согласуются с такой оценкой приведенных выше отрывков из показаний Ягоды и даже до некоторой степени подтверждают их следующие факты. Во-первых, весьма двусмысленные фразы Сталина в речи, произнесенной 4 мая 1935 г. перед выпускниками военных академий. «Эти товарищи, — сказал он, — не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального комитета. Более того, они угрожали кое-кому из нас пулями… Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути… Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути… Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уже ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу».[121]

Конечно, такие слова можно объяснить намеком на борьбу с лидерами оппозиции либо на процессы, порожденные убийством Кирова. Но в таком случае непонятно, почему же Сталин открыто не назвал неких «товарищей», которым «намяли бока». Не назвал поименно Троцкого, Зиновьева, Каменева. Более того, после шумного освещения в январе 1935 г. прессой «дела» Зиновьева и Каменева, обвинения их в причастности к выстрелу в Смольном, невозможно было говорить, имея их в виду, о «критике и пассивном сопротивлении». Если же предположить, что Сталин намекал на «кремлевское дело» и на Енукидзе, то тогда все встает на свои места. Объясняется и то, что Енукидзе не был назван прямо — до завершения следствия, до процесса и, главное, Пленума ЦК говорить о нем открыто было нельзя. Преждевременно.

Согласуется со словами Сталина, что он «приложил руку к этому делу» и выступление Кагановича на Пленуме. Его слова о том, что Сталин сыграл главную роль в создании дела Енукидзе, о чем шла речь выше. Наконец, в известной степени подтверждает показания Ягоды и то, что произошло вскоре после процессов по «кремлевскому делу». Ничем не мотивированное решение Политбюро от 5 сентября 1935 г. о переводе А. И. Корка с поста командующего Московским военным округом на должность начальника Военной академии им. Фрунзе; его заместителя Б. М. Фельдмана — в аппарат НКО; увольнение в отставку командующего ПВО МВО М. Е. Медведева.

Итак, на сегодняшний день — до существенного расширения источниковой базы, до рассекречивания материалов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ, приходится признать несомненным следующее. Из всех возможных гипотез, призванных объяснить и «кремлевское дело», и дело Енукидзе, позволяет включить в себя все до единого известные факты лишь та, что исходит из признания реальности существования заговора против Сталина и его группы.

Здесь, правда, сразу же следует уточнить: а были ли объективные предпосылки или хотя бы теоретическая возможность подобного? Ответ на этот, никогда ранее не задававшийся вопрос должен быть положительным. Ведь отвергнув саму принципиальную возможность заговора как радикальной формы противостояния внутри ВКП(б), следует тем самым исключить достаточно хорошо известное — весьма сильные оппозиционные настроения, не раз перераставшие в открытый конфликт. Разногласия, порожденные слишком многим. Во внутренней политике — провалом первой пятилетки, связанным с ним неизбежным поиском

виновных, выхода из кризисной ситуации. Во внешней — уже не вызывавшей сомнения полной сменой курса, которым с 1917 г. следовали партия в целом, Коминтерн, СССР как государство. И еще потому, что часть наиболее сознательных, убежденных и вместе с тем самых активных коммунистов, особенно участники революции и Гражданской войны, сохранили собственное мнение по всем возникшим проблемам, не желая ни принимать новый курс Сталина, ни становиться откровенными конформистами. Продолжали ориентироваться только на мировую революцию, сохранение незыблемыми классовых основ Республики Советов, диктатуры пролетариата. Не желали отказываться от того, что было смыслом их жизни. От единственной цели — достижимой, как они полагали.

Енукидзе и Петерсон, Ягода и его заместители по наркомату, начальники отделов относились именно к такой категории большевиков. К тем, кого называли непреклонными, несгибаемыми. Они, да и не только они, в силу своего политического опыта, не могли не понимать, к чему все идет. А к решительному сопротивлению их могло подвигнуть многое, но окончательно — вступление СССР в Лигу Наций, всегда оценивавшуюся Лениным и Троцким, Зиновьевым да и совсем недавно Сталиным, только негативно, как орудие империализма.

Подвигнуть на действия могла и пошедшая полным ходом подготовка создания Восточного пакта — оборонительного антигерманского блока с Францией, Чехословакией и, как предполагалось, с Великобританией. Иными словами, воссоздание хотя и с новыми задачами все той же Антанты, которая не так уж давно пыталась удушить советскую республику, открыто боролась с нею в годы Гражданской войны.

Повлиять на радикализацию настроений мог и отказ — перед прямой угрозой фашизма — от прежней замкнутости, своеобразного сектантства Коминтерна. Первые попытки создать народные фронты, которые объединили бы вчерашних заклятых врагов, коммунистов и социал-демократов. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу терпения, могло стать и стремление Сталина изменить Конституцию, исключив из нее все, что выражало классовый характер Советского Союза, его государственной системы.

Когда же мог возникнуть заговор с целью отстранения от власти группы Сталина? В протоколе допроса Ягоды утверждается — в 1931–1932 гг. Вполне возможно, ибо именно тогда разногласия в партии достигли своего очередного пика: «дела» Слепкова («школа Бухарина»), Сырцова — Ломинадзе, «право-левой организации» Стэна, группы Рютина, высылка за связь с последней в Минусинск и Томск Зиновьева и Каменева. Но скорее всего, тогда возникла еще неясная, неоформившаяся мысль. Заговор же как реальность, опять же, если он существовал, скорее следует отнести к концу 1933 — началу 1934 гг. Как своеобразный отклик на дошедший до СССР призыв Троцкого «убрать Сталина», совершить новую, «политическую», революцию, ликвидировав «термидорианскую сталинистскую бюрократию».

Разумеется, в данной гипотезе должно насторожить отсутствие улик. Прямых или косвенных, но неопровержимых. И для этого следует решить вопрос о том, бывают ли вообще в подобных случаях улики. Могли ли они быть получены при расследовании «кремлевского дела», и если могли, то какие. Планы ареста членов узкого руководства, список будущего Политбюро и правительства, что-либо подобное? Или списки заговорщиков, да еще заверенные их подписями? А может, заготовленные предусмотрительно декларации, декреты, указы для оглашения сразу же после захвата власти? Вряд ли, ибо любой нормальный заговорщик, готовящий к тому же государственный переворот, сделает все возможное, дабы избежать существования такого рода улик.

Столь же напрасным было бы надеяться найти при обысках у участников заговора, скажем, план Кремля, на котором были бы отмечены квартиры и кабинеты Сталина, Молотова, других, маршруты их обычных прогулок. Этого заговорщикам — если они были таковыми, также не требовалось. И Петерсон, и Енукидзе, жившие и работавшие в Кремле, все это давно знали. Нельзя было ожидать находок улик и любого иного рода, но обязательно отражавших,

раскрывавших преступные замыслы. Если заговорщики не страдают слабоумием, они никогда не доверят бумаге свои планы. Все, абсолютно все будут держать только в голове.

Но здесь вновь возникает необходимость обратиться к проблеме достоверности имеющихся фактов. Признательных показаний, данных в разных городах и разным следователям, да еще не когда-либо, а в день ареста. Енукидзе — в Харькове, Петерсоном — в Киеве.

Трудно себе представить их предварительный сговор об идентичности показаний только ради того, чтобы обеспечить себе смертный приговор. Еще труднее представить и иное. То, что по крайней мере два, да еще работавшие не в столице следователя, получив некие инструкции, добивались необходимых показаний Енукидзе и Петерсона. Ведь то, о чем поведали бывшие секретарь ЦИК СССР и комендант Кремля — четыре варианта ареста членов узкого руководства, все детали такой акции вплоть до указания расположения комнат и кабинетов, существующей там охраны, наилучшего варианта осуществления дворцового переворота — никак не могло быть доверено следователям. Оставалось и весной 1937 г., и многие десятилетия спустя наиболее оберегаемой тайной. Той, которая ни при каких обстоятельствах не должна была выйти за пределы созданного в ноябре 1936 г. отдела охраны, только тех сотрудников, которые обеспечивали безопасность первых лиц страны в Кремле.

Наконец, ещё одна загадка, связанная с «кремлевским делом» и делом Енукидзе. Почему и то, и другое окружала столь плотная завеса тайны? Почему «Сообщение ЦК» отмечало, что в начале марта нельзя было сказать об истинных причинах отстранения Енукидзе? Почему о двух процессах, завершивших «кремлевское дело», нигде не сообщалось? Ответ на все эти вопросы может быть один, общий — международная ситуация, связанная с подготовкой Восточного пакта.

В декабре 1934 г. были подписаны всего лишь протоколы о намерении заключить с Францией и Чехословакией оборонительные договоры. А потому как никогда ранее следовало оберегать, поддерживать престиж Советского Союза, постоянно подтверждать его надежность как военного и политического партнера. Заставляло ради того учитывать слишком многое. Учитывать возможность повторения крайне отрицательного освещения — уже известного по освещению процессов Николаева и Зиновьева — Каменева, — западной прессой еще одного, явно политического, суда. Особенно в данном случае, когда отсутствовало неоспоримое преступление и речь могла идти лишь о намерениях, хоть и преступных. Учитывать следовало и то, что даже краткое сообщение о раскрытии заговора во главе с секретарем ЦИК СССР неизбежно дискредитировало бы именно тот самый орган советской власти, которому и предстояло официально подписывать будущий договор о создании Восточного пакта. И еще то, что ни в коем случае, даже неясным намеком, нельзя было упоминать: о причастности к заговору руководства комендатуры Кремля, что в условиях подготовки оборонительного договора бросило бы тень на всю РККА. Кто же станет заключать военный договор с правительством, против которого собирается выступить его же армия?

Не только в начале марта 1935 г., но и позже абсолютно все приходилось подчинять интересам внешней политики. Как известно, визит Идена, министра иностранных дел Великобритании, в Москву состоялся лишь 28–29 марта. А уже на следующий день, из-за ставшего очевидным нежелания Лондона участвовать в создании Восточного пакта и решительного отказа Польши присоединиться к нему, французский министр иностранных дел П. Лаваль предложил в интересах незамедлительного обеспечения взаимной безопасности не только сократить число участников пакта, но и заменить его системой двусторонних договоров: между Францией, Чехословакией и СССР. Весь апрель ушел на их подготовку, а подписание состоялось уже в мае: 2-го — в Париже, советско-французского; 16-го — в Праге, советско-чехословацкого.

В силу всего этого о сути «кремлевского дела», его истинной подоплеке не должен был знать никто. Даже Ежов, надзиравший за следствием как председатель сначала комиссии

Политбюро, а затем и КПК, готовивший о нем доклад для Пленума. Обо всем знали и принимали соответствующие решения, безусловно, лишь несколько человек — Сталин, Молотов, Литвинов, Ягода, Ворошилов, возможно, еще и Каганович. Потому-то «кремлевское дело», затеянное поначалу как формальный предлог для разработки иного дела, «Клубок», вскоре оказалось самодовлеющим, лишенным настоящих оснований. Превратилось в страшный по результатам фарс.

И, наконец, последнее. Почему же заговорщики — разумеется, если они были таковыми, которым по признанию Петерсона требовалось всего 15–20 исполнителей, спокойно и хладнокровно выжидали, так и не осуществив задуманного? Скорее всего, но это опять же лишь предположение, для отстранения группы Сталина они нуждались в достаточно веском предлоге. Таком, который был бы понят населением, одобрен и поддержан наиболее активной частью партии. Например, подписании протокола о намерении заключить Восточный пакт, что было намечено на начало декабря. Однако происшедшее буквально накануне убийство Кирова нарушило планы заговорщиков. Вынудило их отложить намеченную акцию из-за небезосновательного опасения негативной реакции населения в сложившихся условиях…

Таким образом, реконструкция предполагаемой, но вполне возможной сути «кремлевского дела» выглядит следующим образом. В конце 1933 — начале 1934 гг. начал складываться заговор тех, кто решительно отвергал новый курс Сталина. Тех, кто ранее не участвовал ни в каких внутрипартийных оппозициях, но оставался твердым сторонником ориентации лишь на мировую революцию. Вполне возможно, единственный реально существовавший заговор, в центре которого находились Енукидзе и Петерсон, рассчитывавшие (а может, и опиравшиеся) на поддержку если не армии в целом, то хотя бы ее высшего начсостава. Сталин, получив информацию о происходящем в Кремле, вскоре косвенно подтвержденную позицией Енукидзе в вопросе об изменении Конституции, поручил расследование лично Ягоде, который, что нельзя исключать, разделял взгляды заговорщиков.

Сталин, стремясь прежде всего к установлению всех действительно причастных к настоящему, а не надуманному заговору, не торопил НКВД. Согласился для начала, как на всего лишь паллиативное решение, ограничиться устранением Енукидзе и Петерсона под любым благовидным предлогом из Кремля, а затем всячески оттягивал процесс, ибо не был удовлетворен результатами следствия. Ягода же, поспешив использовать ситуацию в собственных целях, наоборот, всячески тормозил следствие по делу «Клубок». Сумел направить его по ложному следу и, в конце концов, использовав Ежова, непонимание тем сути происходившего, свёл всё к тому, что и стало «кремлёвским делом», привело к обвинению Енукидзе лишь в «аморализме», «ротозействе».

После июньского Пленума Сталин осознал, что дело зашло слишком далеко. Что доклад Ежова нуждается либо в подтверждении — процессом и приговором, либо в опровержении и, тем самым, в дискредитации и нового секретаря ЦК, и наркома внутренних дел. Избрал первое и пошел на проведение явно надуманного процесса по «кремлевскому делу», но значительно смягчив предполагавшиеся наказания. Да ещё на то, чтобы сделать его предельно тайным. Неизвестным для всех, кроме организаторов.

Во всяком случае, в пользу именно такого объяснения и «кремлевского дела», и превратностей судьбы Енукидзе говорят все в совокупности известные нам на сегодняшний день факты.

Белое и чёрное: неизвестный Анастас Микоян[122]

Если бы Анастас Иванович Микоян был человеком обычным, следовало бы ограничиться воспоминаниями, размышлениями чисто человеческого характера. Но такое невозможно. Анастас Иванович был человеком государственным. Многие десятилетия он пребывал в высшем эшелоне власти нашей великой — великой, к сожалению, в прошлом — страны. А

потому, хотим мы того или нет, все наши размышления будут неразрывно связаны и органически переплетены с историей Советского Союза, с историей партии.

Анастас Иванович прожил огромную, до предела насыщенную событиями жизнь, и потому охватить всю ее, даже бегло, невозможно. Я остановлюсь лишь на одном, самом коротком, но уверен, самом решающем, самом ответственном и судьбоносном периоде. На четырех годах Великой Отечественной войны.

Почему именно на них?

Сегодня благодаря относительной доступности части прежде засекреченных документов — постановлений Политбюро, ГКО, — мы можем многое неизвестное ранее реконструировать. Воссоздать в основных чертах то, что всегда было и остается в нашей стране самой главной государственной тайной — сущность картины власти в те тяжёлые и героические годы Великой Отечественной войны. И найти в ней реальное место Анастаса Ивановича, более точно определить место и роль Микояна в высших властных структурах. Отвергнуть как несостоятельные многие концепции. В частности, весьма странный и ничем не подкрепленный тезис генерала Д. А. Волкогонова, согласно которому значительную роль в годы войны, дескать, сыграли из гражданских лиц только Сталин, Жданов и Вознесенский.

* * *

В мае 1941 г., как известно, стал завершаться сложный, противоречивый, даже кровавый процесс коренного изменения всей жизни нашей страны — превращения ее в самое обычное государство, со всеми внешними атрибутами демократии, с политикой, настойчиво стремившейся вписать Советский Союз в мировое сообщество.

4 мая 1941 г. по решению Политбюро, а затем и Пленума ЦК Сталин получил пост председателя Совнаркома СССР. Впервые занял государственную должность, что должно было быть воспринято всеми как подчеркнутая демонстрация совершенно новых приоритетов — усиления роли правительства по сравнению с Политбюро, оргбюро и секретариатом. В тот же день, тем же самым решением В. М. Молотова отстранили от обязанностей главы правительства. Он вдруг оказался не вторым человеком в стране, а всего лишь одним из четырнадцати зампредов СНК СССР и наркомом иностранных дел. Первым же заместителем Сталина по Совнаркому стал Н. А. Вознесенский, а по партии — вторым секретарем ЦК ВКП(б), притом совершенно официально — А. А. Жданов.

Дальнейшую реорганизацию высшего эшелона власти прервала война. Война, оказавшаяся 22 июня 1941 г. для узкого руководства полной неожиданностью. Событием, к которому они, как выяснилось в первые же часы, страну не подготовили.

Новая тройка лидеров — Сталин, Вознесенский, Жданов — 22 июня не просто растерялась. Они были не в состоянии принять хоть какие-нибудь меры, отвечавшие той экстремальной ситуации, тому катастрофическому положению, в котором оказался Советский Союз. Ту же неспособность действовать проявило и большинство руководства партии, страны.

Анастас Иванович Микоян как член Политбюро, зампред СНК, курирующий вопросы снабжения и торговли, 23 июня стал постоянным советником созданной Ставки главного командования. А неделю спустя еще и председателем Комиссии СНК по снабжению Красной Армии, в которую вошли наркомы: пищевой промышленности — В. П. Зотов, лёгкой — С. Г. Лукин, начальник главного управления тыла НКО А. В. Хрулев. Однако проявить себя на этих новых должностях с одной общей функцией Микоян не успел.

30 июня произошел один из многих тихих кремлевских переворотов, если называть вещи своими именами, который принципиальным образом изменил и структуру власти, и расстановку сил в ней.

Как оказалось, только Молотов, Берия и Маленков сумели по-настоящему осознать всю опасность паралича власти, который им приходилось наблюдать. А потому были вынуждены пойти на беспрецедентные меры, предпринять, невзирая ни на что, самые решительные действия. Взяли на себя, притом совершенно открыто, всю ответственность за судьбу страны, ее населения, за судьбу строя. Образовали ГКО, провозгласив его высшим органом власти — чрезвычайным органом, официально вставшим над партией, над законодательной и исполнительной ветвями государственной власти.

Разумеется, с подобной характеристикой создания ГКО могут не согласиться. Мотивировать возражения тем, что председателем ГКО все же был объявлен Сталин, а одним из членов — его верный соратник К.Е. Ворошилов. Однако сегодня всерьез говорить о какой-либо деятельности Ворошилова как члена ГКО просто не приходится. Подтверждением тому может служить хотя бы постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г. «О работе тов. Ворошилова». Оно, в частности, устанавливало: «1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте. 2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

Имя же Сталина новому триумвирату потребовалось прежде всего в интересах дела. Чтобы сохранить столь необходимое морально-политическое единство, целостность страны.

Надо отметить и иное. ГКО, его ядро, отнюдь не стремилось к всеобъемлющей власти, не вторгалось в решение чисто военных вопросов. На себя они взяли иное столь же важное — проведение мобилизации, формирование воинских частей и доставку их на фронт, немедленный перевод всей экономики страны на военные рельсы для максимального обеспечения армии и флота оружием и боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

Кардинальные изменения во властных структурах немедленно сказались на положении Микояна. Он автоматически утратил за неделю до того полученные должности и вместе с А. А. Андреевым, Н. А. Вознесенским, Л. М. Кагановичем, был назначен уполномоченным ГКО. Правда, в отличие от остальных Анастас Иванович сохранил прежние и привычные, очень хорошо знакомые ему функции — продовольственное и вещевое снабжение Красной Армии и флота. Но только теперь в подчинении, под контролем ГКО, а не Комиссии по текущим делам СНК. Назначение поначалу являлось чисто формальным, ибо выбирать ядру ГКО пока было не из кого. Однако Микоян в отличие от других членов широкого руководства сумел столь блестяще проявить себя, что уже неделю спустя ГКО сохранил его в составе полностью реорганизованного Совета по эвакуации, во главе которого поставили не Кагановича, оказавшегося неспособным для такой роли, а Шверника.

Нет нужды останавливаться на подробностях, деталях той работы Анастаса Ивановича. Они достаточно хорошо знакомы хотя бы по фрагментам его воспоминаний. Скажу об ином. О том, что произошло полтора месяца спустя, но почему-то все еще остается потаенным, неизвестным даже многим профессионалам-историкам.

Успехи Микояна в деле организации снабжения Красной Армии, притом в условиях продолжавшегося отступления и все ширившейся эвакуации оказались столь весомыми, столь значительными, что решением ГКО от 20 августа 1941 г. Анастаса Ивановича назначили на ещё одну должность — председателя Комиссии СНК по текущим делам. На ту самую должность, которую перед тем занимал не кто иной, как Вознесенский. На должность, которая соответствовала по своей сути реальной должности главы правительства СССР. Обязывала ежедневно направлять и контролировать жизнь страны. Правда, после 30 июня эта должность в весьма значительной степени утратила свою прежнюю роль. Как, впрочем, и сам Совнарком в целом, функции которого не только существенно ограничили, но еще и полностью подчинили решению только тех задач, которые выдвигал перед ним ГКО.

Данное назначение — весьма важное и красноречивое свидетельство. Оно дает наиболее объективную оценку деловых качеств Микояна, ибо на этот раз исходит уже не от Сталина и

его окружения, а от ядра ГКО, занявшего диаметрально иную позицию в кадровых вопросах. Показательно это назначение и в ином отношении. Косвенно оно позволяет обнаружить оценку работы в экстремальных условиях многих других довоенных лидеров — Вознесенского, Жданова, Ворошилова, Андреева, Кагановича, Калинина, Мехлиса. Они не выдержали самый серьезный, главный в своей жизни экзамен.

В отличие от них Анастас Иванович проявил все качества, столь необходимые государственному деятелю высшего ранга. Хотя он и занимался теми же, что и до войны, проблемами, но сумел отрешиться от привычной и потому ставшей весьма удобной рутины, практически в считаные недели перестроил подчиненную ему отрасль народного хозяйства. Заставил ее, несмотря на вынужденное свертывание пищевой и легкой промышленности, на дезорганизацию системы снабжения и торговли обеспечивать всем необходимым Красную Армию, Военно-морской флот. И, конечно, гражданское население. Только его, разумеется, в последнюю очередь. Нормированно, более ограниченно да ещё с частыми перебоями, но все же обеспечивать. Использовал для того и внутренние ресурсы страны, и помощь США, Великобритании, и сельскохозяйственный потенциал Монголии.

Именно эти организаторские способности, предпринимаемые конкретные меры, результативность работы, а отнюдь не формальное членство в Политбюро, Совнаркоме предопределило включение Микояна 15 сентября 1941 г. в состав советской делегации на первую конференцию трех союзнических стран в Москве, 25 октября — назначение председателем Комитета ГКО по эвакуации запасов сырья и продовольствия, а 25 декабря в дополнение ко всему прочему еще и председателем Комитета ГКО по разгрузке на транспорте, который сменил распущенный в тот же день Совет по эвакуации.

Можно с уверенностью утверждать, что период с конца августа до конца декабря 1941 г. стал первым из двух высших взлетов в деятельности Микояна за годы войны. Взлетом, прерванным, как это ни покажется парадоксальным, первыми успехами Красной Армии.

Зимние победы — контрнаступление под Тихвином, Москвой, Ростовом-на-Дону, в Крыму — вселили, наконец, в Сталина уверенность, оптимизм, веру в то, что удастся устоять, сломить, победить врага. Впервые после начала войны Сталин воспрял духом и попытался сделать все возможное, чтобы вернуть утраченное единоличное лидерство, прежнюю власть. Именно в этих целях 2 января 1942 г. Сталин добился возвращения Вознесенского на старую должность — председателя комиссии СНК по текущим вопросам. А месяц спустя настоял на еще одном, весьма важном для него принципиальном кадровом перемещении. На расширении состава ГКО. На включении в него прежде всего Микояна и Вознесенского (да, именно в такой последовательности!). Тем самым Сталин как бы отметил явные, бесспорные заслуги Анастаса Ивановича, весьма значительно повысил его роль во властных структурах.

Однако в действительности добивался Сталин отнюдь не воздания должного заслугам Микояна да заодно и Вознесенского, проработавшего несколько месяцев в Куйбышеве, запасной столице, во главе запасного правительства. На деле расширение ГКО, к тому же при сохранении в нем провалившего все поручения Ворошилова, означало совсем иное. Понижение хотя бы таким образом роли, значимости Молотова, Берия и Маленкова, ослабление их реальных властных полномочий. Размывание ГКО автоматически превращало его всего лишь в традиционное, формируемое лично Сталиным узкое руководство — «семерку», две недели спустя после введения в него еще и Кагановича ставшее «восьмеркой».

Правда, из трёх новых членов ГКО только Микоян сохранил свои прежние обязанности, так и оставшиеся неизменными вплоть до конца войны. Более того, вскоре дополнил их, вернее, возможность выполнять их, еще одним полученным важным назначением. 14 февраля 1942 г. Анастаса Ивановича ввели в состав Транспортного комитета ГКО. Но создание последнего, как, впрочем, и назначение Хрулева на должность наркома путей сообщения, лишний раз свидетельствовали о некомпетентности Кагановича, его неспособности справиться с руководством железными дорогами страны.

И всё же при всей ревности к инициаторам создания ГКО Сталин не мог не понимать того, что именно Молотов, Берия и Маленков оказали решающее воздействие на перестройку промышленности, на подчинение ее одной-единственной задаче — обеспечению фронта всем необходимым. Иными словами, на предотвращение разгрома Советского Союза в первые месяцы войны. А потому в то сложное время, когда в победу ещё приходилось лишь верить, оказался вынужденным внешне смирить гордыню. Полностью овладеть ситуацией, вернуть себе былое исключительное положение Сталину удалось только весной 1946 г. Да и то всего лишь на пять лет.

К двухлетнему этапу периодических реорганизаций властных структур, постоянных кадровых перемещений, порождавшихся лишь одним — непрекращавшейся борьбой за лидерство в узком руководстве, относится и второй взлет в деятельности Микояна, упрочение его положения на вершине власти. 8 декабря 1942 г. при окончательном размежевании функций между ГКО и восстановленным в ограниченных правах СНК Анастас Иванович оказался в составе обоих органов. Такой чести помимо него удостоились только два человека — Сталин и Молотов. Кроме того, в мае 1944 г. при весьма значительном сокращении числа заместителей председателя СНК СССР — от этой должности освободили более половины состава, семерых из тринадцати, — Микоян устоял. Остался не только в составе бюро Совнаркома, но и в ГКО. Более того, сумел значительно продвинуться по иерархической лестнице. Если в мае 1941 г. он был одним из 16 членов широкого руководства, не попав в узкое, то ровно три года спустя оказался в составе «девятки».

Так в жестокой борьбе за власть, не прекращавшейся даже во время войны, Анастас Иванович отнюдь не интригами, но делами, заметными всем и каждому, сумел доказать свое право на место в высшем руководстве страны. Отстоял его неустанным напряженным трудом, не прерывавшимся ни выходными, ни отпусками. Самозабвенным трудом в годы самых жестоких испытаний, выпадавших на долю нашей страны. И сохранял высокое положение еще три десятилетия, без какого-либо ущерба для себя преодолев две кратковременные опалы — в начале 1949-го и в конце 1952 гг.

Однако, вспоминая о бесспорных заслугах Микояна в годы войны, о его личном вкладе в победу, мы не можем, не имеем права обойти и то негативное, что связано с его деятельностью в тот период.

Это определялось отнюдь не взглядами, воззрениями, принципиальной позицией самого Анастаса Ивановича, не тем, что именно он возглавлял систему снабжения и торговли Советского Союза. Это было порождено не им, а специфическими, исторически определенными особенностями развития страны, тем, что объективно сложилось еще в годы индустриализации и по вполне понятным причинам во сто крат усилилось за годы войны. Я имею в виду постоянный, неизбывный, острейший дефицит самого необходимого, даже элементарного — важнейших продуктов питания, предметов первой необходимости. Разумеется, тогда, когда советская экономика вынуждена была решать только одну задачу — обеспечить минимальные потребности Красной Армии, Военно-морского флота — ликвидировать подобный дефицит никто и никак не мог. Однако можно было сделать многое иное.

Так, Анастас Иванович ни в коем случае не должен был допустить даже мысли о подготовке в подведомственных ему структурах проекта создания «закрытых распределителей» для чиновников высших рангов. А если не сумел бы вовремя пресечь зарождение столь порочной идеи, то должен был резко и категорично выступить против нее. Однако Микоян так не поступил. Поддержал 16 ноября 1942 г. утверждение постановления СНК, которое потребовало «организовать торговую сеть закрытого типа для снабжения продовольственными и промышленными товарами работников центральных аппаратов наркоматов СССР и РСФСР, главных управлений и комитетов при Совнаркоме СССР и Совнаркоме РСФСР и центральных учреждений». Незамедлительно претворил его в жизнь.

Формально обусловленное трудностями военной поры, это постановление так и не было отменено ни после победы, ни после ликвидации карточной системы. Закрытые распределители только внешне, по названию, время от времени трансформировались, просуществовав почти пять десятилетий. Способствовали среди других аналогичных мер появлению непреодолимой пропасти между подавляющим большинством населения и небольшой группой власти предержащей. Последние же не просто сами поставили себя в исключительное положение, сознательно отгородившись от реальной действительности, но и превратились в некую касту. Стали теми, кого позднее Милован Джилас не без основания назвал «новым классом».

Было ещё одно столь же страшное и, как оказалось, необратимое последствие дефицита. В годы войны он привел к рождению черного рынка, главным если не единственным источником которого явились торговые базы, склады и даже магазины. Привел к разгулу хищений и растрат в системе снабжения, торговли. Хищений и растрат, сразу же достигших столь устрашающего размера, что вынудили ГКО только в 1943 г. дважды, 22 января и 22 мая, принимать специальные постановления, оказавшиеся бессильными в искоренении страшного зла.

Разумеется, что бы ни предпринимал лично Анастас Иванович, ликвидировать первопричину смертельной болезни — дефицит — он не мог. Для этого требовалось только одно: как можно быстрее заполнить рынок всем необходимым, добиться того, чтобы предложение превысило спрос. Шанс создать нормальное положение в экономике первый раз появился сразу же после победы. Однако тут же начавшаяся новая война, теперь уже «холодная», заставила страну вновь отказаться от решения жизненно важной проблемы.

Вторично возможность переломить ситуацию, изменить её к лучшему появилась во второй половине 1953 г. с принятием плана Маленкова — о мерах по наиболее полному удовлетворению потребностей населения, повышению жизненного уровня. Для этого предполагалось провести конверсию в максимально допустимых пределах, а в промышленности установить приоритет группы «Б». Но уже в апреле следующего 1954 г. почти все руководство страны — от первых секретарей крайкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик до министров СССР, членов президиума ЦК КПСС — сделало свой исторический выбор. Отвергло курс Маленкова, поддержало Хрущёва, предложившего сохранить приоритет за тяжёлой промышленностью как базой производства вооружения, в том числе ядерного и ракетного.

Несравненно лучше других знавший реальное положение дел, масштабы уже существовавшей тогда теневой экономики — неизбежного следствия все того же дефицита предметов широкого потребления — Анастас Иванович предпочел поддержать Хрущева, его планы. Иными словами, вполне сознательно пошел на то, чтобы сохранять крайне низкий уровень жизни в стране, отставание легкой и пищевой промышленности, пренебрежение насущными нуждами населения Советского Союза.

Результаты сделанного выбора хорошо известны.

Обращаясь к деятельности Анастаса Ивановича в годы войны, не следует умалчивать и о позиции, занятой Микояном при обсуждении проекта реформирования коммунистической партии, предложенного в конце января 1944 г. Маленковым. Реформы, предусматривавшей весьма значительное снижение роли ВКП(б) в жизни страны. Той реформы, о необходимости которой впервые возвестили еще в марте 1939 г. решения XVIII партсъезда. Ведь его резолюции объявили о ликвидации всех, кроме сельскохозяйственного, отраслевых отделов аппарата ЦК ВКП(б). О сохранении за последним только двух, которые и должны были стать единственными, функций: прежде всего — подбор и расстановка кадров, а кроме того — «работа в массах», то есть пропаганда и агитация. Реформы, которая начала облекаться в плоть и кровь особенно с постановлением Политбюро от 4 мая 1941 г. «Об усилении работы советских центральных и местных органов». В его констатирующей, неопубликованной, как и

само название, части отмечалось: цель постановления — необходимость «еще больше поднять авторитет советских органов».

Трагическое утро 22 июня заставило не просто отказаться от намеченных планов. Неумолимо начало приводить к прямо обратным решениям, ставшим своеобразными «контрреформами».

В июле 1941 г. в армии и вскоре на флоте был восстановлен институт военных комиссаров. Четыре месяца спустя восстановлены политотделы в МТС и совхозах. Вновь стали образовываться отраслевые отделы в обкомах… Менее чем за полгода в стране оказалась воссозданной во всей прежней полноте всеохватывающая, жесткая, вертикальная структура партийных органов.

К 1944 г. стало ясно, что давно уже ставшая порочной по своей сути система «двоевластия» государственных и партийных органов явно не давала положительных результатов, «пробуксовывала». Потому-то Маленков, чей опыт руководителя неизмеримо расширился с работой в ГКО, чьи позиции в аппарате ЦК ВКП(б) неимоверно возросли после отъезда в Ленинград Жданова, и начал действовать.

Продолжил без особого шума, без привлечения излишнего внимания курс, намеченный еще на XVIII партсъезде.

Воспользовавшись коренным переломом в положении на фронтах, которого удалось добиться в ходе подготовки и проведения Сталинградской операции, Геогий Максимилианович стал проводить через ГКО и Политбюро те постановления, которые незаметно разрушали основу казавшейся монолитной партократической системы. Ещё 9 октября 1942 г., опираясь на поддержку нового окружения Сталина по НКО — прежде всего Г. К. Жукова и А. М. Василевского, добился отмены просуществовавшего чуть более года института военных комиссаров. Но на том не остановился. 24 мая 1943 г. были упразднены еще и должности замполитов. 2 июля того же года уже в связи с очевидной в новых условиях ненадобностью закрыли военно-политическую академию имени Ленина. Были ликвидированы другие чрезвычайные органы ВКП(б). Упразднили должности отраслевых секретарей крайкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик. Тем самым вернулись к положению, которое существовало в канун войны.

Настало время для второго этапа реформ, более решительного, кардинального. Но неизвестно — завершающего ли. Время для полного отрешения парторганов от очень многих, ставших привычными и им самим и всему населению, казавшихся установленными навсегда функций. Резкого понижения положения, роли партии в жизни. Помочь проведению такой реформы в немалой степени должно было то, что Маленков уже официально занял пост второго секретаря. И полагал, что полностью контролирует аппарат, направляет скрытые тенденции в партийном руководстве, всегда сможет противостоять возможной оппозиции.

24 января 1944 г. Сталину за подписью Молотова, Маленкова и Хрущёва направили проект постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении государственных органов на местах». В нем ставилась задача «полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах», освободить партийные органы «от несвойственных им административно-хозяйственных функций».

Как ни покажется сегодня удивительным, неожиданным, Сталин проект поддержал. Собственноручно начертал резолюцию: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Правку же внес не смысловую, принципиальную, а чисто стилистическую. Вычеркнул одну фразу да еще шесть слов — все явные повторы, и предложил свой вариант названия — «Об объединении руководства партийных и государственных органов на местах».

Тут же к сторонникам проекта присоединился А. А. Андреев. Казалось, теперь-то уж не будет никаких неожиданностей, сбоев. Документ безоговорочно одобрят все. Но именно этого-то и не произошло. Берия, Вознесенский, Каганович, Калинин, Микоян, Шверник, Щербаков

(Ворошилов и Жданов отсутствовали, а потому в обсуждении не участвовали) проект категорически отвергли. И тем самым навсегда, как мы теперь знаем, похоронили саму идею реформирования партии. Придания ей именно тех функций, которые и соответствовали бы реальным условиям. Более не противопоставляли бы ее, — точнее, ее руководство всех уровней, — населению. Тех функций, которые могли бы оздоровить партию, ее руководство, найти им подлинное и действительно необходимое место в жизни страны.

Правда, Сталину все же удалось отстоять один пункт проекта. Тот самый, который ему виделся главным. Спустя несколько дней он провел решение Политбюро о назначении, по совместительству, первых секретарей Белоруссии — П. К. Пономаренко и Украины — Н. С. Хрущёва председателями соответствующих республиканских Совнаркомов. Как бы для проверки идеи проекта на практике. Но на том все и кончилось.

При обсуждении проекта решающую роль играл голос каждого члена и кандидата в члены Политбюро. Особенно большое значение имела позиция Анастаса Ивановича Микояна. Ведь при желании он мог повести за собой таких конформистов, как Каганович, Калинин, Шверник. Превратить соотношение голосов из «пять против семи» в «восемь против четырех». Но для этого Микоян должен был сам поддержать проект. Он поступил иначе.

Результат такого выбора всем хорошо известен.

* * *

Произошедшее 30 июня 1941 г. положило начало той чреде событий, которая завершилась только через шестнадцать лет. Положило начало тому процессу на политическом Олимпе нашей страны, который все отчетливее приобретал характер борьбы за власть, личного соперничества. Более того, всего за восемь месяцев после создания ГКО определились не только основные соперники, но и их группировки. Отнюдь не постоянные, не определявшиеся полным совпадением взглядов, а всего лишь возникавшие по чисто тактическим соображениям. Но, тем не менее, просуществовавшие полтора десятилетия. Именно они позволяют нам расшифровать, понять многие, если не все взлеты и падения, перемещения в узком руководстве.

В группе наиболее сильных неформальных лидеров оказались Молотов, Берия, Маленков. Именно они стали инициаторами образования ГКО. Именно они, спустя двенадцать лет, сохраняли ту же роль. В марте 1953 г., в день похорон Сталина, именно они выступали с речами как общепризнанные лидеры.

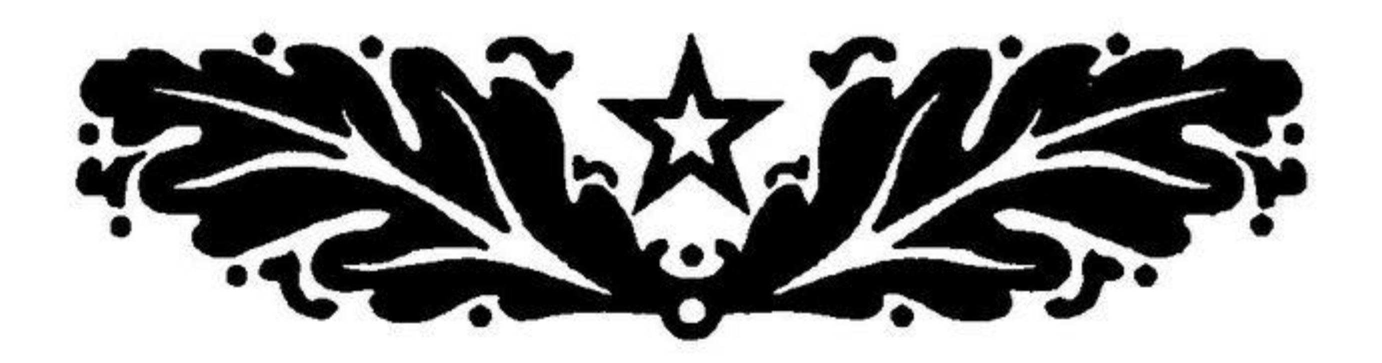
Ко второй группе следует отнести Жданова и Вознесенского. Сталинских выдвиженцев, одно время бесспорных преемников абсолютной власти вождя. В силу личных качеств они оказались неспособными справиться с возложенными на них обязанностями. Не использовали для того предоставленные им самые широкие полномочия. Проиграли тайную битву за власть и потому довольно скоро ушли с политической арены и из жизни. Почти одновременно, что также далеко не случайно.

Своеобразным противовесом первой и второй группам служили Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин. «Непотопляемые», ибо сохраняли посты несмотря на все непростительные для других промахи и ошибки. Фактически они играли роль статистов, ибо своими голосами на заседаниях Политбюро до известной степени нейтрализовывали возможность совместного выступления Молотова, Берия и Маленкова.

Наконец, была и ещё одна столь же условная группа — Микоян и Хрущев. Весьма сильные, но в то же время в годы войны не связывавшие себя открытым стремлением к лидерству. Своеобразный «вооруженный нейтралитет», если так можно охарактеризовать их тогдашнюю

позицию, обеспечивал им постоянную устойчивость во властных структурах, стабильность положения.

Но до конца придерживался такой линии лишь Анастас Иванович Микоян. И благодаря этому сумел выдержать испытание миражом личной власти. Избежал искушения, прошел сквозь все испытания и бури.

Глава 2
После Сталина: правда и неправды XX съезда
XX Съезд КПСС: Расставание с мифом[123]

Наши представления о важнейших событиях рано или поздно начинают жить самостоятельно. В них желаемое выдается за действительное, обрастает догадками, слухами, предположениями. Словом, превращается в миф.

Так произошло и с XX съездом КПСС.

Расставание с мифом всегда болезненно. Но сегодня мы обязаны отрешиться от него. Увидеть съезд только таким, каким он и был на самом деле. Без пристрастного стремления приукрасить либо опорочить его.

Со дня своего открытия XX съезд, как и должно, преподносился средствами массовой информации переломным. Решающим в жизни страны. Правда, подобная оценка не была чем-то исключительным. Ее уже не раз давали многим предыдущим партийным форумам. Новым, действительно необычным, даже настораживающим оказалось иное. Изображение съезда поворотным, но отнюдь не только в экономике, как было и раньше. Возвещающим эпоху демократизации, мирного сосуществования, подъема жизненного уровня населения.

Позже к официальной пропаганде присоединилась даже извечно фрондерствующая часть творческой интеллигенции. Они-то вместе, вполне единодушно, и стали славословить съезд как феномен. Как уникальное, исключительное явление, якобы уже действительно резко и кардинально изменившее положение в Советском Союзе.

После отстранения Хрущева столь неординарная оценка съезда отнюдь не исчезла. Сохранилась. Только теперь служила неким знаком, свидетельствующим о принадлежности к оппозиции новому режиму. Стала символом молчаливого неприятия курса, который исподволь, медленно, но все настойчивее утверждается с лета 1965 г. Именно тогда ужесточение

идеологического контроля, усиление противостояния на международной арене, непоследовательные попытки реабилитировать Сталина и послужили основой окончательной мифологизации XX съезда.

Отныне с ним, с его на деле весьма двусмысленными решениями, с негласным, как и «закрытый» доклад Хрущёва, истинным политическим курсом, что не хотели замечать, а если и увидели, то постарались быстро забыть, связывали неосуществленные надежды, несбывшиеся мечты.

Насколько же оправданными были те надежды и мечты? Насколько реально соотносили их именно с XX съездом?

Перемены? Безусловно!

Пожалуй, главным в те февральские дни 1956 г. стало всеобщее упование на быстрое и полное обновление, на неизбежную демократизацию. Прежде всего — самой партии. И методов, форм её деятельности, роли и места в жизни страны. Предвосхищало такую надежду, переходящую в эйфорию, порождало уверенность в осуществлении её очень многое. Все, что предшествовало съезду. В 1953 г. — арест Берии и суд на ним, в 1954-м — процесс над его предшественником по МГБ Абакумовым, в 1955-м — уход Маленкова с поста Председателя Совета министров СССР, оставшегося несмотря на это членом президиума ЦК КПСС.

Правда, начался съезд и шел поначалу обычно, рутинно. Даже отчетный доклад, прочитанный Хрущёвым, не обещал, казалось бы, ничего нового. Единственное, что отличило его от других таких же, замечено было далеко не сразу. В нем отсутствовали традиционные, еще вчера обязательные ссылки на «основополагающие» труды Сталина. Имя же покойного вождя, человека, тридцать лет возглавлявшего Советский Союз, человека, с которым прежде связывали все победы и свершения, упоминалось единожды. Чисто ритуально: за время, прошедшее с XIX съезда, смерть вырвала его из рядов партии. И только.

Сенсация появилась лишь на третий день. Во время выступления Микояна. Именно он — первым — открыто, хотя еще и весьма осторожно, даже довольно мягко подверг критике Сталина. Вернее, дал негативную оценку его «Экономическим проблемам социализма в СССР». Осудил пропагандистов и историков, не желавших выходить за рамки «Краткого курса», а потому так и не создавших работ об Октябрьской революции, Гражданской войне без «лакировки». Да упомянул без обычных бранных эпитетов Антонова-Овсеенко, Косиора.

И только после закрытия съезда «взорвалась бомба». Произошло из ряда вон выходящее событие. Появились, мгновенно разошлись по всему миру слухи о «закрытом» докладе Хрущева. А подтверждала еще неясные, неуверенные, полные недомолвок сообщения о том более чем скромная по содержанию, всего в десять строк, резолюция «О «культе личности» и его последствиях». Опубликованная всеми газетами резолюция, в которой имя Сталина просто не упоминалось.

Тогда-то и стали связывать воедино все то, на что привычно не особенно обращали поначалу внимание. На тезис из доклада Хрущёва, повторенный и тем самым усиленный Микояном, о различных формах перехода от капитализма к социализму. На многократно, очень многими выступавшими подчеркнутое упоминание о мирном сосуществовании. На слова Суслова о необходимости отрешиться, наконец, от догматизма и начетничества. Наконец, на передававшееся из уст в уста и потому быстро терявшее подлинный смысл содержание «закрытого» доклада. Осуждение в нем репрессий 1930 — 1940-х гг., объявление их незаконными. Связь их уже не только и не столько с пресловутой «бандой Берии и Абакумова», но и со Сталиным. Обвинение именно последнего в узурпации власти, преступном истреблении партийных, государственных и военных кадров.

Ну а коли столь нелицеприятной, жесткой и решительной критике, и не где-нибудь, а на съезде, подвергли самого Сталина — всенародного кумира, чьи портреты, бюсты и статуи все еще назойливо бросались в глаза повсюду, куда ни падал взор, то сам собой напрашивался

один-единственный, однозначный вывод. Ошибочными, порочными были и провозглашенный им курс, и вся его политика. Иными словами, прежний курс и политика партии, государства. А отсутствие достоверной информации, возможности прочитать, перечитать, осмыслить текст доклада Хрущева неизбежно создавало каждому возможность любых, самых произвольных толкований, домыслов. Уже откровенно пристрастных, зависящих от взглядов, позиций того или иного человека, оценок всего прошлого. Давнего и недалекого.

Потому-то все то, что произошло со дня смерти Сталина вплоть до закрытия XX съезда, и слилось в общественном сознании. Все безраздельно.

Признание безвинно пострадавшими врачей Лечсанупра Кремля. Начавшаяся тогда же, еще негласно, реабилитация и возвращение теперь бывших политзаключенных домой. Мир в Корее. Слова Маленкова о невозможности войн в ядерную эпоху и потому неизбежности мирного сосуществования. Провозглашенная переориентация экономики на выпуск товаров широкого потребления. Подъем целинных и залежных земель. Появление в печати, на экранах, сценах театров произведений непривычно критических либо сатирических, максимально деидеологизированных. Приезд в СССР премьер-министра Индии Неру, поездки советских лидеров в Югославию, Индию, Бирму, Афганистан…

Все это, отнюдь не связанное с XX съездом, не проистекавшее из его решений, все же прочно слилось именно с ним. Сомкнулось с ним, выстроившись в один неразрывный ряд. Стало восприниматься как поступательное, последовательное и целенаправленное реформирование. Обновление. Перестройка. Начатый не кем иным, как партией, процесс, новый импульс которому и должен был придать XX съезд.

Подтверждало такое представление, оценку, подкрепляло надежду на новую, лучшую жизнь и полное, как казалось, единодушие, согласие всех выступавших на съезде. Разумеется, прежде всего лидеров. Старых — Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича. Сравнительно молодых — Хрущева, Маленкова, Шверника, Булганина, Косыгина. Новых, еще непривычных — Суслова, Первухина, Сабурова, Шепилова. А раз так, то значит и вся партия согласна с новым курсом. Одобряет, поддерживает его.

Но для массового сознания, для общего восприятия происходившего было характерным и нечто иное.

Все упования на перемены, на лучшую жизнь население страны связывало отнюдь не с собственными решениями, действиями. Более чем тысячелетнее полное отчуждение от власти, прервавшееся только раз — в 1917 г., делало для всех людей саму мысль о том, чтобы самим изменить собственную судьбу, невозможной. Приучило ожидать избавления от всех напастей, бедствий и тягот только извне, свыше. От некоего героя — царя или первого секретаря — безразлично, который придет и поведет всех в прекрасное и светлое будущее. Ну, а если прежнего кумира низвергли с пьедестала, то его обязательно следует заменить иным. Новым. И им неизбежно стал Хрущев. Тот, кто и разоблачил беззакония времен Сталина. Тем самым уже развеял тьму и страхи.

Способствовала тому давно отработанная, не раз проверенная на практике во многих странах мира технология пропаганды. Вполне профессионально и успешно она неустанно била в одну точку. Вновь и вновь, со все возрастающей силой, достигшей своего максимума в дни XX съезда, возвращалась к двум взаимосвязанным событиям. К репрессиям в прошлом, к их разоблачению в настоящем. Делала именно и только их тем самым если не решающим, то, во всяком случае, главным. Сводила только к ним двадцать лет истории партии и страны, но, вместе с тем, продолжала скрывать текст «закрытого» доклада, далеко не случайно опубликованного лишь в 1989 г.

Пропаганда, на словах делая вид, что разоблачает природу «культа личности» как явления, чуждого марксизму-ленинизму, на деле продолжала поддерживать его, сохранять в массовом сознании. Только подменяла одно имя другим. Сталина — Хрущёвым. Изображала

первого олицетворением зла, а второго — светлым рыцарем без страха и упрека. Вместе с тем фактически искажала подлинные события, скрывала истинные причины происходившего в 1930-х — начале 1950-х гг. Подменяла их надуманной, ложной дилеммой. Раскалывала и КПСС, и международное коммунистическое движение на враждующие лагери сталинистов и антисталинистов. И при всем том за все прошедшие после XX съезда десятилетия ни теоретический, ни пропагандистский аппараты ЦК так и не сумели внятно, четко, понятно объяснить: что же такое сталинизм, в чем его сущность, почему он возник, столь долго смог существовать, не вызывая протеста ни у меньшинства, ни у большинства членов партии, ее руководства.

Об этом, как и о многом ином, сумели заставить забыть всех. Удовлетвориться элементарным: ошибки обнаружены, следовательно, повториться не могут. Люди теперь не должны опасаться за свою жизнь, за свободу.

Для такой интерпретации имелись веские причины.

О чём Хрущёв сказал…

Решение о созыве XX съезда приняли в начале апреля 1955 г. Тогда же утвердили и повестку дня, которая разоблачения «культа личности» не предусматривала.

В феврале — марте, во время подготовки визита делегации КПСС в Белград, члены президиума ЦК дружно соглашались: «Если мы не скажем, что главной причиной разрыва (с Югославией в 1948 г. — ***Ю.Ж.***) были интриги Берии и Абакумова, то тогда ответственность за разрыв падет на Сталина, а это допустить нельзя». О том же, но уже публично, в конце мая, при переговорах с Тито, заявил и Хрущев: «Вы на Сталина не нападайте, мы не дадим его в обиду, а будем защищать его».

Не помышляли о даже слабой критике Сталина и в июле. Во время Пленума, на котором обсуждали проект одного из двух основных докладов — о директивах по шестому пятилетнему плану. Прорабатывая его раздел за разделом, пункт за пунктом, привычно продолжали ссылаться на Сталина, цитировать его. А Хрущёв ещё позволил себе вполне традиционное, привычное заключение: «Монолитная сплоченность нашего народа вокруг коммунистической партии такая, что если бы встали Ленин и Сталин, то они похвалили бы нас, сказали: «Неплохо продолжаете наше дело!» (бурные, продолжительные аплодисменты)».

Выступая на том же Пленуме, Хрущев впервые открыто в большой аудитории заговорил о репрессиях. Однако продолжал привычно списывать их на происки и провокации «врага партии и народа» Берии: «Он и его подручные, как теперь выяснилось, ослаблял революционные силы путем уничтожения кадров нашей партии и других коммунистических партий. Достаточно сослаться на так называемое «ленинградское дело», когда были уничтожены товарищи Вознесенский, Кузнецов, Родионов и другие, на «дело» Косарева, на «дело» Постышева…» Но тут же Никита Сергеевич сделал весьма существенную, принципиальную оговорку: «Из этого нельзя делать такого вывода, что у нас не было и нет теперь врагов. Врагов у нас было немало. Меньшевики, эсеры, троцкисты, бухаринцы, правые оппортунисты…»

Тем самым жертвы репрессий — партийные функционеры — были разделены на «чистых» и «нечистых». Но виновным, ответственным все еще оставался только Берия.

Стремление поддержать поелику возможно престиж Сталина сохранялось в высшем руководстве партии вплоть до февраля 1956 г. Только тогда и была понята простая, даже элементарная истина, — реабилитировать часть жертв «большого террора» 1935–1938 гг., обвиняя в том лишь Берию, невозможно. Как бы ни хотелось того, как бы ни было удобным, все преступления тех лет списать на человека, работавшего тогда в Тбилиси и не обладавшего никакой возможностью, никакими полномочиями направлять действия Ежова, руководить им, просто нельзя. Бессмысленно, в это никто не поверит.

Для объяснения происшедшего требовалось иное решение. И оно было найдено.

Буквально накануне открытия XX съезда, 13 февраля, на Пленуме Хрущёв в последний раз информировал членов ЦК о том, что им предстоит одобрить, утвердить. Выступал явно волнуясь, переживая. Блестящий оратор, он запинался, оговаривался. И только потому, что пытался умолчать о главном, скрыть от собравшихся саму суть только что родившейся идеи еще одного доклада. Да еще и потому, что сам в ту минуту не представлял, насколько далеко сможет зайти при переоценке прошлого. Как удастся объяснить не столько репрессии, сколько реабилитацию, ставшую столь значительной, что молчать о ней больше было нельзя.

Завершая выступление, Никита Сергеевич неожиданно для всех заявил: «Есть ещё один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на съезде[124] Центрального комитета, на закрытом заседании — видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет утверждение кандидатов в руководящие органы Центрального комитета: членов ЦК, кандидатов и членов ревизионной комиссии, когда гостей не будет, — доклад от ЦК о «культе личности».

Почему, товарищи? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о «культе личности», как он ставился в свое время, и это вызывает потребность получить объяснение, чем это вызывается. Мы, правда, объяснили, и достаточно веско объяснили, но нужно, чтобы делегаты съезда, которые были на съезде, чтобы они все-таки больше узнали бы и почувствовали. Поняли бы больше, чем это мы сейчас делаем через печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии. Поэтому они должны для того, чтобы объяснить большой поворот, который произошел, иметь больше фактического материала. Я думаю, что члены Пленума с этим согласятся… Мы сегодня обсудили доклад, готовим другой доклад. На президиуме мы уговорились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК…»

Так в канун съезда утвердился эвфемизм «культ личности». Ему предстояло, во-первых, выразить, олицетворить негативную противоположность провозглашенному еще в марте 1953 г. принципу коллективного руководства. Лишний раз подчеркнуть сущность новой системы власти, пока еще действительно разделяемой всеми членами президиума ЦК. Системы власти, предусматривавшей формальное равенство в узком руководстве. Гарантию их неприкосновенности при любых обстоятельствах, что стало особенно актуальным, жизненно важным после ареста и расстрела Берии. Об этом весьма красноречиво свидетельствовали результаты первых серьезных столкновений внутри президиума — сначала с Маленковым, а затем и с Молотовым.

Во-вторых, найденный термин должен был для масс подменить иной — «незаконные репрессии». Физическое устранение — расстрел без суда и следствия — партийных, государственных и военных деятелей. Но именно в этом смысле далеко не всё ещё было продумано, решено. Не определено: кого же считать невинными жертвами незаконных репрессий, на кого персонально возложить всю полноту ответственности за содеянное.

Окончательный ответ на эти вопросы искали десять дней. Хрущёв прочитал «закрытый» доклад, как и предусматривали, в последний день работы съезда. Устранил тем самым возможность и его обсуждения, которое вполне могло вылиться в непредусмотренное, а потому и нежелательное русло, и его воздействия на делегатов при избрании состава руководящих органов партии. Наконец, день, избранный для доклада, делал его содержание чисто внутренним делом КПСС, так как в зале в те часы не было никого из зарубежных гостей, лидеров международного коммунистического движения.

И вот доклад сделан. Что же услышали потрясенные, шокированные делегаты? Какой «фактический материал» получили они для объяснения «большого поворота»?

Узнали от первого секретаря ЦК КПСС то, что должно было перевернуть все их представления о минувшем. Заставить в одночасье изменить взгляды, даже мировоззрение. Отношение к собственному прошлому, к своим действиям, участию в жизни партии, страны.

Им сообщили, что начиная с 1935 г., а точнее с убийства Кирова, в стране воцарился террор. Началось преступное уничтожение лучших из лучших — членов высшего руководства. Незаконно арестовали и расстреляли большинство делегатов XVII съезда. Вчерашние «враги народа» — Постышев, Эйхе, Рудзутак, Косиор, Косарев, Чубарь — безвинные жертвы произвола. А прямой виновник таких акций — бывший секретарь ЦК, затем нарком внутренних дел Ежов. Однако в последнем выводе не было ничего нового, непривычного. Ведь кому, как не им, делегатам съезда, хорошо известно и о «ежовщине», и о заслуженной каре, постигшей того, кто дал имя тому страшному явлению.

Им сообщили, что перед войной незаконно арестовывали, но, к счастью, разобрались, освободили талантливых военачальников — Рокоссовского, Горбатова, Мерецкова, других. О том, что было время для подготовки отпора германской агрессии. Была информация о дате нападения на СССР, но на нее не обратили внимания, не придали значения. А это и обусловило поражения на первом этапе войны. Привело к отступлению армии до Сталинграда, ее огромным потерям, к временной оккупации врагом значительных территорий. Потом, уже в дни победного шествия Красной Армии, безвинно пострадали целые народы. Чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы, депортированные с Северного Кавказа.

Рассказал Хрущёв и о том, что после победы репрессии продолжались. Из-за них партия потеряла Вознесенского, Кузнецова, Родионова, Попкова, расстрелянных по сфальсифицированному «ленинградскому делу». Продолжили же список преступлений «мингрельское дело», разрыв с Югославией, «дело врачей».

Ответственность же, вину за все то, что произошло после 1938 г., в докладе возлагали на Берию. Правда, и такое объяснение не стало откровением для депутатов. И сами аресты, «дела» происходили на их глазах, да и разоблачение Берии было событием буквально вчерашнего дня. Слишком свежим. Всё ещё остававшимся злободневным.

Делегаты не могли предполагать иного — совокупности обрушенных на них фактов. И ещё — более важное: вина за все преступления возлагалась на чуть ли не обожествляемого вождя. Противопоставляли его и партии, и народу. Объясняли: Сталин «настолько возвысился над партией и народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным комитетом, ни с партией». Потому, мол, и не собирал вовремя, по уставу, съезды и Пленумы, а Политбюро подменил чуть ли не конспиративными «шестёрками», «семёрками»…

…И о чём Хрущёв умолчал

«Закрытый» доклад был до предела насыщен разнообразнейшими примерами. Охватывал длительный период. Словом, претендовал на исчерпывающую характеристику становившегося самостоятельным отрезка истории. Однако за таким, внешне беспристрастным, подходом все же проглядывало сокровенное. Вряд ли случайно практически все, о чем сообщал Хрущёв, относилось только к судьбе партфункционеров. Да еще далеко не всех, а лишь тех, кто оставался во властных структурах после 1934 г. Вне этого ряда оказались военачальники, врачи Лечсанупра Кремля, некоторые депортированные народы.

Непонятным выглядело и другое. Если главным обвиняемым стал считаться Сталин, то зачем потребовалось неоднократно упоминать 1938 г. как некий рубеж? Только потому, что в январе 1939 г. арестовали, а потом и расстреляли Ежова, заменили его на Берию? Обычная ли это недоработка, результат поспешности при подготовке доклада, или преднамеренность?

Сегодня, много лет спустя, приходится признать, что, сводя все «лишь» к репрессиям, к личности Сталина, к зловещей роли НКВД — МГБ, партийный аппарат — подлинный автор «закрытого» доклада, шел на сознательный обман. Подтасовку. Пытался таким образом скрыть на самом деле происходившее в высших эшелонах власти. Не допустить возможности

догадаться об истинных мотивах тайной, закулисной борьбы. Схватке, выражавшей не одно лишь стремление к личному лидерству, но и альтернативные взгляды на политику. В том числе — попытку провести коренную реформу, призванную значительно ослабить роль партии. Ограничить функции ее, а следовательно, и партаппарата.

Возвестила о том 5 декабря 1936 г. новая Конституция. Та самая «сталинская», статья вторая которой провозглашала: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся». Третья же уточняла: «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». И только в одной из последних статей, в 126-й (!), о праве на объединения в общественные организации, в конце перечисления их отмечалось: «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков)… представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Два года спустя ещё не устоявшуюся, не утвердившуюся, а потому и неосознанную тенденцию развил «Краткий курс». Фундаментальный труд, далеко не случайно никогда больше не дополнявшийся, не дописывавшийся. Не просто подводивший «основные итоги исторического пути, пройденного большевистской партией». Отнюдь не формально, не только по времени создания заканчивавшийся рассказом о новой конституции. Ставил на том точку.

О том же свидетельствовал и иной, столь же красноречивый факт. То, что выход в свет «Краткого курса» совпал с прекращением репрессий. Нет, не массовых, которые продолжались, а исключительно тех, что дамокловым мечом висели над высшим эшелоном власти. Над членами Полит- и оргбюро ЦК ВКП(б), над наркомами, первыми секретарями ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов. Над всеми, кроме Сталина.

В самом начале 1938 г. в состав Политбюро и оргбюро входило 17 человек. Спустя год репрессировали пятерых из них. На первой сессии Верховного Совета СССР первого созыва в январе 1938 г. сформировали Совнарком Союза ССР. В его составе был двадцать один человек, которые одновременно не состояли членами высших партийных органов. К концу того же года пятнадцать из них арестовали, расстреляли. В целом из 38 высших руководителей партии и страны за один год репрессировали 20. Более 50 процентов!

После XVIII съезда, проходившего в марте 1939 г., неожиданно наступило умиротворение. За четырнадцать последующих лет, по июль 1953 г., тот же высший эшелон власти, численно постоянно возраставший — СНК СССР только с 1938 по 1941 гг. увеличился с 26 до 45 членов, — потерял лишь семерых. Из них М. М. Каганович покончил самоубийством, А. И. Шахурин «всего лишь» получил срок. Четверо же — Берия, Меркулов, Абакумов, Кузнецов — сами имели прямое отношение к карательным органам. Первые трое возглавляли НКВД — МВД, МГБ, а А. А. Кузнецов как секретарь ЦК курировал эти министерства.

Вот откуда в докладе чисто фрейдистская оговорка, неоднократное поминание 1938 г. как действительно рубежного! О нем и Хрущёв, и те, кто готовил текст его выступления, знали. Помнили. Никогда не могли забыть, когда же лично они, и только они, избавились от страха за собственную жизнь. Перестали опасаться за карьеру, за привилегированное положение.

Нет, не случайно 1938 г. назойливо поминался. И не только потому, что обезопасил, вывел из-под чуть ли неизбежного удара высшее руководство. Еще и потому, что решениями XVIII съезда началось реформирование партии. Постепенное отстранение ее от безраздельной власти. Одна из резолюций съезда объявила о ликвидации всех отраслевых отделов аппарата ЦК ВКП(б), кроме сельскохозяйственного. О сохранении за последним только двух функций. Прежде всего — подбор и расстановка кадров. Кроме того, «работа в массах», т. е. пропаганда и агитация.

Продолжило перестройку постановление Политбюро от 4 мая 1941 г. о назначении Сталина председателем СНК СССР, которое в подлиннике именовалось более значительно: «Об

усилении работы советских центральных и местных органов». В его констатирующей, не публиковавшейся, как и само название, части отмечалось: цель постановления — необходимость «еще больше поднять авторитет советских органов». Подразумевалось — за счет партийных.

Трагическое утро 22 июня вынудило отказаться от намеченных планов. Заставило принять прямо обратные решения. Еще 16 июля, за три дня до вступления в должность наркома обороны, Сталин восстановил в армии институт военных комиссаров. Четыре месяца спустя вместе с Андреевым, исполнявшим вместо Жданова обязанности второго секретаря ЦК, провел постановление о воссоздании в МТС и совхозах политотделов. Ничего не стал предпринимать, когда в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик стали снова образовывать отраслевые отделы. Якобы без них невозможно улучшить работу в народном хозяйстве.

Однако восстановление явно порочной системы «двоевластия» государственных и партийных структур так и не дало положительных результатов. Не изменило катастрофического положения. И тогда-то Маленков, чей опыт неизмеримо обогатился деятельностью в составе Государственного комитета обороны, чьи позиции в аппарате возросли после отъезда Жданова в Ленинград, перешел в атаку. Без шума, излишнего привлечения внимания он вернулся к курсу, намеченному XVIII съездом: 9 октября 1942 г. добился ликвидации института военных комиссаров; 24 мая 1943 г. — упразднения должности замполитов рот и одновременно сокращения политработников армии на 33,5 тысячи человек; 2 июля — закрытия из-за полной ненадобности Военно-политической академии имени Ленина. Все эти решения принимались ради достижения одной, нескрываемой цели — укрепления единоначалия.

Для решения той же задачи, но в более сжатые сроки, ликвидировали и остальные чрезвычайные органы ВКП(б). 9 января 1943 г. — политотделы на железных дорогах, 18 февраля — на морском и речном флотах, 31 мая — в МТС и совхозах. А 6 августа упразднили и должности отраслевых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. Тем самым вернулись к тому положению, что существовало в канун войны. И даже несколько продвинулись вперед. В том же ряду следует рассматривать «самороспуск» Исполкома Коминтерна 15 мая 1943 г. «Самоликвидацию» всемирной коммунистической партии, отнюдь не случайно происшедшую в те же месяцы.

В начале же следующего года была сделана попытка продолжить перестройку: 24 января Молотов, Маленков, Хрущев направили Сталину проект постановления ЦК «Об улучшении государственных органов на местах». Констатировали: «Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизменно ведет к смещению функций партийных и государственных органов, подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма».

И потому в качестве «организационных мер» предложили следующее:

«Укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами». «Признать целесообразным», чтобы первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов были бы одновременно и председателями совминов, исполкомов соответствующих уровней властных структур. Упразднить во всех партийных органах «должности заместителей секретарей по отдельным отраслям — промышленности, торговли, транспорту, сельскому хозяйству, а также соответствующие отделы».

Сталин проект поддержал. Одобрил. Скрепил резолюцией: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Правку же внес чисто стилистическую, убрал повторы. Одну фразу целиком, шесть слов в других. Да предложил свой вариант названия — «Об объединении руководства партийных и государственных органов». После этого к открытым сторонникам проекта примкнул и Андреев. Казалось, решение предрешено, не вызовет возражений. Однако на

заседании Политбюро предложение большинством голосов отклонили несмотря на позицию Сталина.

Партия борется за власть…

Что же вынудило часть узкого руководства пойти на столь крайнюю меру, как реформирование партии, поиск для нее нового, менее значимого, менее ответственного места?

Прежде всего осознание вреда, ущерба, который наносило «двоевластие». Бессмысленность, вздорность параллелизма двух властных структур. Но в еще большей степени — нехватка кадров. Тех самых, которые действительно «решают все», для обоих ветвей власти. Нехватка, которая наиболее остро проявила себя в годы войны.

Маленков и как начальник Управления кадров, и как второй секретарь ЦК знал о том намного лучше других, которые узнали обо всем позже. На заседании, проходившем в Управлении пропаганды 18 апреля 1946 г., огласили результаты изучения партии. Данные, свидетельствовавшие об удручающем, если не говорить более прямо, положении.

Из пролетарской партия превратилась в чиновничью. Служащие в ней составляли уже 47,6 процента. Несмотря на это образовательный уровень членов ВКП(б) оказался крайне низким, явно противоречащим успехам культурной революции, которыми так гордились, восхищались. 67,2 процента коммунистов, включая и руководящие кадры — работников райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, — не имели даже среднего образования. Высшим же обладали только 7,3 процента.

Такими были общие характеристики. Более страшная картина обнаружилась при выборочном обследовании партийной элиты ряда краев и областей европейской части РСФСР. Оказалось, что никто из опрошенных не сумел назвать ни одного произведения Ленина или Сталина. Из 27 работников высшего ранга лишь 16 читали «Краткий курс», но еще до войны. Несмотря на то, что именно в те дни все средства массовой информации излагали, пересказывали, комментировали ответы Сталина на вопросы корреспондента «Правды» по поводу фултонской речи, только немногие сумели ответить на вопрос: кто такой Черчилль? Практически все книг не читали. Не знали элементарного. Например, полагали, что Белинский — русский педагог…

Из 78 заведующих кафедрами истории СССР, существовавших тогда в стране, 18 человек не имели ни степени, ни высшего образования. Среди заведующих кафедрами марксизма-ленинизма число таких «профессоров» превышало 50 процентов. Среди членов верховных судов союзных республик имели высшее образование, правда, не всегда юридическое, 55,2 процента, а среди народных судей — всего лишь около 8.

Эти данные красноречиво подтверждали правоту сторонников реформы, сторонников лишения партии абсолютной, всеобъемлющей власти. Должны были убедить всех, что пора «командиров индустриализации», обладавших лишь одним достоинством — участием в Октябрьской революции, в Гражданской войне, баполонили все партийные органы люди иные.

Кто? Самые серые, заурядные, незаметные, не обладающие ни заслугами в прошлом, ни профессией, ни образованием в настоящем. Зачастую, особенно на местах — в союзных республиках, плохо владеющие русским языком. Малограмотные. Удерживающиеся, продвигающиеся «по службе» благодаря конформизму, управляемости, готовности проводить в жизнь любое, самое абсурдное решение. Подменившие необходимую по должности компетентность тем, что они же стали называть «исполнительской дисциплиной». Превратившиеся в механические ретрансляторы указаний, распоряжений, приказов и команд. Пытавшиеся подтвердить, доказать свое членство в партии, свое марксистско-ленинское мировоззрение бездумным догматизмом, вырванными с кровью из контекста цитатами и безудержным изначально, но все же непрерывно возраставшим восхвалением Сталина. Уверенные, что вместе с постом в партийных органах им дали и все необходимые знания,

умение. Возможность разбираться во всех без исключения вопросах, право руководить инженерами, учеными, деятелями литературы, искусства.

При всём желании консервативная часть узкого руководства не могла отмахнуться от столь очевидных, вопиющих фактов. Вынуждена была хоть как-то, но реагировать. Предлагать выход из сложившегося положения. И потому тут же такой выход нашла. Паллиативный. Предложила обязательное, чуть ли не принудительное обучение номенклатуры. Естественно, в ускоренном темпе. Для министров, первых секретарей обкомов и крайкомов, секретарей ЦК компартий союзных республик — на двухлетних Ленинских курсах. Для тех, кто занимал более низкие посты, иную форму подготовки. Имеющим высшее образование — в трёхлетней Академии общественных наук, обладавших только средним — также трехлетнее, в Высшей партийной школе. А для офицеров армии и флота — во вновь открытой Военно-политической академии.

Принимая такое решение, Политбюро, секретариат были убеждены, что через три года, самое позднее — лет через пять партия будет располагать столь необходимыми для ее структур грамотными, подготовленными кадрами. Специалистами в вопросах не только марксизма-ленинизма, но и в одной из отраслей народного хозяйства. Будут обладать столь большим числом образованных коммунистов, что появится «резерв». А с ним и возможность выбирать из нескольких кандидатов при назначении на ответственную должность.

Так полагал Жданов, в марте 1946 г. вернувший себе пост второго секретаря ЦК. Полагал и Александров, начальник Управления пропаганды — инициатор партликбеза. Согласиться с таким предложением как с наименьшим злом вынужден был и Маленков. Они не учли лишь одного. Обнажив истинное лицо партократии, они подписали себе приговор. Противопоставили себя этому слою, позже названному Джиласом «новым классом». Стали для него врагами, ибо покусились на святая святых — на должности, прямо дававшие огромные привилегии. Старую, довоенную — «конверты». Официально регламентируемую, но тайную доплату к жалованью. Закрытую систему торговли, созданную в годы войны. И новые. Особую телефонную связь — «вертушки», «ВЧ». Персональные машины. Отдельные квартиры, особенно желанные при бушевавшем жилищном кризисе. Спецполиклиники, дачи, дома отдыха, санатории. Словом, всё, что только могла дать возрождавшаяся экономика.

Первым подвергся опале инициатор реформ Маленков. Его отстранили от руководства Управлением кадров в апреле 1946 г. А месяц спустя вывели из секретариата. Заменили вызванным ради того из Ленинграда Кузнецовым. Потом пришла очередь Александрова, вздумавшего учить партократию. Сняли в августе 1947 г. На его место назначили неприметного, никому неизвестного Шепилова. Весной следующего года Жданова лишили многих полномочий. Передали их Суслову. Тому, кто и при новом раскладе остался малозаметным, но чьё воздействие на политику партии, ее аппарат стремительно возросло. Ведь не кто иной, как он и оказался наиболее последовательным выразителем интересов «нового класса», защитником его.

Кадровые перестановки позволили вновь начать контрреформы. Откровенно пренебречь решениями XVIII съезда. Ликвидировать в июле 1948 г. управления кадров и пропаганды. Восстановить отраслевые отделы, возродить контроль за министерствами. А заодно и создать новые «ответственные» должности. Наращивать их число. Так, под предлогом борьбы с буржуазным национализмом образовать в небольших республиках — Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Башкирии, Татарии — по две-три области. Со всеми непременными атрибутами — обкомами, облисполкомами.

Но всё же консерваторы пока не могли торжествовать победу. Реформаторы сопротивлялись. Усиливали систему исполнительной власти. В Совмине СССР образовали собственный Президиум, по сути повторявший Политбюро, и отраслевые бюро, уже прямо дублировавшие отделы ЦК. И хотя реальная власть все больше и больше смещалась в

парторганы, фактически создали «теневой кабинет», готовый в любой момент взять всю ответственность только на себя.

Такая ситуация и породила новый центр, призванный поддержать, сохранить зыбкое равновесие. В октябре 1946 г. — «шестерку» членов Политбюро, спустя два года разросшуюся до «девятки». Как и в начале войны ГКО, этот неконституционный, неуставной, тайный, но подлинный высший орган власти должен был стать вектором сил. Объединить интересы разнородных, сложившихся группировок. Консервативной и реформаторской частей партократии. Военно-промышленного комплекса, органически связанного с генералитетом и начавшего активно влиять на внешнюю политику страны.

Однако такая попытка хоть как-то нормализовать опасное положение лишь усилила, обострила соперничество, противостояние лидеров. Привела к прямо обратным результатам. В начале 1949 г. — к отстранению, репрессированию Вознесенского, Кузнецова, второй опале Молотова. В феврале 1951-го — к самому непредсказуемому, парадоксальному. К отстранению от власти Сталина…

…И побеждает на XX съезде

Неопределенность положения завершилась со смертью вождя. А последовавшие за ней события чуть ли не до деталей повторили то, что происходило в первые недели войны.

Как и 30 июня 1941 г., во главе страны встали Молотов, Берия, Маленков, но при явном лидерстве Георгия Максимилиановича. Их ближайшее окружение составили прежние, испытанные соратники — Малышев, Первухин, Сабуров, Шаталин. Как и двенадцать лет назад было принято постановление «О расширении прав министров СССР». Новым же стало сокращение числа самих министерств, особенно республиканских, уменьшение штатов сохраненных на 40 процентов. Ликвидация областей в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Башкирии, Татарии. Тем самым, всего за три месяца оставили без работы более ста тысяч бюрократов. В том числе — секретарей обкомов, союзных и республиканских министров, их заместителей.

Резко сократили численность и высших органов партии, президиума и секретариата ЦК — с 46 до всего лишь 17 человек. Мало того, еще двумя постановлениями Совмина СССР, от 26 мая и 13 июня, лишили всех без исключения партфункционеров важнейшей привилегии — «конвертов». Оставили их только министрам СССР, председателям краевых, областных, городских и районных исполкомов.

Тогда же начали и десталинизацию. Сводили до минимума, а то и просто исключали упоминание, портреты покойного вождя в газетах, журналах, книгах, альбомах. Прекратили финансирование возведения монументов Сталину. И стали пересматривать дела «врагов народа» 1930 — 1940-х гг. Реабилитировать их, хотя и без огласки.

Наконец, проявился новый курс и в ином. В официальном провозглашении доктрины мирного сосуществования, фактически ставшей основой внешней политики Союза еще летом 1951 г. В отказе от гонки вооружения, переориентации экономики страны на выпуск предметов широкого потребления, в объявлении легкой промышленности и сельского хозяйства приоритетными отраслями. В прекращении идеологического давления на литературу и искусство, получившем вскоре название «оттепель», что нашло выражение в публикациях, выходе на экраны, постановках на сценах театров первых таких произведений, начиная с осени 1953 г.

Всё это слишком красноречиво свидетельствовало о возможно неизбежном. Об уже близкой победе курса реформ. Создании такой системы, в которой КПСС в ее прежней роли просто не останется места, не окажется, следовательно, места и для партократии. И чтобы спасти себя, свою абсолютную власть и связанные с ней привилегии, партократия перешла в наступление.

В августе 1953 г. вынудила Хрущёва отменить решение об отмене для нее «конвертов» да еще увеличить их размеры, выплатить разницу за три месяца. Зато 7 сентября 1953 г. на Пленуме без какого бы то ни было обсуждения, мотивации избрала его первым секретарем ЦК. Ликвидировала принцип коллективного руководства. А чтобы ещё более усилить роль Хрущёва, 7 декабря его ввели в президиум Совмина СССР, назначили председателем бюро по сельскому хозяйству.

Такая мера позволила сделать первую подмену. Свести продовольственную проблему к подъему целинных и залежных земель.

В апреле 1954 г. на сессии Верховного Совета СССР, ставшей своеобразным референдумом для высшего эшелона власти, отказались от приоритета легкой промышленности и конверсии. Возобновили гонку вооружения, прежде всего ядерного оружия, ракет. Год спустя на деле отошли не только от политики мирного сосуществования, но и от сложившейся еще в 1944 г. концепции национальной безопасности. Сочли, что стран соцлагеря и нейтральных государств недостаточно для предотвращения вторжения на территорию Советского Союза. Перешли к глобальной стратегии. Начали усиливать собственный лагерь, европейская часть которого в мае 1955 г. стала военным блоком, за счет третьего мира. В декабре 1955 г. начали поставки оружия в Египет, а в марте следующего — в Сирию.

Ещё в мае 1954 г. «оттепель» сменили «заморозки». Центральные газеты обрушились на повести Пановой, Эренбурга, пьесы Зорина, Мариенгофа, Городецкого, Яновского, статьи Померанцева, Абрамова. Подвергли их разносу за «клеветнический характер», «очернение советской действительности». А 23 июля секретариат ЦК под председательством Хрущёва принял постановление в духе 1946 г. Осудил Твардовского за всего лишь создание нигде не опубликованной поэмы «Тёркин на том свете». Освободил его от должности главного редактора «Нового мира».

Консервативный курс победил. Вместе с ним победила и партократия, удержавшаяся у власти. Сохранила ее полной, безраздельной. Закрепила победу на XX съезде, придав ему роль дымовой завесы, прикрытия — сознательной концентрации всеобщего внимания на репрессиях периода культа личности — полного изменения как внешней, так и внутренней политики. Предопределила и те события, которые не заставили себя ждать, — «события» в Польше, Венгрии, Суэцкий кризис, ультиматумы Парижу и Лондону.

Словом, все то, что и возвестило о начале второй «холодной войны» — с ее Берлинским и Карибским кризисами, с ужесточениями внутренней политики, с господством партократии, лишенной даже минимума профессионализма, явно некомпетентной. Всё то, что привело партократию через три десятилетия к отступничеству ради сохранения за собой все той же абсолютной власти.

Крутой поворот… назад[125]

До сих пор мы видели в XX съезде прежде всего, если не исключительно, лишь закрытый доклад Хрущева. Были твердо уверены сами, а потому убеждали всех в том, что разоблачение преступлений периода культа личности есть суть XX съезда. Что именно закрытый доклад изменил жизнь партии и страны. И потому только с ним связывали все положительное, прогрессивное последующих лет.

Однако сегодня мы обязаны задуматься, почему такой доклад сделали именно на XX съезде. Почему вообще подготовили и прочитали его? Должны понять, чем на самом деле являлся XX съезд. Почему он стал переломным, поворотным? И если был таковым, то в чем именно?

Отчетный доклад Хрущёва, как вы помните, открывался анализом сложившейся в мире ситуации. Анализом, который логично подводил к однозначному и безусловному выводу о необходимости политики мирного сосуществования, неизбежности такого внешнеполитического курса, который и в самом докладе, и во многих выступлениях сразу же

был объявлен принципиально новым, исходящим якобы из забытого ленинского положения и подтвержденным практикой Кремля за предыдущий, 1955 г. Тем самым на XX съезде, грубо говоря, была совершена подмена. Использован лозунг, выражавший давние чаяния советских людей, для его же, по сути дела, обмана.

Доктрина мирного сосуществования начала утверждаться в советской внешней политике задолго до XX съезда. А осознать всю бессмысленность «холодной войны» вынудила корейская война. Всего через 7 месяцев после ее начала обе стороны поняли: победу даже в таком локальном конфликте может принести лишь применение ядерного оружия. И, не сговариваясь, Вашингтон и Москва отказались от столь высокой платы за весьма призрачный успех, стали делать первые, поначалу неуверенные шаги на пути к примирению. Я имею в виду отстранение от должности в 1951 г. генерала Макартура, который предлагал атомные бомбардировки Китая, а также выступление постоянного представителя СССР при ООН Малика, призвавшего к мирным переговорам. Наконец начавшиеся тогда переговоры в Панмыньчжоне об обмене ранеными военнопленными.

Разрыв со старой политикой давался нелегко, сдерживался взаимной подозрительностью, но все же руководство Кремля неуклонно придерживалось уже избранного курса. В апреле 1952 г. оно попыталось с помощью созванного в Москве международного экономического совещания вывести страну из изоляции, в которой она оказалась с началом «холодной войны», установить хотя бы торговые отношения со всеми странами мира.

В декабре того же года, используя как трибуну Венский конгресс народов в защиту мира, мы призвали провести встречу лидеров пяти великих держав, включая Китай. Свою позицию определили так: нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров. По сути дела, это и стало первым провозглашением принципа мирного сосуществования.

Эту формулировку уже после смерти Сталина активно использовали в своих официальных докладах и выступлениях Маленков, Молотов, Булганин на параде Первого мая 1953 г., Ворошилов во время приема верительной грамоты у посла Соединенных Штатов. И с помощью такой формулировки Кремль сумел добиться многого, прежде всего, заключения уже летом 1953 г. перемирия в Корее, восстановления нормальных отношений с Югославией, а затем возобновления переговоров министров иностранных дел четырех держав, тех самых переговоров, которые привели к встрече лидеров четырех держав в Женеве летом 1955 г. и способствовали ликвидации еще одного серьезного военного конфликта — в Индокитае.

Но обо всём этом ни в докладе Хрущёва, ни в выступлениях делегатов XX съезда не было сказано ни слова. И не только потому, что Маленкова за год перед этим, 31 января 1955 г., сняли, обвинив среди прочего именно в проведении политики мирного сосуществования и уступках империализму. Умолчание потребовалось по иной причине: для сокрытия реально произошедшего уже поворота нашей внешней политики, фактического возобновления противостояния двух блоков.

Летом 1955-го советскому руководству пришлось отказаться от практики разрядки. Созданные Вашингтоном военные блоки СЕНТО и СЕАТО фактически уже охватили лагерь социализма со всех сторон. И СССР, и его союзники расценили это как прямую угрозу и потому вынуждены были принять соответствующие меры. В мае 1955 г. был образован наш военный блок — Варшавский пакт. Отброшена прежняя, сложившаяся в 1943–1944 гг. доктрина национальной безопасности. Если прежде мы считали, что для поддержания безопасности страны необходимо иметь вдоль сухопутных границ дружественные или союзные государства, то теперь этого показалось недостаточным. Необходимо было, как считали и в МИДе, и в ЦК, перейти к глобальной стратегии, к расширению числа наших союзников за счет нейтральных государств. Об этом прямо, правда, единственный раз, заявил Суслов, выступая на июльском 1955 г. Пленуме, где четко сформулировал новую доктрину национальной безопасности.

В декабре 1955-го СССР начал поставлять оружие Египту, а в марте следующего, т. е. спустя несколько дней после закрытия XX съезда, и Сирии. Необходимость восстановления отношений с Югославией, среди прочего, в Политбюро аргументировалась тем, что Югославия обладает второй по численности после нас армией в Европе (42 дивизии), и кроме того, — это считалось более важным — контролирует Адриатическое море и имеет свободный выход в Средиземное. Об этом говорил Булганин и многие другие на заседаниях Политбюро.

Отсюда и те настораживающие оговорки, которыми сопровождались рассуждения о мирном сосуществовании в докладе Хрущёва, в выступлениях Суслова, Микояна, Молотова, Жукова. Мы не должны преуменьшать опасность войны, предаваться иллюзиям — повторял практически каждый из них. Отсюда и призыв крепить дружбу и сотрудничество с Индией, Бирмой, Индонезией, Афганистаном, Египтом и Сирией. С теми странами, правящие режимы которых буквально за два года до этого официально объявлялись реакционными, антикоммунистическими, хотя с той поры не поменялся ни Насер, ни Неру, ни кто другой. Отсюда, наконец, и подготовка под руководством министра обороны Жукова и начальника Генерального штаба Соколовского первого за всю историю нашей страны оперативного плана, предусматривавшего нанесение Советской армией первого, превентивного удара по потенциальному противнику — Соединённым Штатам. Это началось в канун XX съезда и продолжалось в ходе его.

Столь же серьезной и далеко идущей по своим последствиям оказалась и вторая проблема, поднятая в отчетном докладе Хрущёва. И он сам, и Булганин, останавливаясь на проблемах народного хозяйства, вели речь о дальнейшем подъеме экономики, об ускорении технического прогресса, разумеется, не могли не сказать и о подъеме материального благосостояния и культурного уровня населения. О том, что правительство твёрдо обещало сделать ещё в 1953 г. Вынуждены были обещать и открыто признали острейшую нехватку самых необходимых товаров широкого потребления, страшный жилищный кризис. Однако Хрущев и Булганин предложили съезду одобрить такие директивы по 6-му пятилетнему плану, которые предусматривали опережающее развитие не легкой и пищевой промышленности, а тяжелой.

Ни на йоту в этом вопросе не отошли от сталинской трактовки принципа развития советской экономики.

Фактически свели проблему ликвидации дефицита к судьбам сельского хозяйства. Сельское хозяйство — к зерновому вопросу, а тот — к подъему целинных и залежных земель, считая, что это разрешит все проблемы. Собственно, в таком подходе ничего нового не было. Стремление восстановить приоритет промышленности группы «А», свернуть конверсию, рассматривать подъем целины как панацею обозначилось гораздо раньше, еще в апреле 1954 г. на сессии Верховного Совета СССР. Она стала фактически референдумом по вопросу: какой избрать экономический курс — предложенный Маленковым, предусматривавший опережающее развитие группы «Б» и максимальное выделение сил и средств страны на подъем жизненного уровня населения, или план Хрущёва, в котором предпочтение отдавалось преимущественному развитию группы «А». В конце концов было поддержано предложение Хрущёва. А это означало неизбежное увеличение расходов на оборону.

Правда, тогда, в 1954 г., о новом витке гонки вооружений вслух говорить не решались. Обсуждение вели в своеобразных академических рамках. Но переориентацию экономики с мирных на военные цели провели уже летом того же года, как обычно, скрытно, с помощью негласной корректировки квартальных и годовых планов. И за весьма короткий срок сумели добиться очень многого.

Выступая на XX съезде, министр обороны Жуков с удовлетворением признал возросшие возможности советской экономики, прежде всего достижения тяжелой промышленности, позволившие перевооружить армию и флот первоклассной техникой. Однако не удовлетворился уже полученным, выдвинул новую программу и обосновал её так: будущая

война будет характеризоваться массовым применением военно-воздушных сил, разнообразного ракетного оружия и различных средств массового поражения, таких, как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое.

Почему же о столь деликатной проблеме на XX съезде заговорили открыто? Да потому, что уже признали возможность третьей мировой войны, тем самым обосновали необходимость готовиться к отражению потенциального агрессора, сделать все, лишь бы не допустить повторения трагедии 1941 г. Только потому не возразили Жукову, только потому не попытались хотя бы ограничить непомерные запросы армии. А о самих затратах на ракетостроение, на создание других новейших видов вооружения ни Хрущев, ни Булганин в директивах по 6-му пятилетнему плану, естественно, не обмолвились. Умело скрыли их за разделами, относящимися к промышленности группы «А».

Зато уже осенью, во время Суэцкого кризиса, наш военный потенциал оказался таким огромным, что мы смогли предъявить Лондону и Парижу фактически ультиматум, упрочить благодаря этому позицию Советского Союза на Ближнем Востоке и в других странах третьего мира.

Вопросы внешней политики, экономического развития были бесспорно первостепенными для страны. Но все же более значимой проблемой, определившей жизнь Советского Союза в последующие 35 лет, следует признать, по моему мнению, иную. Ту, что стала содержанием третьего раздела отчетного доклада Хрущёва и была развита в выступлениях многих делегатов, но особенно Суслова и Шепилова.

На XX съезде Хрущёв произнес фразу, ставшую сакраментальным лозунгом: «Всемерно повышать и впредь роль партии как руководящей и направляющей силы советского народа во всей государственной, общественной и культурной жизни». Эта формулировка подвела итог длительного, зачастую переходившего в ожесточенную борьбу поиска места и определения роли ВКП(б) и КПСС в новых исторических условиях, сложившихся после первых двух пятилеток.

Проблема эта обозначилась еще на XVIII съезде, когда и началось реформирование структуры аппарата ЦК. Тогда были ликвидированы все отраслевые отделы, кроме сельскохозяйственного, а сам аппарат фактически отстранен от руководства экономикой.

Продолжило перестройку экономики постановление Политбюро от 4 мая 1941 г. Уже само название документа «Об усилении работы советских центральных органов» и назначение Сталина на пост председателя СНК свидетельствует о появлении новой генеральной линии. Однако всего того, что скрывалось за туманными словами постановления «еще больше поднять авторитет советских органов», разработать и осуществить тогда не успели.

К попытке реформировать партию вернулись уже во время войны. 6 августа 1943 г. упразднили должности отраслевых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, а 24 января 1944-го Молотов, Маленков и Хрущев направили Сталину проект постановления «Об улучшении государственных органов на местах». В нем констатировалось: «Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизменно ведет к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, подрыву их ответственности, к усилению бюрократизма». А в качестве оргмер предлагали: «Полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах»; освободить партийные органы от «несвойственных им административно-хозяйственных функций»; упразднить в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик «должности заместителей секретарей по отдельным отраслям, а также соответствующие отделы».

Сталин проект одобрил. Однако на заседании Политбюро предложение большинством голосов было отвергнуто. Продолжили реформирование партии после Победы, но, как и до

войны, добились минимума. В марте 1946 г. в аппарате ЦК ликвидировали последний отраслевой отдел — сельскохозяйственный. Но реорганизовать по тому же принципу местные парторганы не удалось. И потому-то порочный параллелизм советских и партийных структур усилился. Осложнялась ситуация и возникшим несоответствием конструкции самого партаппарата — его центрального и местных органов.

Все это говорило о неустойчивом равновесии сил сторонников и противников перестройки. Но сохранялось такое положение недолго. Уже в 1948 г. удалось фактически ревизовать решения XVIII съезда и воссоздать все отраслевые отделы.

После смерти Сталина, когда правительство возглавил Маленков, откровенный сторонник ограничения полномочий партаппарата, для последнего вновь возникла угроза потери абсолютной бесконтрольной власти. А летом 1953 г. угроза стала реальностью, принявшей своеобразную форму. Постановлениями Совмина от 26 мая и 13 июня верхушку партфункционеров лишили основной привилегии — «конвертов». По реальной зарплате их поставили на порядок-два ниже тех, кто прежде соответствовал им в иерархии должностей: министров, председателей исполкомов всех уровней.

Реакция на этот раз последовала незамедлительно. В августе Хрущёву пришлось не только восстановить «конверты», увеличив их размер, но и выплатить недополученное за три месяца. Спустя три недели, 7 сентября, на очередном Пленуме, буквально в последние минуты его работы, Хрущева избрали первым секретарем без мотивации воссоздания этого поста, без альтернативных кандидатов, без объяснения, почему именно Хрущев должен встать во главе партии.

Решающим для возвращения партаппарата к власти стало отстранение Маленкова. Официально закрепилось положение партаппарата как практически единственной властной структуры на XX съезде, провозгласившем партию руководящей и направляющей силой, осудившем «нелепое противопоставление партийно-политической и хозяйственной деятельности». Внешне неприметным постановлением об изменении в Уставе КПСС, увеличившим число секретарей с трех до одиннадцати.

Вот в этом-то возвращении партаппарата к власти и кроется, по моему глубочайшему убеждению, истинный смысл XX съезда. Ну а необходимость скрыть это, а также отход от политики разрядки и милитаризацию экономики вынудила отвлечь внимание от настоящих событий, сосредоточить его на прошлом с помощью закрытого доклада.

Горбачёв М. С. Я и профессор Жуков уже разошлись во мнениях. Я сказал: если что и сделало историческим XX съезд, то это «закрытый» доклад. А все остальное и, в частности, перетягивание каната между партийными и хозяйственными органами, повторялось буквально на каждом съезде. Не говоря уже об аппаратной возне до и после съездов.

Политическое наследие Сталина и его преодоление[126]

Хотел бы продолжить мысль, что в сталинизме слилось и прошлое революционное движение, и то, чего в нем никогда не было. Подтверждение тому — знаменитая статья Милюкова, опубликованная сразу же после нападения нацистской Германии на Советский Союз, — та статья Милюкова, в которой он призвал всех эмигрантов встать на защиту Советского Союза, ибо «тот, кто будет против защиты СССР, предаст собственные идеалы белого движения». И дальше Милюков подробно объяснял цели белого движения и говорил, что Сталин фактически их выполнил.

И ещё хотелось бы напомнить, какой страной был Советский Союз в начале 1930-х гг., когда Сталин стал действительно её руководителем и вождем. Это была отсталая сельскохозяйственная страна. Какую страну Сталин оставил после смерти? Индустриальную, развитую, обладающую ядерным оружием, уже создающую ракеты, — страну, которая стала одной из двух сверхдержав мира и тем самым позволила возникнуть двуполярной системе в мире. Но для того, чтобы перейти к сути наследия Сталина и его преодоления, нам нужно все-

таки внимательно разобраться в том, что такое «сталинизм», и отсюда — что такое «наследие Сталина».

Сталин и его курс — это совсем не то, что было при Ленине, Троцком и Зиновьеве. Это совершенно иное. Что, другими словами, выразилось в полном отказе от ориентации на мировую революцию и провозглашение интересов Советского Союза самыми главными для руководства страны. И это одна из принципиально важных черт, характеризующая понятие «сталинизм».

Второе. Весьма часто полуграмотные журналисты, которых сегодня очень много и которые «все уже знают», говорят, что у нас был построен социализм, а, мол, на самом деле это никакой не социализм… Хорошо известны как письмо т. Иванова т. Сталину И. В., так и ответ т. Сталина т. Иванову, написанные в 1938 г.: никакого социализма в СССР не может быть до конца построено до тех пор, пока страна находится в капиталистическом окружении. Иными словами, можно строить, усиливать экономический фундамент социализма, развивать какие-то начатки социалистических отношений, но о том социализме, как о нем писали Маркс и Энгельс, говорить не приходится.

Ещё одно важное обстоятельство, связанное с тем, что такое «сталинизм», нужное, чтобы понять, от чего мы отказывались. Уже в середине 1930-х гг. Сталин и его соратники предпринимают попытку отодвинуть партократию от власти. С этим связана и конституционная реформа, и попытка провести первые выборы — сначала в 1936-м, потом в 1937 г. — на альтернативной основе, для того чтобы отодвинуть от власти тех людей, кто и составлял Центральный Комитет — первых секретарей краев, обкомов, республиканских компартий. Все эти люди участвовали в Октябрьской революции, в Гражданской войне, выдвинулись в этот момент, а в период первой пятилетки стали неограниченными владыками, этакими «средневековыми баронами» на вверенной им территории. Но практически все они были малограмотными, редко у кого было даже среднее образование. А чтобы руководить даже частью страны с уже построенными заводами, комбинатами, нужно было обладать образованием более серьезным. Отсюда — первая попытка Сталина в 1936–1937 гг. отодвинуть именно такого рода партократов и вторая — в январе 1944 г., когда был подготовлен проект постановления Пленума ЦК — единственного за всю войну, — где функции партии ограничивались агитацией и пропагандой и участием в подборе кадров. Во все остальные сферы жизни партия, если бы прошел этот проект, не могла бы вмешиваться никоим образом.

Ещё один момент, важный для понимания того, что такое «сталинизм», — это, с моей точки зрения, естественное стремление превратить страну в унитарное государство — целостное, не раздробленное по национальным регионам. Важность этой проблемы обнаружилась перед Второй мировой войной, когда оказалось, что после того, как в Красную Армию стали, наконец, призывать всех (а до этого призывали далеко не всех), очень многие новобранцы не могли выполнять команды командиров, ибо совершенно не знали русского языка. Кроме того, деление страны по национальностям дробило страну. В Библии говорится, что дом, разделенный изнутри, непременно рухнет. И Сталин, как старый семинарист, знал это и понимал, и пытался как-то изменить. Все это, как представляется, и есть тот «сталинизм», с которым впоследствии боролись, и то наследие, которое пытались преодолеть, но далеко не сразу.

После смерти Сталина во главе страны становится Маленков — человек, который разделял взгляды Сталина по указанным вопросам с конца 1930-х гг. Это тот самый Маленков, который в декабре 1937 г. написал Сталину записку о том, что репрессии в регионах приняли такой масштаб, что угрожают национальным интересам страны, и необходимо их немедленно остановить, поэтому предлагал свой вариант закрытого письма и потребовал созыва Пленума — того самого Пленума, который состоялся в январе 1938-го. На нем Маленков нелицеприятно, буквально указывая пальцем на первых секретарей, говорил о том, что они залили кровью

страну — кровью безвинных людей. И вот этот Маленков делает все для того, чтобы изменить положение в стране уже в марте 1953 г. Если раскрыть прессу той поры, легко увидеть, что уже 19 марта о Сталине перестали писать газеты, упоминать авторы статей — все! Он исчез, как будто его и не было. Страна жила по-иному. И именно в этот момент Маленков готовит Пленум, где предполагалось осудить «культ личности» без слова «Сталин». При этом главным объектом удара этого Пленума должна была стать партократия, и прежде всего агитпроп, который фактически и занимался раздуванием этого самого «культа личности» Сталина.

Одновременно Маленков предпринял еще одну важную акцию. Сначала в мае, затем в июне, как Председатель Совета министров СССР, он лишил партократию так называемых «конвертов», и отныне первый секретарь обкома или крайкома партии стал получать в 4–5 раз меньше, чем председатель край- или облисполкома. Мало этого, той же партократии отрезали «вертушку», отменили прочие привилегии. И вот тогда происходит еще одно очень важное событие — августовская сессия Верховного Совета, где Маленков выступил с предложением прекратить (во всяком случае, в нашей стране) гонку вооружений и направить все ресурсы, все силы страны на подъем жизненного уровня населения. Результат последовал незамедлительно: сентябрьский (1953) Пленум, на котором в нарушение Пленума мартовского ликвидируют систему коллективного руководства и снова создают должность первого секретаря и выбирают на нее Хрущёва. Затем в конце февраля — начале марта 1954 г. при подготовке выборов в Верховный Совет проходит дискуссия между Маленковым и Хрущёвым. Альтернатива: как нам развиваться — либо снова тяжелая индустрия и гонка вооружений, как предлагает Хрущёв, либо сокращение расходов на вооружение и все силы на мирное развитие, как предлагал Маленков. Собирается сессия Верховного Совета, и практически каждый выступавший на ней высказался по этой спорной проблеме. Большинство — в поддержку Хрущева.

Так, с моей точки зрения, началось «полное преодоление» наследия Сталина, т. е. снова — тяжелая индустрия, пушки вместо масла, власть партократам вне зависимости от их способностей, знаний, образования и опыта. Чем это все кончилось, хорошо известно…

Вопрос из зала. Юрий Николаевич, вы сказали, что своей реформой, так называемой конституционной, второй половины 1930-х гг. Сталин стремился сократить власть партократов. А, простите, кто составлял опору власти Сталина, не эти ли самые партократы?

Ю.Н. Жуков. Нет.

Вопрос из зала. Они исчезли? Одни заменились другими?

Ю.Н. Жуков. Нет, они не исчезли. В тот момент широкое руководство — члены ЦК, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий — это как раз те, кто не желал альтернативных выборов. Почему? Да потому, что все, что они сделали за несколько лет коллективизации и индустриализации, означало одно: при тайном голосовании никто за них не проголосует. Когда за них не проголосуют как за депутатов Верховного Совета, в ЦК им, несомненно, скажут: тебя население твоей области, твоего края не поддерживает. Как ты можешь возглавлять партийную организацию?.. И это было бы бескровное отстранение полуграмотной партноменклатуры от рычагов власти.

Вопрос из зала. При Сталине хоть раз были альтернативные выборы?

Ю.Н. Жуков. Нет, хотя в 1937 г. и был принят избирательный закон, в котором четко предусматривались альтернативные выборы. Именно развязав репрессии, партократия и создала ту ситуацию, при которой альтернативные выборы были уже невозможны. Они неизбежно привели бы к гражданской войне. Поэтому тогда пришлось от них отказаться.

Вопрос из зала. Юрий Николаевич, у вас есть биографические данные руководителей, о которых вы сказали, что это были малограмотные участники Октябрьской революции? По моим данным, малограмотные участники Октябрьской революции к тому времени уже сошли с политической арены. Это были другие люди, люди другого типа.

Ю.Н. Жуков. В рукописи моей книги, посвященной политическим реформам 1933–1937 гг., даны краткие биографические справки о большинстве этих людей с указанием, какое у них образование (чаще всего — городское училище, т. е. двухклассное, подчас это в лучшем случае, а иногда и никакого не было) и их роль в революции и Гражданской войне. Вся их карьера начиналась в 1917 г. Приведу такой простой пример, чтобы немного отодвинуться от чистой политики.

Все знают балерину Майю Плисецкую и знают о том, что её отца репрессировали. Обычно она называет должность отца — консул на Шпицбергене. На самом деле он был директором треста «Арктикуголь», управляющим тремя угольными шахтами на Шпицбергене. Вот его биография: до революции никакого образования, ученик часовщика. После революции — старший следователь Киевской и Одесской ГубЧК, два года работы там, работы настолько тяжёлой, что он заболел и поехал в Москву лечиться. Потом он возглавил животноводческий совхоз в Казахстане, в Московской области. Затем перешёл во Внешторг и торговал кружевами и бочкотарой, а ещё позже — принял предложение руководить работой шахт. Вот пример ярчайший, с моей точки зрения, биографии человека, который попал под молот репрессий. И если брать высший начсостав страны, то у них были примерно сходные биографии.

Вопрос из зала. Можем ли мы сказать, что знаменитый спор между Лениным и Сталиным по национальному вопросу история все-таки разрешила в пользу концепции Сталина?

Ю.Н. Жуков. Я бы ответил положительно, потому что результатом ленинской национальной политики и образования СССР стал 1991 г.

Реплика из зала. Хотя Сталин тоже не довел до конца то, что мог бы.

Ю.Н. Жуков. Он не мог. Поскольку не был всевластен: он не мог перешагнуть ни через Политбюро, ни через ЦК, и если голосовали против…

Реплика из зала. Вы же сами пишете, что Политбюро не собиралось…

Ю. Н. Жуков. Оно собиралось, но не официально.

Вопрос из зала. Как это так?

Ю. Н. Жуков. Отвечаю: да, не было протокольного заседания Политбюро, но фактически члены Политбюро, входившие в узкое руководство, собирались регулярно, практически каждый день. Да, это не регистрировалось как заседания Политбюро, но те же люди действовали и обсуждали важнейшие вопросы, принимали по ним решения. Дело же не в «шашечках» на такси, а в том, чтобы ехать.

Вопрос из зала. Простите, единоличной диктатуры Сталина не было?

Ю.Н. Жуков. Я 10 лет штудировал все документы, которые только сегодня доступны, и немножко те, которые и сегодня недоступны, но не обнаружил, что Сталин был всесилен. Не обнаружил!.. Если вы такие документы найдёте, я подниму руки и сдамся вам тут же. Тут же! И откажусь от своих воззрений.

Глава 3

Другой взгляд на Сталина

Для меня Сталин — исторический персонаж[127]

«Иной взгляд» на Сталина у меня, как историка, сложился в результате изучения подлинных документов, относящихся к первым послереволюционным десятилетиям нашей истории. Принимаясь за работу с архивными материалами, никаких готовых суждений или оценок я в голове не держал. Следовал только подлиннику. И неожиданно обнаружил нечто такое, что не укладывалось в традиционные стереотипы: например, что Сталин никогда не рвался к власти и не был единоличным, полновластным правителем.

После смерти Ленина в начавшейся в Политбюро борьбе леворадикалов (Троцкий, Зиновьев, Каменев) с праворадикалами (Бухарин, Рыков, Томский) по вопросу о мировой революции Сталин не участвовал. Считал, что надо не дискутировать, а, взяв курс на

индустриализацию, заняться своими внутренними насущными делами. Но, будучи в Политбюро седьмым членом, Сталин оставался в одиночестве. В 1926 г. даже подавал в отставку, которую Пленум не принял. Другой пример более позднего времени. Январь 1944 г. Уже ясно, что исход войны предрешен, что нас уже ничто не остановит и мы дойдем до Берлина, а может быть, и до Атлантики.

Сталин знал, что страна, разделенная по национальному признаку на союзные и автономные республики, неустойчива. Это может привести к неисправимым последствиям. И поэтому он при поддержке Молотова и Маленкова принимает решение, которое вынашивал еще в первой половине 1930-х гг.: попытаться изменить политический строй страны. Для начала они предлагали по сути дела ликвидировать партию.

Выглядело это, конечно, не так страшно. Говорилось, что существует две системы власти — государственная и партийная. Партийные структуры, забирая себе самых лучших людей, юридически ни за что не отвечают. Они могут предлагать, контролировать. Но всё делают советские структуры, они же и несут ответственность за выполнение конкретных решений. Во всяком случае, так было тогда.

Проект постановления ЦК, подготовленный группой Сталина, предлагал все функции по управлению страной передать советским структурам. А за партией оставить только агитацию, пропаганду и участие в подборе кадров. Три члена Политбюро подписали этот проект, остальные задробили. Он не был даже вынесен на Пленум ЦК. Участники Пленума так и не узнали, какая готовилась под них мина.

Ещё в 1917 г. Сталин, выступая против предложения Ленина, отстаивал линию на то, чтобы послефевральская Россия оставалась единой страной. Никаких национально-территориальных единиц, никаких автономий! Он был прав. В марте — апреле 1917-го страна начала распадаться. И Сталин оказался главным человеком, который заново соединил разорванные части недавно единой страны.

Дело в том, что Сталин был единственным в партии специалистом по национальному вопросу. И до 1917 г. Ленин писал, что по этому делу следует обращаться к нему. Так вот, подготавливая Конституцию 1918 г., первую за всю 1200-летнюю историю существования нашей страны, Сталин не предусматривал деления России по национальному признаку. Российская Федерация состояла из областей, в которые входили 2–3 — 4 губернии, связанные между собой исторически и экономически. Иногда они назывались республиками. Например, Крым с прилегающим северным Причерноморьем назывался Таврической республикой. Такой видел Сталин Российскую Федерацию.

Когда образовался СССР, Троцкий с наслаждением писал, что им удалось выкрутить Сталину руки и заставить его подготовить новую Конституцию на основе национально-территориальных единиц.

Но главная опасность заключалась в том, что леваки вынудили создать союзные республики. Почему все они — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Рыков, Бухарин — настаивали на создании СССР? Да потому, что считали: через месяц или год в Германии победит революция. И будет неудобно, чтобы страна с такой, как у немцев, индустрией, с таким организованным рабочим классом вступала в состав отсталой сельскохозяйственной России. А вот форма союза позволит им соединиться. Как образец этого были придуманы Украинская, Белорусская, Закавказская союзные республики. Такая же участь уготавливалась Польше, Чехословакии, Венгрии, где тоже должна была бы победить революция.

Когда я начинал писать свои книги, то просто этого не знал. Оказывается, прав был Павел Николаевич Милюков, глава кадетской партии, создатель белого движения, который в конце 1930-х гг. писал Сталину панегирик. А когда началась война, в передовице своей газеты «Последние новости» Милюков призывал эмиграцию поддержать СССР и Сталина в борьбе против немцев. Чем глубже я залезаю в документы, тем больше убеждаюсь, что в XX веке в

нашей стране было только два настоящих государственника, которые радели не о своих политических интересах, а о стране, чтобы она сохранила целостность, была мощной, экономически современной державой. Это были Милюков и Сталин.

Вот почему у меня в книгах Сталин «иной» — как с точки зрения Зюганова, так и с точки зрения Немцова и им подобных.

Репрессии есть, были и будут в любой стране мира. Просто они различаются друг от друга цивилизационным уровнем. В частности, комфортность тюрем в США не сравнима с таковыми во многих других странах. Вот, говорят, какие нехорошие большевики — депортировали немцев, чеченцев, крымских татар. И забывают, что немецкие колонисты стреляли в спину нашим солдатам. Чеченцы служили под нацистскими знаменами. Севастополь пал потому, что крымские татары провели фашистов в наш тыл. Американцы тоже после нападения Японии на Перл-Харбор в 24 часа выслали этнических японцев в пустыню Невады, где в условиях концлагеря они оставались до конца войны.

В 1937 г. в разгар массовых репрессий во всем Советском Союзе под следствием, в тюрьмах и лагерях находились 1,2 млн. человек. Сегодня в России насчитывается 1,1 млн. заключённых. Эти цифры говорят о том, что в нашей стране слишком много людей, склонных нарушать закон, — воров, мошенников, взяточников, казнокрадов, растратчиков и других, — как тогда, так и теперь. В 1937 — 1938-м они составляли подавляющее большинство заключённых. Беда была в том, что судебные органы осуждали всех подряд по 58-й статье.

Тут же на ум приходят пресловутые «тройки». А кто их придумал? Не кто иной, как Столыпин, которого сейчас поднимают на щит. Он ввёл военно-полевые суды, когда три офицера имели право рассматривать дело, судить и приговаривать к смертной казни через повешение. Столыпинские галстуки! Кстати, у нас эти «тройки» долго не просуществовали: в 38-м их отменили и пострадавшим — около миллиона человек — вернули все гражданские права. Период репрессий я называю второй гражданской войной.

* * *

Тысяча девятьсот двадцать третий год. Нэп кардинально не изменил жизни народа. Безработица, забастовки экономического характера, невыплата зарплат. Не хватает квалифицированных кадров. Партократия, чиновничество в силу своей профессиональной некомпетентности, отсутствия опыта и образования не могли управлять экономикой, хозяйством страны.

Герои революции, они умело махали шашкой, крепко держали в руке «маузер», произносили пламенные речи. Но имели 4 — 5-классное образование. А чтобы строить Магнитку, нужны были инженеры. Надо было поднимать промышленность, налаживать производство. Даже не по злому умыслу, а по причине своей абсолютной неподготовленности они завалили первый и второй пятилетние планы.

Сталин понимал: просто так за развал работы их не снимешь. И придумал идеальный ход — всеобщие, тайные, прямые и, главное, альтернативные выборы. После всех перекосов и перегибов коллективизации и индустриализации население вряд ли проголосует за своего первого секретаря. Однако попытка освободиться таким образом от партийного чиновничества привела совсем к другому результату.

На Пленуме в 1937 г., который должен был одобрить проект избирательного закона, предусматривавшего альтернативные выборы, партийные руководители один за другим объясняли товарищу Сталину, что они, дескать, не против, да вот их местный НКВД вскрыл очередную антисоветскую повстанческую организацию, и пока с ней не покончено, проводить альтернативные выборы нельзя.

Проигнорировать такую постановку вопроса было трудно, поскольку многие действия Сталина вызывали неприятие в верхушке партии. Его усилиями страна вступила в Лигу Наций, которая считалась «орудием империализма», а также был заключен антигерманский оборонительный союз с Францией и Чехословакией, что по существу стало формой воссоздания Антанты и обостряло конфликт с «ленинской гвардией». В 1935 г. началась фактическая ликвидация Коминтерна и замена его народными фронтами, вскоре победившими во Франции и Испании. Компартиям предлагалось, если они хотят получить власть, действовать парламентским путем. Все это уже отдавало ревизионизмом. Ничего не стоило обвинять Сталина в оппортунизме, естественно, с дальнейшими последствиями.

Прокатилась новая волна репрессий. В ход партократы пускали все — сведение личных счетов, шельмование. Обычные недоработки подавались как контрреволюционные проявления. Разразившийся мировой кризис усугублял тяжелое экономическое положение в стране. Мы по уши сидели в долгах, начатые стройки требовали и средств, и сил. Вот тут и пригодилась даровая рабочая сила — заключённые. Хочу, однако, напомнить, что примерно 90 % сидящих в тюрьмах и лагерях были уголовниками.

Это трагическое событие — убийство С. М. Кирова — обросло легендами и домыслами особенно. Ходили слухи о причастности к нему Сталина. По первой версии совершенное убийство рассматривалось как бытовое преступление наличной почве. Николаев, стрелявший в С. М. Кирова и тут же пытавшийся убить себя, оставил предсмертную записку, в которой заявлял, что содеянное им следует считать актом «против несправедливого отношения к живому человеку», то есть к нему. Дело в том, что член ВКП(б) Л. В. Николаев был исключён из партии за отказ от мобилизации на железную дорогу. Исключение, однако, заменили строгим выговором.

Как сообщила на допросе его жена (сотрудница обкома партии), оставшись безработным, Николаев пребывал в подавленном душевном состоянии. До этого трудился на заводе, на освобожденных должностях по линии комсомола. Человек психически нездоровый, о чем свидетельствовало лечение в соответствующем учреждении, в момент покушения он находился в состоянии «истерического припадка и сильного сужения поля сознания».

Первоначальную версию отменили, когда Николаев на допросах стал признаваться в связях с оппозиционерами-троцкистами. Появилась в деле и такая интересная деталь. В его записной книжке обнаружили номер телефона и адрес германского консула Рихарда Зоммера, который в день убийства покинул Советский Союз. Свидетели показали, что Николаев, бывало, посещал «Торгсин», откуда выходил с покупками.

В газетах официально было сообщено, что убийство тов. Кирова — «дело врагов рабочего класса, зиновьев-ской антипартийной группы».

Сталин отношения к убийству не имел. Он воспользовался им для того, чтобы расправиться с оппозицией, которая тормозила развитие страны. Прибег к крайним мерам, чтобы вынудить членов ЦК отказаться от старой избирательной системы, изменить Конституцию и поддержать его курс на создание сильного, крепкого государства, способного защитить себя от врага.

То, что мне удалось в процессе изучения архивных материалов обнаружить или, если угодно, открыть, — только первый шаг в установлении объективной картины деятельности Сталина в 1920 — 1930-е гг. Ведь еще не открыт его личный архив. Меня же эта гигантская фигура XX века интересует как исторический персонаж, так же, как, например, Александр Македонский или Петр I.

Сталин: иной взгляд[128]

Сталин задумывал демократические реформы, частью их могли стать многомандатные выборы в Верховный Совет СССР, порядок которых должен быть утвержден практически одновременно с Конституцией 1936 г. Но партократия, чью власть он стремился обуздать,

нанесла ему поражение, не позволила довести начатое до конца. Более того, именно неудача этих реформ стала главной причиной «большого террора».

Пушкинский кремль на страже Сталинских секретов

— Юрий Николаевич, думаю, и вы заметили, что как только общество ставится перед выбором, на него неизменно наваливают кучу исторических легенд, и дикторы на фоне старой кинохроники принимаются соревноваться в язвительных комментариях. Нынешний этап развития не исключение. Любой непредвзятый зритель обратит внимание на то, как в передачах на исторические темы, которыми начали нас обильно потчевать, ложь перемешивается с недосказанностью, и нам предлагается оценивать не действительные события, а словесную эквилибристику мнений.

— Всякого рода фантазий на исторические темы хватало и раньше, довольно их и сегодня, но особенно обильно они сыпались на нас в период «перестройки», когда общество стояло перед решающим выбором. В то время сознательно было сделано одно черное дело, последствия которого мы еще долго будем пожинать. Реформаторы считали, что нужно было любыми способами опорочить существующий строй, и использовали для этого грубую пропаганду, часто опиравшуюся на фальсификацию истории. В те годы была опробована беспроигрышная схема: существующий строй неизбежно порождает ГУЛАГ, поэтому выбирать надо «демократию», которая обязательно принесет свободу. В результате у широких слоев населения возникло ожидание скорого чуда. Но его не произошло, и подъем сменился разочарованием.

Чаще всего в качестве классического примера приводят английскую демократию. Но никто не хочет напомнить, что первый парламент появился в Англии в XIII веке. У нас об этом говорить не принято, иначе придется честно заявить, что ни за 15, ни за 30 лет нельзя создать нормально действующие парламентские партии. И несбывшиеся надежды долго еще будут потрясать общество.

— **Что мы хотим узнать, изучая историю?**

— Надо полагать, не любопытство к жизни предков, а стремление заглянуть в будущее подталкивает наше внимание к истории. Нельзя построить траекторию движения, имея только одну точку — сегодняшний день. Поэтому обязательно нужно взять несколько точек в прошлом, тогда возникнет линия, которая покажет, где мы находимся и куда идем. Правильно позиционировать эти точки и есть главная задача историка.

— **Но и в прошлом, и теперь мы изучаем историю, т. е. строим свою траекторию, исходя не из действительно происшедших событий, а на основе выдумок, подстроенных под политическую конъюнктуру. И таким образом, мы не можем точно ни сказать, где мы есть, ни спрогнозировать, куда движемся.**

— Вы хотите сказать, что свою общественную функцию мы выполняем скверно. Вы коснулись очень больной для историков темы. Во всем мире существует мораторий на широкий доступ к тем или иным документам. Обычно он длится 30–50 лет. И это правильно. События вчерашнего дня, свидетелями которых было живущее поколение, слишком еще горячи для непредвзятого изучения, последствия их не ясны. А вот через 50 лет во всем мире перед учеными открываются архивы. Но только не у нас.

Что произошло после смерти Сталина? Кто изменил курс? Об этом могли бы поведать, скажем, материалы отдела административных органов ЦК КПСС. Но до сих пор, хотя уже и КПСС давно нет, ни одного документа этого отдела получить невозможно. Внешняя политика от ноября 1917 г. засекречена, не говоря уж об архивах ФСБ. Иными словами, даже сегодня,

при действующей Конституции, где есть статья о свободе информации, историк нигде интересующей его информации не получит. Но приезжают иностранцы, платят деньги руководству архивов и знакомятся, с чем хотят. А потом мы черпаем информацию по истории родного Отечества из иностранных источников.

Господа парламентарии, давайте примем закон, который обязал бы все ведомства не препятствовать знакомству с документами старше 50 лет. А то доходит до смешного: узловой момент отечественной истории — убийство С. Кирова, а все следственные документы по нему засекречены. Представляете! Это при том, что эта тема мусолится 75 лет. Я не беру «секретный» доклад Хрущёва на XX съезде, где рассказывается об убийстве Кирова. После него эту историю изучали 4 комиссии ЦК КПСС. Последняя была создана во времена Горбачева под председательством Александра Яковлева. Вы видели где-нибудь опубликованные результаты деятельности этих комиссий? Всякий раз находится какой-нибудь оракул, который бездоказательно излагает нам свою версию событий.

Выстрелы в Смольном

— Понятно, почему при Сталине материалы следствия по делу об убийстве Кирова были засекречены, ясно, почему с ними не давали знакомиться при Хрущеве. Но сейчас-то почему они недоступны для изучения?

— Объяснение только одно: в умах людей убийство Кирова остается ярким примером злодеяний Сталина, и имеется много влиятельных людей, заинтересованных в сохранении этого мифа. Представьте только, сколько диссертаций, статей, книг посвящено этой теме.

— Считается, что выстрелы в Смольном породили волну широких репрессий. Если это месть, то почему она вскоре обрушилась на людей, чрезвычайно далеких от Кирова, Сталина и вообще руководства?

— Дело в том, что убийство ленинградского лидера произошло в очень неудачный момент для Сталина и его ближайшего окружения, так называемой «центристской группы», в которую помимо генсека входили Молотов, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе. Примыкал к ним и Киров. Именно на конец 1934-го «центристы» намечали старт «нового курса» — комплекс реформ либерального толка в области внутренней и внешней политики. Корнем их должна была стать новая Конституция и новый избирательный закон. С точки зрения леворадикальных коммунистов, имевших большое влияние в ЦК и партии в целом, эти реформы могли быть расценены как отступничество от дела Ленина и революции. Иными словами, они были чрезвычайно опасны для «центристов».

Вышла моя книга под названием «Иной Сталин», где я раскрываю историю убийства Кирова на основании документов, которые видел в архиве ФСБ и бывшем партийном архиве. Но мне нельзя на них ссылаться — государственная тайна.

Я исследовал каждый шаг С. Кирова в тот роковой день — 1 декабря 1934 г. И со всей ответственностью могу утверждать, что Киров погиб не в результате какого-то заговора, его убил психически невменяемый Николаев. Причины две. Николаева исключили из партии, потом восстановили со строгим выговором. Этот парень, у которого за душой была лишь половина начального образования, полагал: раз он вступил в партию, ему должны сразу дать высокую должность. Но ему ее не давали, за что он очень обиделся на партию, на Сталина, на секретаря Ленинградского обкома С. Кирова. Ко всему прочему он узнал, что его жена Милда Драуле стала любовницей Кирова. Сергей Миронович был женолюбом, завсегдатаем кулис Театра оперы и балета. Люди, жившие в начале 1930-х годов в Ленинграде, рассказывали, какие оргии устраивал Киров во дворце Кшесинской, который был главным его обиталищем (в своей квартире на Каменноостровском проспекте он практически не жил). Жалоб на него, как на Клинтона со стороны Моники Левински, не было. Все им были довольны.

Ленинградские чекисты сразу поняли, что имеют дело с «бытовухой», и мигом разыскали Драуле, начав допрашивать ее уже через пятнадцать минут после выстрелов. А их, как известно, было два — Николаев сперва стрелял в Кирова, потом — в себя, но неудачно.

Поскольку эта в общем-то некрасивая история, скорее, свидетельствовала о слабости ближайшего окружения Сталина — «центристской группы», он мог опасаться, что его политические противники используют ее для атаки на его «новый курс». Он поспешил перехватить инициативу и сам стал разыгрывать политическую карту. Во всяком случае, сразу после отъезда Сталина из Ленинграда, куда он приезжал на похороны, следствие полностью отказалось от бытовой версии и стало превращать убийство в широкий заговор с целью захвата власти.

— **А как же версия, согласно которой Сталин руками Николаева устранил своего главного соперника, который на XVII съезде партии получил голосов больше, чем «вождь и учитель».**

— Это ещё одна легенда, с которой нам предстоит расстаться. Брякнув эту чушь в своем «секретном» докладе на XX съезде, Хрущёв потом приказал почистить архивы так, что сегодня там сплошь и рядом наталкиваешься на записи: «Страницы изъяты». Навсегда! Без возвратно! Однако в любом случае результаты голосования не могли повлиять на положение Сталина: ведь съезд избирал только Центральный Комитет, а уже члены ЦК на своем первом Пленуме избирали Политбюро, оргбюро и секретариат.

Сталин чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не подчеркивать свою «особость». После XVII съезда он отказался от титула генерального секретаря и стал просто секретарем ЦК, одним из членов коллегиального руководства наравне со Ждановым, Кагановичем и Кировым. Сделано это было, повторяю, не вследствие перетягивания каната с кем бы то ни было из своего окружения, а по собственному решению, которое вытекало из «нового курса».

— **А гибель личных охранников, о которой так подробно рассказывал на XX съезде Хрущёв?**

— Действительно, в автокатастрофе погиб охранник Кирова Борисов. Но он не был личным телохранителем, как говорил Хрущёв на съезде, а лишь одним из трёх чекистов, охранявших верхний этаж Смольного, где находился кабинет Кирова и в коридоре которого его застрелили. Вообще все рассказы о том, что Кирова застрелили в пустом коридоре, чистый вымысел. Напротив, свидетели показали, что в коридоре было необычно много народа.

— А **где револьвер Николаева?**

— Хранится в ФСБ.

— **Можете вы утверждать, что благодаря вашим изысканиям тайн вокруг убийства Кирова больше не существует?**

— Кроме одной. В процессе следствия выяснилось, что Николаев несколько раз посещал германское и латвийское консульства. А рано утром 2 декабря, после того как было сообщено по радио о трагедии в Смольном, консул Германии Рихард Зоммер внезапно, без обычной процедуры уведомления уполномоченного Наркомата иностранных дел, выехал в Финляндию. Был ли этот отъезд связан с выстрелами в Смольном или нет, остается загадкой.

Эхо выстрелов

— **Вслед за убийством Кирова последовал первый виток репрессий. Было организовано несколько политических процессов, главными обвиняемыми на**

которых были недавние соратники вождя Зиновьев, Каменев и их последователи. Чем была обусловлена эта акция?

— Помимо них на скамье подсудимых оказались все ближние и дальние родственники Николаева. Сама М. Драуле, её сестра О. Драуле и ее муж Р. Кулинер были расстреляны как соучастники. Всего на пяти процессах к расстрелу приговорили 17 человек, к тюремному заключению — 76 человек, к ссылке — 30 человек. 988 человек было выслано. Затронула столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но пока лишь зиновьевской группы. Кроме того, было выслано около 12 тыс. «социально чуждых элементов»: бывших дворян, сенаторов, генералов, интеллигенции.

Любопытная деталь. 23 апреля 1935 г. Политбюро приняло постановление о «скупке ценных литературных архивов, принадлежащих выселяемым из Ленинграда лицам». На эти цели из резервного фонда Совнаркома было ассигновано 30 тыс. рублей.

Конечно, репрессии не были чужды сознанию революционеров. Но Сталин стал опасаться, что его курс на демократизацию, центром которой должна была стать новая Конституция, потерпит неудачу. И будучи готов провести его любой ценой, даже путем жестоких репрессий, развязал руки НКВД.

— **Вы все же не допускаете, что Г. Ягоде, возглавлявшему в то время НКВД, удалось-таки убедить Сталина в наличии заговора и на этом основании получить санкцию на широкие карательные меры?**

— Ни в коем случае. Косвенное доказательство — служба охраны высших должностных лиц после убийства Кирова оставалась без изменений еще почти два года. Она была образована в октябре 1920 г. как специальное отделение при президиуме коллегии ВЧК и насчитывала всего 14 человек. В 1930 г. спецотделение вошло в состав оперативного отдела ОГПУ, и возглавил его К. Паукер. К 1943 г. численность его составляла немногим более ста человек. Дело в том, что если на первых порах спецотделение обеспечивало охрану лишь Ленина, Троцкого и Дзержинского, то начиная с 8 июля 1927 г. — всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК (они же и руководители СНК СССР). Лишь после назначения Ежова наркомом внутренних дел в составе ГУГБ 28 ноября 1936 г. образовали самостоятельный первый отдел (охраны).

— **Попытаемся восстановить цельную картину. В 1934 г. страна начинает выходить из изоляции — устанавливаются дипломатические отношения с Румынией и Чехословакией. Начинается либерализация жизни, люди возвращаются из заключения, в 1935 г. власти разрешают ставить на Новый год елки и устраивают молодежные балы, отменяется карточная система (с 1 января 1935 г. на продовольствие, а с октября на ширпотреб), в армии вводятся новые звания, появляется новая награда «Герой Советского Союза». И практически параллельно на основании выдуманных обвинений начинаются процессы после убийства Кирова в Ленинграде. В заключение отправляются бывшие товарищи вождя, а вместе с ними под судом оказываются десятки недавних соратников, крупных партийных и хозяйственных работников. Один за другим идут показательные процессы. Доходит очередь и до Бухарина. Все это как-то вместе не вяжется.**

— А я не вижу здесь больших противоречий. Повода для расправы с бывшими соратниками Сталин не искал, иначе репрессии начались бы на год раньше. В 1933 г. в Сочи, где тогда отдыхал Сталин, пограничниками случайно был обстрелян катер, на борту которого был генсек, а чуть позже в легковую машину, на которой он ехал, врезался грузовик с пьяным

водителем. Более убедительных поводов для начала репрессий и придумать трудно. Но в то время репрессии ему были не нужны.

Ведь на самом деле Сталин не был параноиком и патологическим убийцей, как пытались представить многие авторы. Террор он рассматривал как инструмент политики. Несомненно, он опасался организованного сопротивления со стороны членов ЦК своим новым реформам. Несомненно, он считал, что для воплощения задуманного лучше всего подходит атмосфера страха и неуверенности, когда воля к сопротивлению подавлена, всеобщая подозрительность и доносы практически полностью исключают сговор в среднем звене руководства. Создать такую обстановку можно беспощадным террором, направленным против бывшей верхушки партии.

Помимо этого Сталин не без основания опасался обвинений в предательстве «дела Ленина», оппортунизме, отходе от идеи диктатуры пролетариата, пролетарского интернационализма и т. д. Последовать эти обвинения в первую очередь могли от активистов разгромленной оппозиции, среди которых было изрядное число высокообразованных марксистов, разбирающихся в тонкостях теории, и соратников Ленина. На них он и обрушил первую волну репрессий. Что же касается этических соображений, то я не думаю, что они его хоть чуть-чуть мучили.

Гитлер как катализатор Сталинских реформ

— **Вы говорите «Сталин и демократизация», «Сталин и новый курс». Прямо скажем, не очень привычные понятия. Что подтолкнуло его к новой политике?**

— Скорее всего, к либерализации внутренней жизни Сталина подтолкнул приход Гитлера к власти. Но начать придётся издалека.

После смерти Ленина наиболее реальными претендентами на роль главы партии были Троцкий, Зиновьев и Бухарин. Их соперничество как раз и не позволило ни одному из них стать главой государства. Состязались они друг с другом фактически на одной идейной платформе, хотя и разделились на левое и правое крыло. Я не хочу вдаваться здесь в право-левые уклоны, давайте лучше посмотрим, что их объединяло. Такие идеи, как необходимость диктатуры пролетариата на длительный период, неизбежность революционных войн, борьбы с главным врагом — социал-демократизмом, преданность пролетарскому интернационализму, — все это не вызывало разногласий у тройки. А на первых порах и у Сталина.

Как и идея фикс руководства 1920-х гг. — мировая революция. Все, начиная с Ленина, считали, что главная цель и Коминтерна, и Советского Союза — любым способом помочь в ближайшие годы раздуть пожар мировой революции, итогом которой станет создание единого Мирового социалистического государства. С уверенностью можно утверждать, что победа любого из тройки обернулась бы войной со всем миром.

Приведу несколько фраз «любимца всей партии» Бухарчика. О диктатуре: «Опыт указывает на необходимость самой решительной, действительно *железной* диктатуры рабочих масс». Святая вера в скорую победу мирового пролетариата: «Однако, чем дальше развиваются события, тем резче выступает на первый план момент *классовой войны».* По поводу Лиги Наций: «Знаменитый «союз народов», о котором буржуазные пацифисты прожужжали все уши, все эти «Лиги Наций» и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-предательские банды, на самом деле суть *не что иное, как попытки создания священного союза капиталистических государств на предмет совместного удушения социалистических восстаний».* О демократии: «Пролетариату нужна была раньше демократия потому, что он *не мог* еще реально помышлять о диктатуре».

Но, в конце концов, вся троица оказалась отстраненной от власти.

— **Чувствуется, Бухарин не вызывает у вас симпатий?**

— Я историк и привык оперировать фактами, а не руководствоваться эмоциями. У нас из Бухарина сделали незапятнанного агнца. Но это очередная легенда. Вообще понятие палачей и жертв по отношению к соратникам Сталина следует уточнить. Сразу после процесса над Каменевым, Зиновьевым и их товарищами главный редактор газеты «Известия» Н. Бухарин писал К. Ворошилову: «Циник-убийца Каменев — омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад». А до 1932 г. Бухарин как секретарь ЦК курировал ОГПУ, и ни один арест, ни один процесс тех лет не организовывался без его участия. А это и «дело Промпартии», и «Шахтинское дело», и другие акции. То есть у кого руки в крови, так это у того же Бухарина.

— **Когда взгляды Сталина стали меняться?**

— После неудачи революции в Китае (Кантонского восстания), на которую возлагалось столько надежд. А после провала революции в Европе до Сталина, до Молотова, ещё до некоторых дошло, что надеяться на мировую революцию не то что в ближайшие годы, даже в ближайшие десятилетия вряд ли следует. Тогда-то и возникает курс на индустриализацию страны. Группа «левых» коммунистов считала его ошибочным.

Давайте рассудим: кто в этом споре был прав. Россия убирала хлеб косами, которые покупала у Германии. Мы уже строили Турксиб, вторую колею Транссибирской магистрали — а рельсы покупали в Германии. Страна не производила ни электрических лампочек, ни термометров, ни даже красок. Первая карандашная фабрика в нашей стране, прежде чем ей присвоили имя Сакко и Ванцетти, называлась Хаммеровская. ГАЗ купили у Форда, Ростсельмаш — тоже у американцев, а первый авиационный завод в Филях был построен немцами. То есть, по нынешним меркам, Россия походила на центральноафриканскую страну.

— **Приходится слышать, что отсталость России — это плата за революцию. Накануне мировой войны эта была передовая держава, и если бы не свернула с пути «цивилизации», то достигла бы небывалого расцвета.**

— Несомненно, Гражданская война нанесла огромный ущерб экономике страны. Но высокоразвитая предреволюционная Россия — это миф. Практически каждый третий год из-за неурожаев, из-за засухи страну потрясал голод. Но одновременно из губерний, где в это время не было недорода, помещики продавали зерно за рубеж. По промышленному развитию мы отставали не только от Великобритании, Франции, США, по производству металла уступали даже Бельгии. В мемуарах П. Милюкова, видного кадета и думца, читаем: «Первые известия о том, что на фронте неблагополучно, стали приходить к нам уже в конце января 1915 г. Снаряды и вооружение… были истрачены». Напомню, Россия вступила в войну в сентябре 1914 г., и с начала объявления войны прошло лишь 4 месяца. Именно тогда в Электростали под Москвой срочно стали строить завод по производству снарядов. Вот вам и развитая страна!

Стране нужно было обзавестись хотя бы самым необходимым. Потому и возникла идея индустриализации. Это стало почвой для конфликта между Сталиным и «правыми». Бухарин, Томский, Рыков придерживались несколько иной стратегии: да, мировая революция хоть и запаздывает, но неминуемо произойдет. А пока ее приходится ждать, Россия должна укреплять свою аграрную сущность. «Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получат громадный толчок в развитии», — писал Бухарин. Следовательно, индустриализация не нужна, поскольку рано или поздно нам достанется промышленность Советской Германии. Отсюда идея быстрой и решительной коллективизации сельского хозяйства, которой оказались привержены и Бухарин, и Сталин. И вот примерно с 1927 по 1930 г. лидерство в партии принадлежит этому дуумвирату.

И только с 1930 по примерно 1932 г. Сталин постепенно выходит на роль лидера, что, впрочем, ещё далеко не очевидно. Вплоть до середины 1935 г. все говорят о «центристской группе»: Сталин — Молотов — Каганович — Орджоникидзе — Ворошилов.

Думаю, после того как в Германии на выборах в рейхстаг фашисты получили 13,8 млн. голосов избирателей, среди которых было значительное число рабочих, Сталин окончательно утвердился в идее «нового курса». Способствовало этому в первую очередь то, что он ощутил угрозу войны и понял, что Советский Союз должен выходить из изоляции. В это время крайне обострилась ситуация и на Дальнем Востоке, так что приходилось считаться с возможностью войны на два фронта. Необходимо было создавать систему международной безопасности. Но, имея в качестве государственной доктрины мировую революцию, найти союзников было невозможно. Иными словами, надо было громогласно отказаться от краеугольного камня ленинизма и при этом не сломать себе шею.

Основную задачу Сталин теперь видел во всемерном развитии экономики, подъеме благосостояния граждан и укреплении обороны страны. То есть помощь революционерам Бразилии, Китая отодвигалась на второй план, а на первый выходила защита национальных интересов. Новые приоритеты требовали смены внутреннего и внешнего курсов страны, то есть проведения полифонических реформ.

— **Но ведь Коминтерн продолжал существовать.**

— В 1935 г., в рамках своего «нового курса», Сталин фактически его упразднил. Последний конгресс состоялся летом 1935 г. В дальнейшем он существовал только как структура. Больше Коминтерн заметной роли никогда не играл.

— **Но почему тогда его было окончательно не разогнать?**

— Как опытный игрок, Сталин придерживал его в качестве разменной монеты. И его дальновидность оправдалась. В 1943 г. в обмен на открытие второго фронта он пообещал союзникам распустить Коминтерн. Всё-таки он продолжал внушать им страх.

— **Коминтерн распустили, а финансирование революционных движений продолжалось.**

— Только не при Сталине! Он вообще-то был скупердяй и деньги расходовал очень осмотрительно. Давайте разберёмся в этом вопросе. По-настоящему мы финансировали революционные движения в Германии — в 1918–1923 гг., в Польше — в 1923-м, в Болгарии — в 1923-м. В эти годы мы поставляли туда оружие, печатали листовки, газеты, готовили кадры и т. д. Это был в чистом виде экспорт революции. Но к 1928–1929 гг. мир успокоился: революций больше нет, а финансировать коммунистические партии Сталин не видит смысла. Взамен СССР включается в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР), своего рода политический Красный Крест. Это уже была честная, открытая помощь тем, кто страдал за свои убеждения от местных фашистских и диктаторских режимов.

— **А Испания?**

— Там мы помогали не коммунистической партии, а коалиционному правительству, кстати, законно избранному.

— **Подождите. Тогда выходит, что вал разоблачений в конце последнего десятилетия прошлого века тоже ложь?**

— Не совсем. При Хрущёве вновь началось финансирование братских партий и фактически произошла реанимация курса Троцкого и Зиновьева. Эта линия продолжалась и при Брежневе. Впрочем, рядом с обоими неизменно маячила фигура Суслова — истинного творца этого леворадикального ренессанса, отбросившего страну фактически к началу 1920-х гг.

— Но мы отвлеклись. Мы обсудили предпосылки возникновения «нового курса». Но почти не коснулись его сути.

— Прежде я хотел бы обратить внимание на такой недооцененный эпизод в нашей истории, как провал первого пятилетнего плана, утвержденного в апреле 1929 г. Произошел он, во-первых, потому, что мир охватил самый страшный за два века экономический кризис.

— Но благодаря кризису Советскому Союзу удалось прорвать кольцо экономической блокады и начать закупать столь необходимое оборудование, которое развитые страны отказывались продавать прежде.

— Однако эти позитивные частности не могли перевесить в целом катастрофических последствий мирового кризиса для нашей страны. В истории утвердилось мнение, что он нас не коснулся. Это не так. Большинство строек первой пятилетки осуществлялось под западные кредиты. Правительство закупало оборудование, нанимало иностранных специалистов, предполагая расплачиваться зерном, пушниной и сырьём. Но когда наступил кризис, кредиторы стали требовать деньги, а не нефть и марганец. А их-то и не было. Тогда правительство вынуждено было весь гигантский пяти летний план свернуть до 60 «ударных комсомольских» строек, в которые уже были вложены большие средства.

Была и вторая причина провала пятилетки — организационная. К началу 1930-х гг. удалось создать жесткую вертикаль управления. Она опиралась на республиканские и областные партийные организации, доминирующая роль в которых принадлежала первым секретарям партийных комитетов. Это были люди, преданные делу партии и мировой революции, за плечами у многих была революция и Гражданская война. Вот только грамоты им не хватало, часто они не имели даже среднего образования. Могли ли такие люди проводить экономическую политику, помогать строительству предприятий и пуску их в своих областях? Нет.

Сталин это понимал. Ясно ему было и то, что партийных бюрократов следует заменить квалифицированными людьми. Но как? Пленум — главный оплот ортодоксальной партийной бюрократии, представленной не только первыми секретарями, но и наркомами СССР, крупными партийными и государственными чиновниками, — где у Сталина не было уверенного большинства, легко отбил бы лобовую атаку. Заодно сместив всю «центристскую группу». Поэтому начал он издалека. Не называя пока имен, генсек обрушился на бюрократов с трибуны Пленумов и XVII съезда (январь — февраль 1934 г.). «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления… вот где источники наших трудностей». «Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов невзирая на их заслуги в прошлом», — говорил Сталин на съезде. Именно тогда появилось требование: руководитель не обязательно должен быть членом партии с большим стажем, он даже может не быть членом партии, но должен быть специалистом, должен иметь высшее образование и опыт работы по специальности. А чуть позже возник лозунг: «Кадры решают все!» Но обезличенная критика не решала проблемы. Нужны были нетрадиционные решения.

Реформы по Сталину

— Таким образом, идеи политических реформ зрели у Сталина с начала 1930-х гг., а окончательно сформировались после того, как Гитлер утвердился у власти, то

есть в конце 1933 г. Именно тогда, когда стало ясно, что над страной зреет смертельная опасность. И все же, Юрий Николаевич, чего же хотел Сталин?

— Поначалу предполагалось осуществить перемены во внешней политике. А затем должно было произойти то, о чем отнюдь не под сурдинку предупреждал Сталин: смена широкого руководства.

Новая внешняя политика предусматривала, как я уже говорил, отказ от разжигания мировой революции, заключение оборонительных договоров с капиталистическими странами. Одновременно происходил очень важный поворот: отказ от борьбы с социал-демократами, призыв к коммунистам других стран — в блоке с социал-демократами и другими течениями — добиваться большинства в парламентах для участия в формировании правительств.

Новый внешнеполитический курс должен был вывести СССР из политической изоляции и позволить создать блоки коллективной безопасности, направленные в первую очередь против фашистской Германии. Однако все попытки создать антифашистскую коалицию в начале 1930-х гг. ни к чему не привели. Англия, Польша и Франция, на которую возлагались самые большие надежды, отказались от военного антифашистского союза с СССР. Это была несомненная неудача «нового курса».

Понятно, что внешнеполитический поворот производился очень аккуратно, поскольку в партии и ее широком руководстве очень большим авторитетом пользовались старые большевики, которые продолжали мыслить категориями заговоров, уличных боев, тайных организаций и индивидуального террора. Несомненно, «центристская группа», превратившаяся к тому времени в «узкое руководство» (Молотов, Орджоникидзе, Каганович, Ворошилов, позже Жданов), опасалась, что на любом Пленуме их могут обвинить в ревизионизме и оппортунизме, исключить из партии и арестовать, поэтому действовала аккуратно, часто конспиративно.

Так, частью плана по созданию коллективной безопасности было вступление СССР в Лигу Наций. Но этот шаг был чреват для «узкого руководства» большими опасностями. Ведь эту международную организацию в полном соответствии с оценками Ленина у нас определяли как «ничем не прикрытый инструмент империалистических англо-французских вожделений… Лига Наций — опасный инструмент, направленный своим острием против страны диктатуры пролетариата». Почти год втайне от членов ЦК велись дипломатические переговоры. Наконец 18 сентября 1934 г. после ухода из Лиги Наций Германии и Италии по приглашению 30 стран в нее вступил СССР. Как тогда говорилось, чтобы использовать пребывание в ней для борьбы против фашистской агрессии и разоблачения пособничества агрессорам со стороны западных держав.

Во внутренней жизни задумывались еще более важные перемены. Обратите внимание, на съезде в 1934 г. Сталин заговорил о демократии: «Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей». Это абсолютно новый мотив в выступлениях советского руководства, который нельзя недооценивать. Некоторые положения буржуазной демократии должны были найти отражение в новой Конституции. Но главная цель ее создания — заменить существенную часть партократов специалистами, а потом постепенно ограничить и власть партии, а также продемонстрировать всему миру смену политики Советского Союза в сторону либерализации. К сожалению, ни одна из этих целей полностью достигнута не была.

Война против партократов

— Как же мог Сталин, сам будучи великим партократом, стремиться ограничить власть партии?

— Сталин хотел вообще отстранить партию от реальной власти. Поэтому и задумал сначала новую Конституцию, а потом провести на её основе альтернативные выборы. А следом

он намеревался принять новую Программу партии и Устав. Есть основания полагать, что партийные реформы могли быть еще более смелыми. Выступая на Пленуме в 1936 г., Сталин сказал: «У нас различных партий нет. К счастью или к несчастью, у нас одна партия». А как известно, необдуманных мыслей он не высказывал.

Ограничить власть партии, уравнять ее с Советами — несбыточная мечта Сталина. Хотя выполнить эту задачу в 1930-е гг. не удалось, она будоражила его воображение всю жизнь. Так, в январе 1944 г. решили собрать единственную за всю войну сессию Верховного Совета. Основной вопрос: создание во всех союзных республиках министерств иностранных дел и обороны в надежде сделать многие республики членами ООН. Как всегда, перед сессией собрался Пленум, а накануне — заседание Политбюро. На заседание Политбюро был вынесен необычный проект решения Пленума. Написан он был Молотовым и Маленковым, прочитан Сталиным. В проекте говорилось о том, что партийные органы всем руководят, но ни за что не отвечают. Такого положения больше допускать нельзя. В ведении партии следует оставить две функции: идеологическую работу и участие в подборе кадров. Во все остальные сферы партия не должна вмешиваться. Но этот проект не прошел даже через Политбюро. Эту идею Сталин пытался реализовать и после войны, но уже не успел.

Основной закон 1936 года

— В чём коренные отличия сталинской Конституции от предыдущей, по сути, ленинской?

— Если внимательно прочитать сталинскую Конституцию 1936 г., нетрудно заметить, что партия там появляется один-единственный раз в 125-й статье — сам номер уже говорит о многом. Это статья об общественных организациях. Там говорилось, что партия — это ядро общественных организаций. Не ведущая сила страны и общества, каковой она стала в брежневской Конституции, а всего лишь ядро общественных организаций.

В преамбуле Конституции 1924 г. говорилось, что мир раскололся на два лагеря, которые неминуемо сойдутся в битве. Победит лагерь социализма, и во всем мире появится одно-единственное государство и так далее. В новой — ничего подобного уже нет.

По новой Конституции выборы в Верховный Совет должны проводиться тайным голосованием. До этого они проводились по месту работы и осуществлялись простым поднятием рук. Новая Конституция предполагала наличие бюллетеней и урн. Интересно, что вначале хотели даже ввести конверты. То есть бюллетени должны были вкладываться в конверты, а потом опускаться.

Равными выборы не были ни при царе, ни до этого в Советском Союзе — у рабочих квота была в пять раз выше, чем у крестьян. А многие категории граждан — кулаки, священнослужители, бывшие помещики, жандармы и генералы — вообще были лишены избирательных прав. По новой Конституции избирательные права возвращались всем — это затрагивало интересы более 2 млн. человек, выборы становились равными и прямыми, то есть без выборщиков, как было всегда в России.

— Но ведь накануне завершилась коллективизация, и сотни тысяч крестьян были высланы или оказались в лагерях за ничтожные преступления. И едва ли можно было рассчитывать на их лояльность по отношению к власти. Как обстояло дело с ними?

— По предложению Генерального прокурора СССР А. Вышинского Политбюро утвердило решение о снятии судимостей с колхозников, осуждённых за мелкие хищения по так называемому закону о трёх колосках. В результате в год принятия Конституции и накануне предполагаемых выборов в Верховный Совет из мест заключения вернулось около миллиона человек. Одновременно было резко снижено давление карательной машины на население. Так, выступая на VIII чрезвычайном съезде Советов, А. Вышинский привел следующие данные:

«Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных равнялось бы 51,8 процента, в БССР — 24,5 процента».

— Да у вас и Вышинский не чужд либерализма…

— Таковы факты. Вышинский стал прокурором СССР в 1935 г. И вскоре, надо полагать не без одобрения Сталина, по его протесту отменили распоряжение о высылке тысяч людей из Ленинграда, принятое после убийства Кирова. Большинство «лишенцев» смогли вернуться в Ленинград, с них сняли судимости и обвинения, восстановили в избирательных правах, отдали невыплаченные пенсии. А в 1937 г. он настоял на пересмотре дел специалистов угольной промышленности и потребовал реабилитации всех, кто проходил по «делу о Промпартии». Тем и другим вернули ордена, звания и, само собой, право избирать и быть избранными.

— **Ну ладно, я уже устал удивляться. Но все же ответьте, как можно с помощью Конституции, регулирующей гражданские права всего населения, решить проблему ротации партноменклатуры? И почему эту задачу нельзя было решить в рамках Устава партии?**

— Сталина не интересовала партноменклатура как таковая, ему нужна была управа на секретарей обкомов, крайкомов и национальных республик — на широкое руководство. Если проблему их замены решать в рамках Устава, то в этом случае власть всё равно остается у партии. А как мы уже говорили, Сталин как раз на неё и нацелился. Поэтому он решил провести норму, которая позволила бы при выборах на одно место в Верховном Совете иметь несколько кандидатов. В этом случае первый секретарь обкома вынужден был бы конкурировать с одним-двумя противниками. А поскольку к середине 1930-х гг. секретари в своих областях наворочали уже немало дел, с большой вероятностью могли победить их конкуренты. Само собой, проигравших выборы партработников пришлось бы освобождать «как утративших связь с массами». И таким образом бескровно и демократично была бы решена проблема замены на своих постах некомпетентных руководителей.

— **Но на Пленумах ЦК собирались опытные люди. Они понимали, что сегодня не выбрали, завтра освободили, а послезавтра посадили, а там и глаза завязали.**

— До времени Сталин тщательно скрывал свою коренную идею от большинства членов ЦК. Но он понимал, что когда-то этот вопрос все равно придется вынести на обсуждение Пленума, и его византийские хитрости будут разгаданы. И для того, чтобы не обсуждать на закрытых ареопагах эту ключевую идею, а сразу заручиться поддержкой масс, он избрал необычный путь. Впервые о решающем дополнении к проекту новой Конституции он публично сообщил в интервью, которое 1 марта 1936 г. дал одному из руководителей американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Рою Уилсону Говарду. Сталин, в частности, сказал: «Избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации». Далее он сформулировал свой тайный замысел, до того момента скрываемый от большинства членов ЦК: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Это было напечатано 5 марта 1936 г. во всех газетах, начиная с «Правды». Несомненно, он поторопился и, слишком рано раскрыв карты, настроил бюрократическую массу против себя.

— **Долгое время ходили слухи, согласно которым Конституцию Сталин написал собственноручно.**

— Это не верно. Вначале он поручил работать над ее проектом секретарю Центрального Исполнительного Комитета А. Енукидзе. Но тот принялся оспаривать многие положения, в частности, у него вызывало возражение разделение властей и выборы судей. Поняв, что с ним кашу не сваришь, Сталин создал редакционную комиссию, в которую, кстати, входил и Бухарин. Любопытно, что Бухарин возражал против равных избирательных прав рабочих и крестьян. Но, в конце концов, Сталину надоело спорить, и он поручил работу над проектом двум заведующим отделами ЦК Стецкому и Яковлеву. Они и проделали всю основную работу — написали проекты Конституции и избирательного Закона. Позднее к ним присоединился Таль. Эти люди должны были работать и над партийной реформой. Но все они погибли в период репрессий.

Что касается Сталина, то он написал практически одну статью, которая касалась новой избирательной системы.

Эндшпиль партийных олигархов: ультиматум Сталину

— Но ведь в действительности сопротивления «новому курсу» не было.

— Не было открытых выступлений, но чем ближе подходил срок принятия новой Конституции, тем больше появлялось признаков латентного сопротивления со стороны широкого партийного руководства. В частности, оно всячески уходило от обсуждения положения основного Закона в открытой печати и на Пленумах ЦК и тем самым вообще как бы дистанцировалось от «нового курса».

Как я уже говорил, Сталин, рано раскрыв карты, недооценил бюрократическую верхушку партии, ее способность к сопротивлению. И был за это наказан.

Предполагалось, что одновременно с Конституцией будет принят и новый избирательный закон, в котором и прописана процедура выборов из нескольких кандидатов, и сразу же начнется выдвижение кандидатов в Верховный Совет, выборы в который намечено было провести в тот же год. Уже были утверждены образцы избирательных бюллетеней, выделены деньги на агитацию и выборы. Но бюрократия предприняла сильный ход: Конституцию 5 декабря 1936 г. утвердили, а принятие избирательного закона отнесли на год. Таким образом, выборы в Верховный Совет автоматически перенеслись тоже на год.

Июнь 1937 г. Наконец Пленум ЦК без поправок утверждает новый избирательный закон с альтернативными кандидатами. За день до закрытия Пленума Роберт Эйхе, секретарь Западно-Сибирского крайкома, пламенный латышский революционер, который за несколько лет до этого во время хлебозаготовок обрушивал на деревню страшные репрессии, подает в Политбюро записку, в которой говорится, что НКВД в области работает плохо. Чекисты вскрыли антисоветскую повстанческую кулацкую организацию, но полностью ее не разгромили, арестовав только верхушку. И в преддверии выборов, которые были назначены на декабрь, необходимо расправиться со всей антисоветской организацией, всех арестовать и осудить. Для ускорения процесса он просит, чтобы ему позволили организовать тройку, уже опробованную против крестьян. Он будет возглавлять ее, плюс прокурор и начальник НКВД по области.

Есть основания полагать, что Эйхе действовал не только от себя, а выражал требования значительной группы первых секретарей. Трудно отказаться от предположения, что инициатива Эйхе была пробным шаром, способом проверить свою силу и решимость «узкого руководства», к которому теперь примыкал и Вышинский.

В связи с этим заслуживает внимания такой факт. Секретари обычно довольно редко бывали в кабинете у Сталина. А тут, судя по журналу посещений, в один день у Сталина побывало пять первых секретарей, на другой день — еще четверо. О чем шла речь во время этих встреч, конечно, никто уже не узнает — все посетители вскоре погибли. Но, скорее, все они поддержали инициативу Эйхе, превратив ее в ультиматум: либо Сталин принимает их

предложение, либо на следующий день Пленум рассмотрит вопрос о его уклонах. В это время большинства в ЦК у Сталина не было, и он вынужден был принять ультиматум.

Это гипотеза. Но я был бы рад, если бы кто-нибудь предложил иную реконструкцию событий.

Эйхе решением Политбюро получил разрешение создать тройку. Следом аналогичными правами были наделены и другие секретари. Но Сталин определил срок: пять дней. За это время они должны дать телеграммы и обосновать свои предложения. Может быть, он еще надеялся, что они не успеют или одумаются? В срок никто не уложился, но в течение месяца все прислали телеграммы, где они попросили себе право создать тройки и сразу же указали, сколько людей собираются выслать, а сколько расстрелять. Первыми их прислали шестеро из девяти секретарей, побывавших на приеме у Сталина.

Возможно, на Сталина подействовал заговор, в котором участвовали высшие военачальники, раскрытый накануне Пленума, или что-то другое. Но это «что-то» должно было быть очень серьезным. Так, если до Пленума он редко санкционировал аресты раскаявшихся оппозиционеров, то после него на телеграммах с подобными просьбами секретарей он неизменно писал: «Согласен».

Самая большая контрреволюционная организация оказалась у Эйхе — он попросил квоту на расстрел 10 800 человек. Сколько он собирался выслать, не уточнил. Товарищ Хрущёв, бывший в то время первым секретарем обкома партии Московской области, сумел в рекордный срок разыскать и приговорить к расстрелу и высылке 41 305 «бывших кулаков» и «уголовников» (к расстрелу 8,5 тыс.). Справедливости ради надо заметить, что были и сравнительно скромные запросы. Так, армяне настаивали на расстреле 500 человек, Удмуртская ССР — 63, а Молдавская ССР, бывшая в то время в пределах сегодняшнего Приднестровья, — 11 человек.

Глава НКВД Н. Ежов округлил цифры и отправил на места. После того как он приложил руку, в Молдавии следовало расстрелять уже 200 человек, зато Эйхе, Хрущеву и другим квоты уменьшили наполовину. В результате итоговая цифра тоже уменьшилась почти наполовину. Но и после этого на заклание было обречено более четверти миллиона человек. Ежов, этот кровавый карлик, летом 1937 г. оказался более мягким человеком, чем великий демократ Хрущев и в целом среднее партийное руководство.

— **С кем же в первую очередь хотели расправиться секретари?**

— Да с теми крестьянами, которых Сталин и Вышинский вернули из лагерей и наделили избирательными правами. Они понимали, что каждый из этих крестьян плюс его семья и друзья, случись альтернативные выборы, проголосуют против них.

Были, верно, и другие причины. Скажем, за каждым секретарем числилось немало перегибов и ошибок. Списать их можно было на врагов. Значит, нужен был враг, скрытый, коварный, многочисленный. И его создали.

Помимо этого, секретари стремились прочно связать себя, свою социальную группу со Сталиным, тем самым не только избежать уже обозначившийся разрыв с ним, но и поставить его в полную зависимость от себя и своих интересов, повязать его кровью.

Если до этого Пленума в стране с населением 120 млн. человек было примерно около 8 — 10 тыс. политических заключенных, то вскоре после его завершения число их переваливает за полмиллиона. И дальше начала сползать лавина, которая охватывала все больше и больше людей.

Первоначально предполагалось завершить репрессии до выборов, то есть они должны были продлиться 4 месяца. Но, видя, что им нет конца, в декабре 1937 г. Маленков пишет Сталину записку, в которой указывает, что репрессии безосновательны и они угрожают стране.

Нужно немедленно их остановить. Он предложил это сделать с помощью закрытого письма ЦК. Сталин накладывает резолюцию: «Закрытое письмо не поможет. Нужно собирать Пленум».

В январе 1938 г. собрался Пленум, на котором с основным докладом выступил Маленков. Называя поименно первых секретарей, он говорил, что в областях и республиках исключены из партии тысячи человек, что их тут же арестовали. «Мы проверили и выяснили, что практически все невиновны». Далее он обвинил партократов в том, что они подписывают даже не списки людей, а цифры. В ответ первый секретарь ЦК КП(б)Аз Багиров рассмеялся. Маленков открыто бросил обвинение первому секретарю Куйбышевского обкома партии П. Постышеву: вы пересажали весь партийный и советский аппарат области! На что Постышев отвечал в том духе, что арестовывал, арестовываю и буду арестовывать, пока не уничтожу всех врагов и шпионов! Но он явно перехватил во фрондерстве, и через два часа после этой полемики его вывели из состава кандидатов в члены Политбюро, в конце февраля его арестовали, а через год приговорили к расстрелу.

— **Но все же террор на том Пленуме остановить не удалось.**

— Это лишний раз подтверждает, что и в 1937 г. ещё не было всесильного диктатора Сталина, был всесильный коллективный диктатор по имени Пленум.

— Репрессии серьёзней всего ударили именно по инициаторам террора — почти все они погибли. Раз за разом на Пленумах им предлагалось проголосовать за вывод из состава ЦК очередной партии арестованных товарищей — порой за несколько месяцев состав ЦК менялся на треть, — и они безропотно голосовали. Ни один не попытался хоть что-нибудь сделать?

— Воля их была полностью парализована страхом, который внушал им ими же созданный монстр.

— И всё же, раз закон о выборах формально был принят, почему же он не претворялся в жизнь?

— В обстановке террора применять его было невозможно. Судите сами. Все знали, что первый секретарь находится во главе тройки края или области и может расправиться с кем угодно. Кто же будет выдвигать против него свою кандидатуру? Ведь завтра и сам кандидат будет расстрелян, и семья его пойдет по этапу. Сталин понял, что проводить демократические выборы во время массовых репрессий не имеет смысла.

Кроме того, Сталин понимал, что альтернативные выборы породят новую волну репрессий, что может быть чревато новой гражданской войной. В октябре 1937 г. снова собрался Пленум партии, уже третий в течение этого года. Мне удалось обнаружить в архивах уникальный документ: 11 октября 1937 г. в шесть часов вечера накануне Пленума Молотов подписал окончательное отречение от сталинской идеи состязательных выборов. Взамен Пленум утвердил безальтернативный принцип — «один кандидат — на одно вакантное место», что автоматически гарантировало партократии абсолютное большинство в Верховном Совете. То есть за два месяца до выборов она уже победила. Естественно, была похоронена и идея создания новой Программы партии. Сталин не простил партократии ее победы — вся она погибла, освободив места молодым технократам.

«Кремлёвский заговор»

— Допускаю, что в 1935 г. уставным путем Сталина убрать было уже невозможно. Но все же удивительно, что люди, у которых за спиной тюрьмы,

подполье, Гражданская война, шли на заклание, как бараны, и никто из них даже не попытался организовать против тирана заговор или покушение.

— Я могу утверждать, что один заговор определённо был. Относительно иных такой уверенности у меня нет. Во главе заговора стояли упомянутый уже Авель Ену-кидзе и Рудольф Петерсон — участник Гражданской войны, принимал участие в карательных операциях против восставших в 1918 г. в Тамбовском и Козловском уездах, командовал бронепоездом Троцкого, с 1920 г. — комендант Московского Кремля. Они хотели арестовать сразу всю пятерку — Сталина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Ворошилова.

Сталину о заговоре стало известно на рубеже 1934–1935 гг. из доноса родственника его жены А. Сванидзе. Надо полагать, этот заговор был напрямую связан с «новым курсом». У нас все время говорят о военном заговоре. В зависимости от политической окраски, одни утверждают, что он был, другие — что ничего подобного. А меня потрясает, что никто не хочет прочитать выступление Сталина в мае 1937 г. на расширенном Военном совете, где он говорит об арестованных военачальниках. В том своем выступлении фамилию А. Енукидзе он вспоминает столько же раз, сколько и Тухачевского. Гражданских обвиняемых у него столько же, сколько военных. При этом если военных он обвиняет в какой-то мелочовке, то гражданских — в намерении арестовать руководителей страны.

— **То есть вы настаиваете, что был заговор гражданских с привлечением военных?**

— Да. Но, зная о заговоре, Сталин не торопился с арестами. Больше года он перемещал всех предполагаемых участников с места на место подальше друг от друга. Петерсона и Енукидзе арестовали — одного 27 апреля в Харькове, другого в Киеве двумя месяцами позже. И буквально в первые моменты ареста, когда их еще не успевали ни избить, ни заморить голодом, они написали то, что у юристов называется «признательными показаниями». Так, Петерсон признал свое участие в «кремлевском заговоре», а заодно назвал и соучастников: Енукидзе, Корка, Медведева, Фельдмана. То же самое сообщил и Енукидзе. По их словам, опираясь на войска Московского военного округа (командующий Корк, заместитель Фельдман), они должны были совершить государственный переворот путем «нейтрализации» Сталина и его ближайших сторонников. Согласно показаниям Петерсона, для «нейтрализации» ему требовалось не более 10–15 человек. Затем предполагалось созвать Пленум ЦК и предложить на нем известному военачальнику, герою Гражданской войны стать «временным диктатором». И Петерсон, и Енукидзе в качестве кандидатов в диктаторы назвали М. Тухачевского и В. Путну (последняя должность — военный атташе в Англии).

Амбициозный, считавший себя недооцененным, Тухачевский гипотетически мог согласиться на участие в антисталинской акции, рассчитывая затем избавиться от «говорунов». Но знал ли он наверняка об этом заговоре? До тех пор, пока не будут открыты архивы, уверенно сказать об этом невозможно. В литературе встречается письмо от 26 мая 1937 г., в котором Тухачевский писал наркому внутренних дел Ежову: «Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932 г. Участие в нем принимали Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно».

Петерсону, который отвечал за охрану высших лиц государства, Кремль был, что дом родной. В показаниях его и Енукидзе содержались такие подробности о помещениях, где обычно встречалась руководящая «пятерка» и где можно было с наименьшим риском ее

арестовать, знать о которых следователи с периферии, конечно, не могли. Это заставляет думать, что показания написаны собственноручно, а не под диктовку.

Троцкий так отозвался на дошедшее до него известие о казни Енукидзе: «Ежов без труда подвёл под «маузер» всех, на кого пальцем указал Сталин. Енукидзе оказался одним из последних. В его лице старое поколение большевиков сошло со сцены, по крайней мере, без самоунижения».

Нет никаких сомнений в том, что «кремлевский заговор», открывшийся в самый канун июньского Пленума, благословившего «тройки», был для Сталина сильнейшим ударом. Он понял, что лишился опоры в армии и теперь в борьбе с партократами мог рассчитывать только на НКВД. Возможно, этот заговор сыграл решающую роль в начале широких репрессий.

Агония

— **Приходилось слышать, что на XIX съезде КПСС (1952) Сталин хотел начать новую кампанию с целью уравнять партию и Советы.**

— Исключено. Хотя на съезде и была произведена реформа партийного руководства, но Сталин был уже слишком слаб — он с трудом произнёс семиминутную речь. Думаю, ему было не до реформ. Самое же главное: фактически с 16 января 1951 г., после третьего инсульта, Сталин уже не работал. Он перестал соображать, ему отказывала память.

— **Тогда выходит, что сотни книг и статей по поводу насильственного устранения вождя ничего не стоят?**

— Абсолютно. Он никому уже не мешал. С конца 1951-го до ноября 1952 гг. действовал триумвират: Берия, Булганин, Маленков. С ноября дуумвират: Берия и Маленков. И между ними шла борьба за власть до самой смерти Сталина. Именно они, а не Хрущёв были реальными претендентами на власть, и они, схлестнувшись летом 1953 г., повторили судьбу Зиновьева, Троцкого и Бухарина. Маленков воспользовался тем, что Берию отправили подавлять Берлинское восстание, и подготовил его устранение. Не один, конечно.

С арестом Берии тоже не все ясно. Согласно расхожей легенде, Берию пригласили на Политбюро, не успел он сесть, как в зал ворвались с пистолетами наперевес многозвездные генералы во главе то ли с Жуковым, то ли с Москаленко и арестовали его. Но я обнаружил документы, из которых следует, что заседание было длинным и закончилось оно в 22 часа. И ситуация на том заседании была намного сложнее. Той порой в Москву вошли танки, которые, возможно, и решили судьбу страны. Я сам их видел, насчитал только в одной колонне больше сотни и бросил считать. Так вот, сколько я ни пытаюсь узнать, какой дивизии это были танки, кто давал приказ на их вхождение в столицу, — всё без толку. Тайны и секреты. Нам их хватит, да и следующему поколению, похоже, скучать не придётся.

«Культовая» механика

В 1953 г. один из соавторов этой публикации (историк) ночь напролет крутил ручку радиоприемника и под утро 6 марта поймал известие, предчувствием которого жила в те дни вся Советская страна: накануне скончался Иосиф Виссарионович Сталин. Другой (журналист) это известие услышал по единственному на все село репродуктору, доносившему голос Москвы до самых до окраин. Будущему историку было тогда пятнадцать лет, журналисту — двенадцать. Сравнив сейчас свои «воспоминания» об эпохе, которую нам довелось застать уже на ее излете, мы при всем их различии не могли не поразиться и их сходству.

Юрий ЖУКОВ, историк. Я жил на Арбате, откуда попытался пройти до Колонного зала. Никогда не забуду зрелище, которое уже на следующую ночь представляла собой Трубная площадь: она вся была усеяна галошами.

Александр САБОВ, журналист. Я же навсегда запомнил белую стену деревенской церкви и на ней не меньше сотни черных крестьянских шляп — по-гуцульски кресань. Власть

ли распорядилась или по велению сердец отпевали вождя, не знаю, но люди молились искренно.

У нас обоих нет никаких резонов ни тосковать по сталинской эпохе, ни тем более реабилитировать ее действующих лиц. Однако пора разобраться с «галошами» и «кресанями» еще недалекого прошлого хотя бы потому, что никакая власть не могла приказать людям прощаться, обнажив головы от Москвы до самых до окраин. А ведь это было, даже если всей правды люди и не знали.

Но всей правды мы не знаем ещё и сегодня.

Сталин — умер?

А. Сабов. Юрий Николаевич, известна ли точная дата смерти Сталина? В последнее время стало появляться много различных домыслов о том, когда он умер и как он умер.

Ю. Жуков. Известно: Сталин умер 5 марта 1953 г. Но в это верят не все. Почему? Да потому, что доныне историкам недоступна история болезни Сталина. А если бы мы увидели хотя бы последние страницы этого документа, объекта для спекуляций не было бы. Но просмотр этого документа якобы станет вмешательством в частную жизнь.

— **В какую частную жизнь? Подобное требование может исходить разве что от родственников. Они его заявляли?**

— Нет, в этом случае и родственников никто всерьёз не спрашивал. Но не только история болезни Сталина, засекречен в большей своей части и т. н. личный фонд Сталина. Уж это, конечно, документы не личного, а общественного характера: его выступления, написанные от руки, правка каких-то документов, переписка. Раз в пять лет историкам выдают крохотные порции рассекреченных документов, из которых выстроить цельную картину прошлого, конечно, невозможно.

— **Вы допускаете мысль о том, что Сталина могли отправить на тот свет?**

— Известные нам документы никаких оснований для такого вывода не дают. Но с версиями об убийстве я, конечно, знаком. Все они основаны на ссылках такого рода: кто-то когда-то кому-то что-то по секрету рассказал, и вот это выдается как истина в конечной инстанции. Но профессиональный историк не вправе принимать на веру подобные свидетельства, особенно когда они приписываются уже умершим людям.

— **Итак, тайну смерти Сталина хотя бы можно развеять. А вот как развеять тайну жизни Сталина, куда более противоречивую?**

— Эта противоречивость идет от того, что на его имени спекулируют все: и антисталинисты со времени «секретного» доклада Хрущёва на XX съезде КПСС, и сталинисты, не желающие мириться с тезисами его доклада. А на самом деле это две стороны одной и той же медали, которые не имеют никакого отношения к исторической науке. Хрущев делал доклад в политических целях, и в таких же политических целях его тезисам до сих пор оппонируют те, кто иначе видит и понимает роль Сталина в истории.

— Но разве не наука и обязана их рассудить?!

— А как она может рассудить, если основная масса документов до сих пор от неё скрыта? Только десять лет назад бывшие партийные архивы стали понемногу приоткрываться историкам. Нам наконец-то стали доступны т. н. «Особые папки», куда заносились самые

важные, сверхсекретные решения Политбюро, но пока они доступны только по осень 1934 г. В обществе идут ожесточенные споры о политических процессах и репрессиях 1920 — 1950-х гг., а в архивы ФСБ, где хранятся документы ОГПУ, НКВД, МГБ, нас не пускают или пускают за плату к строго ограниченному перечню источников. Но какое отношение Федеральная служба безопасности Российской Федерации имеет к документам несуществующих органов несуществующей партии несуществующей страны? По какому праву контролировать наше прошлое продолжают чиновники?

— А у вас на эти вопросы есть ответы?

— Есть. Нам пора уходить от политизированной истории. Пора бы уже начать честное, объективное, рассчитанное на науку, а не на взгляды каких-то политических кругов или политических личностей осмысление нашего прошлого, основываясь исключительно на документальных источниках.

Предшественники

— Ну, тогда начнём с главного: что все-таки вынесло его на гребень истории?

— Надо понять элементарную истину: революцию не может устроить ни один человек, ни одна партия. Революции сами приходят тогда, когда в них нуждается страна. Так было в Нидерландах и Англии в XVII веке. Так было в США и во Франции в XVIII веке. Так было во многих странах Европы в XIX веке. И никто в этих странах не стыдится своего прошлого, напротив, гордятся им. А вот мы все время посыпаем свою голову пеплом, а последние десять лет перед целым миром извиняемся за Октябрьскую революцию.

Однако посмотрим, как она развивалась. Государственная Дума перед февралем была распущена рескриптом царя. Царь отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, но Михаил тоже отрекся, и на этом с юридической точки зрения монархическая страница в нашей истории была перевернута раз и навсегда. К власти пришло Временное правительство. Его никто не выбирал и не назначал, т. к. не существовало органа власти, который был бы облечен соответствующими полномочиями. Большевики в этом смысле обладали куда большим доверием населения, ибо Временное рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с Лениным было избрано 3-м Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Но на нем даже не все гражданские классы были представлены!

— Не все: помещики не были представлены, попы… Но если свериться со статистикой, в выборах делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов не участвовало примерно десять процентов населения тогдашней России. А если бы участвовали и они, изменило бы это состав съезда Советов?

— **Получается, большевики чуть ли не Учредительное собрание провели?**

— Для полноправного Учредительного собрания требовалось, конечно, стопроцентное участие населения. При всем том парадокс налицо: в 1917 г. Совнарком был более легитимным органом власти, нежели самозваное, самоорганизованное Временное правительство, которое, боюсь, не получило бы и 10-процентного вотума доверия.

— **Хорошо, пусть большевистское правительство «более легитимное». Но уж точно перестало быть таковым после разгона Учредительного собрания и установления однопартийного коммунистического режима. Что, нет?**

— Нет. Люблю я или нет однопартийный режим, ещё не предлог отрицать его юридическую правомочность, особенно если он продукт народного волеизъявления. А спровоцировали большевиков на однопартийное правительство их союзники левые эсеры, убившие посла Мирбаха, чтобы сорвать Брестский мир. Не в этом я вижу опасный перекос, который приняло развитие страны.

Самая большая опасность состояла в том, что в согласии с учением Маркса — Энгельса большевики расценили победу революции в России как начало общемировой пролетарской революции. И очень скоро среди них произошел раскол, связанный с представлениями о том, что нужно делать во имя ее ускорения. На авансцену выдвинулись Троцкий и Зиновьев. Один олицетворял идею революции в Западной Европе, на помощь которой должна прийти Красная Армия под его, Троцкого, руководством. Зиновьев, который с 1919 г. возглавлял Коминтерн, полагал, что нужно помогать конкретным компартиям — секциям Коминтерна — организовать свои национальные революции.

Их борьба достигла кульминации летом — осенью 1923 г., когда больной Ленин фактически отошел от дел. В это время все советские газеты чуть не ежедневно сообщали на первых полосах: революция в Германии! Тяжелейший экономический кризис в этой стране большевики однозначно расценили как предреволюционную ситуацию. В двух сериях статей, опубликованных в «Правде», Зиновьев утверждал, что вот-вот революция в Германии победит и будет создан Союз Советской России и Советской Германии. Любопытно, что Бухарин, главный редактор «Правды», ни разу не предоставил её страницы Троцкому.

— А Сталин участвовал в этой дискуссии, слишком уж напоминающей делёж ленинского наследия? Если да, то на чьей стороне?

— Скорее, на стороне Зиновьева. Об этом позволяет судить его реакция на демарш начальника Политуправления Красной Армии Антонова-Овсеенко, который в декабре 1923 г. направил письмо в ЦК и Политбюро, ультимативно потребовав прекратить нападки на Троцкого и угрожая в противном случае походом Красной Армии на Москву. Антонову-Овсеенко, как и многим другим командирам, которые в тот момент занимали высокие армейские посты, это аукнется в 1937 г.: будучи членом ЦК и Политбюро, Сталин отнес эту угрозу и к себе.

Впрочем, о его подлинном положении в тогдашней власти позволяет судить такая деталь: если Зиновьев и его ближайший сподвижник Каменев выступали на петроградской и московской, на губернских и городских конференциях, причем по многу раз, то Сталину разрешили выступить всего один раз на районной краснопресненской партконференции. Ясно, что для Троцкого и Зиновьева в ту пору он был «никем».

— Троцкий проиграл это политическое сражение — почему?

— Потому что, безоговорочно полагая себя преемником Ленина, почивал на лаврах и бездействовал. А Зиновьев бился за власть и сумел усилить своё положение. После смерти Ленина он и становится первым лицом в стране, вплоть до конца 26-го в его руках вся полнота власти. В 25-м он сумел отстранить своего соперника Троцкого от руководства Красной Армией, предоставив ему унизительный пост начальника Главконцесскома — Главного управления по делам концессий.

— И никакого движения в его защиту не было? Ведь не мог же он. не могла же армия так легко сдать свои позиции?

— Здесь можно только гадать, но лучше этого не делать. Нужно по закону требовать от ФСБ открыть все архивы хотя бы до 1953 г., связанные с внутренним положением в стране, с

тем, что делали ОГПУ и НКВД по отношению к политическим противникам в разные периоды нашей истории. Могу лишь высказать уверенность, что движение за восстановление Троцкого на руководящем государственном посту, несомненно, существовало и наверняка приняло еще более серьезный размах в 1927 г., когда потерпел поражение и Зиновьев. Тогда два бывших соперника, забыв свои прежние распри, создали объединенную троцкистско-зиновьевскую оппозицию. Но было уже поздно.

— Какие варианты развития ждали бы страну в случае, если бы победил Троцкий или удержался у власти Зиновьев?

— Гм. История не знает сослагательного наклонения, но можно определенно сказать: ни в том, ни в другом случае нас не ждало бы ничего хорошего. Они неизбежно втравили бы Россию в войну со всем миром, а этого наша страна, отсталая и выдохшаяся за восемь военных лет, не выдержала бы. Уже тогда произошла бы не только реставрация капитализма, но и расчленение России.

Не только Финляндия, Прибалтика и Польша отпали бы от нее, но с очень большой долей вероятности также Белоруссия, Украина, Закавказье, Средняя Азия, возможно, Дальний Восток и Сибирь. Россия скукожилась бы до пределов Московского государства XVI века и стала бы жалким полуфеодальным придатком развитых стран. Если предположить, что при этом европейская история шла бы своим чередом, то есть к власти в Германии все равно пришел бы Гитлер, разбить такую Россию ему не составило бы труда, как он разбил Польшу, Бельгию, Голландию, Люксембург. В результате на земле воцарился бы новый нацистский порядок.

— Поразительно!

— Вас это шокирует? Но тот же Зиновьев в 1934 г. в журнале «Большевик», комментируя приход Гитлера к власти, утверждал, что уж теперь-то рабочий класс Германии наверняка ответит революцией. К счастью для нашей страны, левоэкстремисты с их навязчивой идеей мировой революции были сметены с политической сцены ещё до появления Гитлера.

Соратники

— Это сделали т. н. «правые»: Бухарин, Рыков, Томский… Но по отношению к кому они «правые»?

— В том-то и дело, что они были «правыми» только по отношению к левоэкстремистскому крылу партии, а не к партии в целом. Они разделяли идею мировой революции, только откладывали ее «на потом», когда страна отдохнет и наберется сил. Но постепенно вопросы экономики стали определяющими во внутрипартийной борьбе. Несмотря на введение нэпа, экономику нашей страны чуть ли не каждый год трясли жесточайшие кризисы. Вот тут-то и всплыла старая идея профессора Преображенского, правой руки Троцкого в области идеологии и экономики.

Ещё в начале 1920-х гг. он написал работу, в которой предлагал форсированную индустриализацию страны для вооружения Красной Армии, которой предстоял революционный марш-бросок до Атлантики и Индийского океана, — так сказать, на немца надейся, а сам не плошай. Коллективизация частного крестьянства и регулярное изъятие прибылей из этого сектора экономики, по мысли Преображенского, должны были обеспечить первоначальное социалистическое накопление на нужды военной индустрии. Но история распорядилась так, что осуществлять эту идею пришлось не Троцкому, а Сталину, причем с совершенно другими задачами. Во-первых, он понимал, что даже подъем сельского хозяйства невозможен без своей промышленной базы — мы даже косы покупали у Германии. Во-вторых, пришлось срочно спасать первую советскую пятилетку…

— **Спасать? А что, была угроза её провала?**

— Ещё какая! Все планы рухнули в 1929 г., когда разразился мировой экономический кризис. Оплачивать покупку иностранных заводов — Горьковского автомобильного, Сталинградского тракторного, Ростовского комбайнового, Ярославского завода синтетического каучука и других — предполагалось в форме вывоза за рубеж для продажи на мировом рынке своего сырья: леса, спичек, нефти и т. д. Но мировой кризис вынудил каждую страну оградить себя от поступления чужих товаров. И тогда началась тайная распродажа картин Эрмитажа, что на самом деле представляло собой завуалированные взятки.

Так мы с величайшим трудом сумели наскрести средства хотя бы на три десятка «ударных строек», почти в сто раз сократив список новых объектов пятилетки.

Но вместе с великим планом рухнула и великая цель, уже распропагандированная на весь мир: в ходе первой пятилетки построить социализм, в ходе второй — коммунизм. В 1930 г. специальное решение ЦК признало это «забеганием вперед». Рыкову и прочим правым пришлось уйти в отставку. Во главе правительства встал Молотов — сторонник и соратник Сталина. Вместе они начали проводить более умеренную политику, которая очень скоро вызвала недовольство уже не только левых, но и «правых».

— **Очень бегло: в чем были признаки этого нового курса?**

— Политбюро приняло решение о вступлении СССР в Лигу Наций, что означало окончательный разрыв с идеей мировой революции. Началась подготовка к заключению антигерманского оборонительного соглашения с Францией, Чехословакией и Великобританией, которая, правда, растянула свое вступление на целых восемь лет. Иными словами, восстанавливалась Антанта.

А Сталин идет еще дальше: объявляет о необходимости доработки Основного закона страны. Из Конституции 1924 г. выброшена преамбула, в которой говорилось, что после революции мир разделился на два лагеря и что они неминуемо сойдутся в битве, которая завершится победой Советского Союза и созданием Мирового Союза Советских социалистических республик. Устранено конституционное положение о диктатуре пролетариата вместе с законодательным определением, которое до сих пор обеспечивало рабочему классу пятикратное по сравнению с крестьянством представительство в органах Советской власти. Уравнены права рабочих, крестьян, интеллигенции и их детей при поступлении в вузы.

Меняется и вся система выборов: раньше бывшие жандармы, помещики, капиталисты, владельцы магазинов, нэпманы и представители других социально чуждых классов были лишены права голоса. Новая Конституция вернула это право всем «лишенцам», в том числе и миллиону крестьян, осуждённых по закону от 7 августа 1932 г. за кражу «трёх колосков». Выборы становились всеобщими, прямыми, тайными и, главный козырь Сталина, альтернативными: на одно место должны претендовать два-три человека не только от партии и комсомола, но и от общественных организаций, вплоть до религиозных. Тут партократия и поняла, какая страшная угроза нависла над ней.

Оппоненты

— **Как я понимаю, мы подошли к июньскому Пленуму 1937 г.?**

— Да. Я только должен сначала сказать, что до этого времени все-таки удалось сделать Сталину. В декабре 1936-го Центральный исполнительный комитет (ЦИК) принял новую Конституцию, но отложил рассмотрение нового избирательного закона. В итоге образование Верховного Совета, которым Конституция заменяла ЦИК, задержалось на целый год. Сталин наполовину победил, но наполовину проиграл. И вот июньскому Пленуму предстояло

окончательно сформулировать своё отношение к этому закону для его дальнейшей передачи в ЦИК.

Конечно, партократия разгадала намерения Сталина. После индустриализации, коллективизации, провальной пятилетки, возвращения права голоса «лишенцам» и пострадавшим крестьянам наверняка массовый избиратель предпочтет новые, альтернативные фигуры, а потом не попавшим в Верховный Совет партсекретарям скажут: вот видишь, народ тебя не поддерживает, поэтому будь добр, освободи и партийный пост.

Чтобы сорвать этот замысел, первый секретарь Новосибирского обкома партии, до этого пять лет возглавлявший Сибирский ревком — всю Сибирь от Урала до Тихого океана, Роберт Индрикович Эйхе направил в Политбюро записку, которая поставила Сталина перед очень трудным выбором. Под предлогом, что в области органами НКВД якобы вскрыта контрреволюционная антисоветская повстанческая организация, угрожающая проведению выборов, Эйхе потребовал предоставить ему право на создание внесудебной тройки (вместе с прокурором области и председателем областного управления НКВД), произвести аресты определенного «лимита людей», часть расстрелять, часть отправить в лагеря. И Сталин совершает трагическую ошибку: накладывает на эту записку положительную резолюцию. Как и следовало ожидать, тут же от всех первых секретарей посыпались аналогичные «заявки на лимиты».

— **Остановимся на этом событии чуть подробнее. В сталинской редакции, с альтернативными выборами?**

— Да, но это уже не особенно волновало партийных вельмож. Ясно было, что в условиях массовых репрессий закон работать не будет. Тем более что сталинская группа капитулировала все больше. На заседании Политбюро Сталин согласился, чтобы Молотов в своём докладе на Пленуме не настаивал на альтернативных выборах, это, мол, можно делать или не делать. Выступая на Пленуме, Молотов вообще не упомянул об альтернативности, исчезло даже «может, кто сам захочет». Вот почему Пленум единодушно проголосовал за закон, напоминавший испорченную гильотину.

— **Какова была последовательность событий: сначала проголосовали за новый избирательный закон, а потом учинили сговор?**

— Записка Эйхе в Политбюро поступила на следующий день после голосования. Немедленно после этого, как видно по книге посетителей Сталина, ему пришлось принять одну за другой несколько групп партийных секретарей. Можно не сомневаться, чего они требовали: поставить положительную резолюцию на записку Эйхе, создав тем самым прецедент, которым мог бы воспользоваться каждый из них. Так впоследствии и случилось.

— **Эйхе тоже был среди этих посетителей?**

— Конечно. Может быть, именно он и готов был взять на себя выступление с трибуны Пленума, если бы Сталин ответил отказом, чтобы обвинить его в измене мировой революции, ревизионистской, оппортунистической позиции во внешней политике, попрании учения Маркса, заветов Ленина и т. д. Партийная верхушка, не менявшая своих взглядов с 1917 г., откровенно рассматривала поведение группы Сталина как изменническое и без колебаний передала бы их дела в НКВД. На этом и кончился бы реформатор Сталин.

Наложив положительную резолюцию на записку Эйхе, он, разумеется, понимал, что латентная, скрытая оппозиция его курсу со стороны партократии после этого перейдет в еще более острую фазу. Но знал он и другое: что это сопротивление сталинскому курсу ей самой приходится тщательно утаивать от партийных низов.

Преемники

— И больше Сталин не возвращался к реформе, которую так бесславно проиграл в 1937-м?

— Представьте: была еще одна попытка! В январе 1944 г. Впервые за весь период войны был намечен созыв Пленума и сессии Верховного Совета СССР. Молотов и Маленков подготовили проект постановления Пленума ЦК, по которому партия юридически отстранялась от власти. За ней сохранялись только агитация и пропаганда — нормальное партийное дело, никто не отнимет, и участие в подборе кадров, что тоже вполне естественно. Зато вмешиваться в экономику, в работу государственных органов просто-напросто запрещалось. Проект прочитал Сталин, изменил в нем шесть слов и написал: «Согласен». Дальше — загадка. Собралось Политбюро — и проект канул в Лету: больше о нем никто никогда не вспоминал.

— Всё это среди войны... Почему?

— Потому, думаю, что представилась уникальная возможность. С самого начала войны Пленумы ЦК больше не собирались. Верховный Совет не собирался. Над партией, над Совнаркомом, над Верховным Советом встал Государственный комитет обороны — надстроечный сверхорган, абсолютно нелегитимный, но тем не менее единственный в стране орган реальной власти. Он-то и продемонстрировал, что власть может эффективно функционировать даже в самых экстремальных условиях, совершенно не нуждаясь в партийной опеке.

Отсюда, видимо, это новое искушение ввести партию в государственное стойло, сохранив за ней лишь функции, которые она реально выполняла во время войны. Под проектом пять подписей: Молотова, Маленкова, Сталина, Хрущева, Андреева. Протокола не велось, как проголосовали остальные, можно только догадываться. Увы, даже всесильный ГКО, всей четверкой входивший в Политбюро ЦК, переломить старый порядок не смог. Это лишний раз доказывает, что никогда у Сталина не было той власти, которую ему приписывают и сталинисты, и антисталинисты.

— Среди названных вами пяти имен одно вызывает изумление...

— Никиты Сергеевича? Видите ли, он в это время остался генералом без армии — секретарем ЦК КП Украины, которая оказалась под немцами. И потому сразу встал под Маленкова. Если посмотреть их переписку, видно, что Хрущёв относился к Маленкову с величайшим пиететом. Вот, цитирую по памяти: уважаемый товарищ Маленков, я вот был в Москве, виделся со Сталиным, он дал такое-то поручение, я не очень понял, но вот я написал, будьте добры, посмотрите, прав я или нет, так я написал или не так…

Полное послушание, без подсказки Маленкова — ни шагу!

— Какой пост Маленков занимал в самой партии?

— Секретарь ЦК, начальник Управления кадров ЦК. Стоит вспомнить: в декабре 1937-го именно Маленков отправил Сталину записку о том, что масштабы массовых репрессий приняли такие размеры, что угрожают уже безопасности государства… я вольно излагаю, не цитирую… и предложил проект закрытого письма ЦК, чтобы остановить эти безумства. Сталин наложил резолюцию: нужен Пленум. И Пленум в начале 1938 г. собрался. Маленков сделал доклад о массовых репрессиях, где в числе самых рьяных организаторов массовых репрессий были названы Постышев, Багиров, Хрущёв и многие другие партсекретари. Тем не менее репрессии продолжались до октября 1938-го, вплоть до устранения Ежова с поста руководителя НКВД. Так что не случайно Хрущев так преданно заглядывал в глаза Маленкову.

Учтите и такую деталь: когда Сталин, Молотов, Берия полетели в Тегеран на конференцию, официально во главе страны и партии был оставлен Маленков.

— **Уж извините меня за альтернативную постановку вопроса или, как вы говорите, сослагательное наклонение, которого не знает история. Из фигур, чей приход к власти после Сталина был наиболее вероятен, чья, с вашей точки зрения, кандидатура была бы наиболее благо приятной для будущего нашей страны?**

— Бесспорно, Маленкова. Потому что у нас не было бы снова ухода резко влево, как это произошло при Хрущёве. «Мы вас закопаем» — помните? Не было бы и брежневской эпохи с ее двоемыслием, когда уже вообще никакой политики не было, ни левой, ни «правой», ни государственной, ни партийной, а какая-то дикая смесь, винегрет. «Ирландское рагу», как говаривал Джером.

— **Но ведь Маленков и пришел к власти: именно он после смерти Сталина возглавил Совет министров СССР, а Хрущёва, одного из «равных» секретарей ЦК партии, назначил своим заместителем по сельскому хозяйству. Может, в этом и была ошибка: приблизил партию, чтобы лучше её контролировать?**

— Ошибка была в другом. Маленков сразу и очень резко столкнул государственный аппарат с партийным. Как председатель Совмина, он отменил конверты, разом лишив всю партократию привычных доплат, зато ощутимо повысил зарплаты государственным чиновникам. Хрущёв, контролировавший кассу ЦК партии, незамедлительно возместил партийным иерархам утраченное. И следующий же Пленум ЦК избрал его первым секретарём, отменив предыдущее решение о том, что впредь в партии будет только коллегиальное руководство. По сути, в стране наступило двоевластие. Полетев в октябре 1954 г. в Пекин на пятилетие китайской революции, Хрущёв получил от Мао Цзэдуна добро на устранение Маленкова от власти.

— **От Мао?! Да какое отношение Мао мог иметь к этим делам?**

Хрущёву важно было заручиться обещанием китайцев, что они не будут его осуждать. Тогда можно было рассчитывать на благоприятную реакцию всего международного коммунистического движения.

— **Извините, откуда вам это известно?**

— К сожалению, все документы по этой поездке до сих пор засекречены. Но и так многое очевидно. По пути в Пекин прямо в самолете Хрущёв, Булганин, Микоян принимают решение простить китайцам долги, отдать им КВЖД, Порт-Артур и Дальний. Хотя, согласно договору от 1950 г. с КНР, как раз эти решения не могли быть приняты до подписания мирного договора с Японией, который, как вам известно, не подписан до сих пор. Вот уж поистине чистый волюнтаризм. Естественно, после таких подарков Хрущев мог рассчитывать только на рукоплескания Пекина.

Тройка вернулась в Москву, собрала Пленум, обвинила Маленкова как раз в тех грехах, в которых повинен был Хрущев… Ведь мы уже говорили, что с конца 1953-го он целый год занимал должность, которая звучала так: заместитель Председателя Совета министров СССР — Председатель Бюро Совмина СССР по сельскому хозяйству. Когда в конце 1954 г. обнаружился полный провал его программы, когда вновь появились очереди за хлебом, возросли цены на рынках, пропало мясо, кого Хрущев обвинил в провале сельского хозяйства?

Маленкова. И все участники Пленума ЦК согласились, даже не удосужившись придумать другое обвинение.

После культа

— Юрий Николаевич, без культа личности Сталина нам, наверно, этой фигуры до конца не понять. Что же это было за явление в нашей истории?

— Ну всё-таки сначала давайте закончим, как вы говорите, с фигурой. Так вот, о фигуре мы должны вообще прекращать говорить с февраля 1951 г., когда решением Политбюро Сталина фактически отстранили от власти. До сих пор не известно, произошло это с его согласия или без. Накануне, в 1950-м, его настиг третий инсульт. Полгода полной неработоспособности. Резко меняется почерк: аршинные угловатые буквы, когда левой рукой приходится поддерживать правую. Вот именно в это время партократия и принялась раздувать «культ личности» Сталина, чтобы прикрыть им его реальное отсутствие во власти.

— Подождите, разве не в конце 1930-х гг. начал складываться его культ?

— Тогда это был спонтанный отклик населения на Конституцию, на возвращение избирательных прав, на долгожданную демократизацию жизни. Люди повеселели, поверили в свое будущее. Если это назвать культом Сталина, ну тогда надо ясно сказать: самым большим врагом его культа в конце 1930-х гг. была партократия.

— А снаряды «За Родину, за Сталина!»? А «пятнадцать сталинских ударов»? А «сталинские лесополосы» и т. д.?

— Вот тут уже давайте разбираться. Кое-что по-прежнему шло от самого народа, который привык связывать свои надежды со Сталиным. Но после войны появилось и нечто новое. Снимите с полки книгу «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны». Бывший председатель Госплана СССР Вознесенский, впоследствии пострадавший по т. н. ленинградскому делу, всего трижды упоминает ГКО, зато без конца — «товарища Сталина», которому приписывает всё руководство экономикой в годы войны. А это не правда, в составе ГКО за экономику отвечали Молотов, Маленков и Берия.

Приподнимая Сталина, а с ним и себя, творцы новоявленного культа преследовали простую цель: принизить роль его соратников. И так или иначе с каждым из них партократия свела счёты.

Наконец, третья волна культа личности покатилась именно с февраля 1951 г., когда Сталина отрешили от власти, а вакуум надо было заполнить. Вождь нигде не появляется, не выступает, не пишет — что произошло?! Вот чтобы не было ощущения, что что-то произошло, и учиняется уже совсем беспредельное прославление мудрого, гениального, всевидящего, всезнающего, обо всех думающего «отца народов», который в это время влачит жалкое существование почти всеми покинутого больного старика.

Подлинная история Иосифа Сталина?[129]

В последние годы телевидение всё чаще обращается к политическим лидерам советской эпохи. Один за другим выходят документальные фильмы и художественные сериалы о Брежневе, Хрущёве, Троцком. Но наибольший интерес вызывает личность Иосифа Сталина… О телевизионном воплощении человека, более 20 лет руководившего огромной страной, корреспондент Александр КОНДРАШОВ беседует с доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института российской истории Академии наук, автором книги «Иной Сталин» Юрием Николаевичем ЖУКОВЫМ.

«Дело врачей»

— Первый вопрос связан с сериалом «Сталин-Live»…

— Как можно всерьёз говорить о «Гарри Поттере» или «Властелине колец»? Это сказки для малолетних. Такую же сказку слепили и на НТВ. Мне жалко и обидно, что загубили великолепный сюжет: последние дни жизни Сталина. Это же точно по сартровскому экзистенциализму — пограничная ситуация, когда человек по-настоящему честен перед самим собой. Но я в первый день показа включил и был потрясен.

Где личный охранник Сталина Кузьмичев? О нём помину нет. Где Новик, начальник Главного управления охраны МГБ, который сменил на этом посту Власика? Где министр госбезопасности Игнатьев? Нет их. А почему? Да очень просто. Если сказать, что есть Новик, то нужно сказать, куда девался приснопамятный Власик. А Власика уже арестовали по делу врачей, хотя он и не врач, и не еврей. Кстати, все разговоры о том, что «дело врачей» — чисто антисемитская акция Сталина, — это, мягко говоря, неправда. Если взять даже первую информацию о том, кто арестован, так половина арестованных — русские, и простого народа арестовали больше, чем врачей, потому что речь шла о двух аспектах проблемы. Первый — все арестованные дважды подтвердили на консилиумах, что у Жданова не было инфаркта, а у него, видите ли, была гипертония, и назначили ему неправильное лечение. Проводил оба консилиума Власик, поэтому вместе с врачами и отправился в места не столь отдалённые.

Второй аспект. Есть веские основания полагать, что ещё одной причиной арестов врачей (а о них всё время говорят в первых сериях) было то, что по каким-то каналам кто-то из них информировал Запад, который очень интересовался, когда же умрёт Сталин. Здоровье руководителя — государственная тайна (скажем, как сегодня состояние здоровья Фиделя Кастро), но была утечка информации.

Более того, нужно объяснить, а что происходило вообще в стране. И пришлось бы авторам вспомнить, что ещё 16 февраля 1951 г., за два года до смерти, Сталин был отстранён от власти.

— То есть как отстранён?

— Было решение Политбюро о том, что отныне все решения по важнейшим вопросам принимают три человека: Берия, Булганин, Маленков. Но самая главная фраза этого постановления: «а принятые решения публикуются за подписью И. В. Сталин». И действительно, с начала весны 1951 г. Сталин не участвовал в политической жизни страны. Почему? К тому моменту у него уже — три инсульта, он смертельно измотан. Конец 1950 г. — идёт корейская война, всему руководству страны важно находиться на боевых постах, а Сталин сидит у себя на Рице. И вот документ, который я держал в своих руках. В Москву на имя Маленкова поступает письмо от Сталина. Оно написано не на бумаге, а на традиционной цековской красной папочке (оторвана одна половинка) огромными буквами, в четыре раза больше обычных, очень острыми. Когда я сделал копию и показал одному знакомому врачу-психиатру, не говоря, кто это писал, он сказал, что у писавшего человека явно не работала правая рука и он её держал левой и двумя руками водил карандаш. Отсюда большие буквы, острые углы у них, смена почерка. Не менее интересно содержание письма. Сталин пишет, что Вышинскому, который в тот момент был в Нью-Йорке, следует выступить в ООН по такому-то вопросу и сказать то-то и то-то. Вроде бы нормально. Но Вышинский уже выступил неделю назад! Спустя некоторое время Маленков получает второе письмо, примерно такое же, на красной половинке папки, с тем же содержанием! Сталин забыл, что он уже об этом писал, забыл намертво! Что это такое? Альцгеймер? Скорее всего. К сожалению, медицинская карта Сталина до сих пор — государственная тайна.

Если бы я был на месте творцов этого сериала, я бы строил его так, как должны были строить честные люди: Сталин живёт последние дни. Он это понимает, у него перед глазами проходит его жизнь, и он честно и беспристрастно оценивает свое поведение в те годы. Вместо этого нам предлагают развесистую клюкву, под которой сидит русский мужик и пьет из самовара водку. Классическое восприятие России времён маркиза де Кюстина. Я думаю, в

первую очередь нужно говорить о том, как и почему Сталин добивался в 1935–1936 гг. создания и принятия новой Конституции. Это самая острая и важная проблема.

Альтернативные выборы

Чем Сталин отличался от Троцкого, Зиновьева, Бухарина, о которых многие сегодня с сочувствием говорят? Это люди, считавшие, что задача партии и задача Советского Союза — максимально содействовать и способствовать мировой революции. Они верили в пришествие мировой революции. Сталин и его соратники, такие как Молотов, Вышинский, Литвинов, Яковлев (наркомзем, журналист, создатель двух самых больших по тиражам газет в 1920-е гг. — «Беднота» и «Крестьянская газета»), осознали, что не будет никакой мировой революции, во всяком случае, при жизни того поколения. Сталин думал о стране, он знал, что главная цель Гитлера — «Drang nach Osten» — сокрушить Советский Союз, расчленить его — об этом в Германии мечтали ещё в 1914 г., — отделить Прибалтику, Украину, Белоруссию, Закавказье, Среднюю Азию. Чтобы отразить агрессию, нужно было создавать промышленность. Сталин же ещё в 1931-м говорил, что, если мы за 10 лет не нагоним те 300 лет, которые мы потеряли из-за татарского ига, из-за бездарного царизма, — нам конец, нас разобьют. И если бы не индустриализация, если бы не создание сначала металлургических комбинатов в Новокузнецке, Магнитогорске, Запорожье, если бы не создание тракторных заводов, которые вскоре превратились в танковые, не создание авиапромышленности, Гитлер действительно к концу осени 1941 г. сумел бы выйти на линию Архангельск — Астрахань.

Вспомните, как в нашей стране до начала 1934 г. оценивали Лигу Наций. «Орудие империализма», «ширма, которая скрывает тайные замыслы империалистов для покорения несчастных народов Африки и Азии». Сталин отважился на вступление Советского Союза в Лигу Наций! Это уже был конфликт с теми, кого у нас называют «ленинской гвардией». Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Рыков — все они были против. Сталин намеревался добиться антигерманского оборонительного союза не только с Францией и Чехословакией, но и с Великобританией. Он стремился превратить СССР в нормальную, европейскую страну.

Сталин впервые предлагает избирательный закон, по которому все без исключения жители страны наделяются избирательными правами! Они впервые голосуют непосредственно, минуя каких бы то ни было посредников, один человек — один голос, выборы прямые, тайные, всеобщие. Ни до революции, ни после в России этого не было. Мало того, Сталин добавляет еще одну деталь: альтернативные!

— **Зачем ему это было нужно?**

— Большевистская партия была создана в подполье. Для чего? Для захвата и удержания власти. Эту свою историческую миссию партия выполнила. А вот дальше начались проблемы. Революционеры умели говорить на митингах, размахивать «маузером», им не хватало одного: образования. А нужно было поднимать промышленность, создавать новые предприятия, руководить экономикой.

Сотни и тысячи подобных примеров поведения руководителей областного, краевого, республиканского масштаба. Сталин понимал: просто за развал работы их всех не снимешь. И он придумал идеальный ход — альтернативные выборы. После всех перекосов и перегибов коллективизации, индустриализации было понятно, что никогда жители этого населенного пункта, этого района, этой области, этого края не проголосуют за своего первого секретаря. А им разрешали выдвигать своих кандидатов, вплоть до того, что можно было выдвинуть священника в депутаты Верховного Совета. Зафиксировано протоколами одного Пленума, что Сталин допускал, что будет избрано какое-то число попов! Ему говорят: «Как так?» А он отвечает: «Если выберут, значит — недостатки нашей идеологической работы. Значит, так хочет население, и мы ничего поделать с этим не можем».

Кто развязал репрессии?

Чем кончилась эта попытка Сталина отстранить партократию от власти? На Пленуме в 1937 г., когда нужно было одобрить проект избирательного закона, предусматривавшего альтернативные выборы, партийные руководители по очереди объяснили Сталину, что они-то не против демократии, да вот их местный НКВД вскрыл очередную антисоветскую, повстанческую организацию и, пока с ней не покончено, нельзя проводить альтернативные выборы.

— **То есть действия НКВД были спровоцированы местным начальством?**

— Трудно сказать, кто первый сказал «мяу». Согласно закону Паркинсона, чем больше НКВД поймает врагов народа, тем для них почетнее — можно расширяться. А первым секретарям это было выгодно, потому что, пока идут массовые аресты, ни о каких альтернативных выборах нельзя говорить. Они фактически развязали вторую гражданскую войну, создали в обществе атмосферу истерии, массового психоза. Что происходило? Открытое партсобрание, на котором говорят, что такой-то оказался врагом народа. И находились два, три, десять десятков людей, которые торопились свести счеты со своими личными недругами. Они поднимались и говорили, что вот этот — тоже троцкист, а вот тот — зиновьевец. И можете себе представить, что начиналось далее?

— **До сих пор я слышал, что репрессии развязал Сталин, что он параноик, который хотел уничтожить всех и вся.**

— Такие вещи говорят люди, выполняющие социальный заказ, ангажированные. Есть документы, и я в одной из своих книг привел их в доказательство того, кто на самом деле развязал массовые репрессии. Тот же Никита Сергеевич Хрущев, оказавшийся вторым в стране по кровожадности. А первый — Роберт Индрикович Эйхе. Он каждый год выпрашивал у Политбюро разрешение дать ему возможность подписывать смертные приговоры за невыполнение хлебопоставок. Запрашивал не поимённо, а цифирью, огромное количество, десятки тысяч сибиряков: сколько можно ему расстрелять, а сколько — отправить в лагерь. А Хрущёв исхитрился летом 1937 г. найти несколько тысяч кулаков в Подмосковье! Кулаков здесь в помине не было, тем более — в 1937-м, когда коллективизировали уже всё, что можно. Никита Сергеевич находит их. Я догадываюсь, что он понимал под словом «кулак». Когда готовилась Конституция 1936 г., Сталин и Вышинский сделали очень хитрое дело (Вышинский представил в Политбюро, а Сталин добился утверждения): освободили всех крестьян, которых посадили за так называемые «три колоска», — это около миллиона человек. Более того, с них сняли судимость, вернули им право голосовать и быть избранными! И вот «наш дорогой Никита Сергеевич» слишком хорошо понимал, что эти люди за него никогда не проголосуют и его карьера чиновника с четырьмя классами образования (два в церковно-приходской школе и два — на руководящей партийной должности в Промакадемии) кончилась, потому что он ничего не умеет, ничего не знает. Ему прямая дорога в чернорабочие, в землекопы. Но кто же из них на это пойдёт? Вот они-то и развязали репрессии.

Почему об этом не любят говорить? А кто должен говорить? Тот же самый класс чиновников, который до сих пор обладает неограниченной властью? Они что, будут сами себя ругать? Ведь в конце концов все эти хрущёвы, эйхе, постышевы и прочие — они же не только партократы, они просто бюрократы. Это класс чиновников, тот самый класс, который Джилас назвал «новым», помните его работу «Лицо тоталитаризма»? Сталин раньше Джиласа понял, что такое этот наш «новый класс». Именно поэтому в январе 1944 г. Молотов, Маленков, Сталин предлагают Политбюро утвердить проект постановления ЦК, по которому партии запрещается вмешиваться в вопросы экономики, промышленности, сельского хозяйства, строительства, в военные дела, в дела культуры, советского строительства. Партии по этому проекту оставляли идеологическую агитацию и пропаганду и участие в подборе кадров. То

есть такие же функции, которыми обладает сегодня, скажем, католическая церковь в Ирландии. Она не господствует, но она духовно влияет на людей.

Провалили этот проект.

— **Не хватило сталинского авторитета?**

— Не было у него такого авторитета, когда принимается все, что он ни скажет. Если это не касалось лично их, его предложения проходили. Если предложения Сталина затрагивали интересы «нового класса» — всё, гроб с музыкой, никаких решений.

Список «благодеяний»

— А **ошибки Сталина?..**

— Ошибка — я даже называю это преступлением — то, что он в 1937 г. поддался партократии и разрешил проведение репрессий на местах. Но если бы он не дал своего согласия, то дальше бы все развивалось по уже сложившейся схеме. Тот же Эйхе или тот же Хрущёв поднялись бы на трибуну Пленума ЦК и вспомнили бы все преступления Сталина с точки зрения классического ленинизма-большевизма: оппортунизм, Лигу Наций, понавешивали бы на него всех собак…

Говорят также про поведение Сталина в первые дни войны… Но вот совершенно обычный пример. Вы — школьник, вы на занятиях получили двойку. С каким чувством вы идете домой? Прячете глаза от родителей, не хочется им ни говорить ничего, ни показывать. А если двойка в четверти? А если двойка на экзамене? Вот такую же «двойку» поставили Сталину 22 июня. И естественно его поведение, когда он несколько дней в душе, видимо, проклинал себя…

Но вскоре был создан ГКО. Мы должны в ножки поклониться членам ГКО за то, что они сумели в считаные дни и недели поставить нашу оборонную промышленность так, что дальше линии Ленинград — Москва — Сталинград немцев не пустили. В ГКО входили Берия, Молотов, Маленков. Они взяли на себя коллективную обязанность обеспечить фронт всем необходимым: мобилизация людей в тылу, доставка призывников к линии фронта, обмундирование, снабжение фронта необходимыми видами вооружений и боеприпасов. И все наркоматы, которые занимались этими вопросами, курировались ими. И каждые полгода они меняли их между собой. Но при этом они еще занимались и своими прямыми обязанностями. Молотов был наркомом иностранных дел, Маленков возглавлял всю партийную работу, Берия отвечал за НКВД, этих обязанностей с них никто не снимал.

— Но Берия же исчадие ада?

— Ну конечно, «исчадие ада», если он с осени 1945 г. занимался только ядерным проектом, больше ни во что не влезал. Я как-то проделал эксперимент: начал читать документы просто для того, чтобы понять, сколько времени это займёт, смотрел: когда они поступили к Берии, и когда они были завизированы, и сколько таких было документов в неделю. А ведь Берии их нужно было не просто читать, он головой отвечал за то, что будет в соответствии с его резолюцией. Так вот, чтобы работать с этими документами, ему нужно было по меньшей мере 30 часов в сутки. Когда у него было время на то, что ему приписывают, особенно с этими женщинами? У него был начальник охраны Саркисов. Вот тот любил девочек водить, и время у него на это было, а потом все приписали Берии. Точно так же, как раньше в деле об организации антиправительственного заговора, который возглавляли Енукидзе и комендант Кремля Петерсон, не хотели говорить правду и обвинили Енукидзе в том же самом, что и Берию. Ну, увлекался Енукидзе балеринами из Большого театра, но это сделали главной статьей обвинения.

— Обвинения в заговоре, к которому были прицеплены Тухачевский и другие?

— Не «прицеплены», а есть документы, по которым Петерсон должен был организовать арест пятерки: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе. А временно, пока не соберется партийный съезд, ЦИК СССР, во главе страны должен был встать товарищ Тухачевский. Это так. И замешаны в этом деле был командующий Московским военным округом Корк и куча народа из МВО, они все были повязаны в заговоре.

— То есть заговор был?

— Конечно. И документы есть. Вот нынешний директор ФСБ взял бы и приказал своему архиву опубликовать эти документы.

— В последнее время часто говорят, что Берия был за демократизацию, за изменение отношений Советского Союза с другими странами…

— Нет, за Берией такие «грехи» не числятся. Он как был порождением партийных структур, таким и оставался. Он, как и Хрущёв, считал, что наша страна должна находиться в конфронтации с Западом; что о подъёме жизненного уровня поговорим лет через 200. И вот Хрущёв с Берией и ходили рука об руку. У нас же многие не знают механизма, технологии работы ЦК. Документы готовили в аппарате у Хрущёва, а затем с какими-то он выходил на бюро, что-то от своего имени предлагал Берия… А если взять все, что предлагали тот и другой, то окажется, что это единый комплекс документов. Главное, чего они тогда добивались, — это ни в коем случае не снижать расходы на «оборонку» и всячески усиливать самостоятельность союзных республик, — то, против чего всегда выступал Сталин.

Хрущёв считал, что у нас уже построен социализм. При Сталине восточноевропейские страны как назывались? Страны народной демократии. Сталину они были нужны только с одной целью — предполья (есть такое понятие у военных). Если Запад снова нападет на нас, то они уже не как в 1941 г. сразу вторгнутся на нашу территорию, а будет довольно обширное пространство между. При Хрущёве как это стало называться? Соцлагерь. При Сталине мы создали только Совет экономической взаимопомощи как ответ на план Маршалла и доктрину Трумэна. Хрущев создает Организацию Варшавского договора. Ни Сталин, ни Молотов — никто не пошел на создание военной организации. Сталин не отдавал ни КВЖД, ни Порт-Артур, это сделал, никого не спрашивая, Хрущев в самолете, по дороге из Москвы в Пекин. У Юрия Олеши была пьеса «Список благодеяний». Вот если сделать такой же список прегрешений Сталина и прегрешений Хрущёва, поверьте, хрущевские прегрешения здорово перевесят.

— А благодеяния?

— Кому Хрущёв подарил Крым? За то, что делегаты партийной организации Украины поддержали его выдвижение на пост первого секретаря. Что он дальше сделал? Отменил выплаты по облигациям, не посоветовавшись ни с кем. Заявил, что мы через четыре года, а то и через два можем обогнать американцев по молоку, хлебу, мясу, шерсти. Ан нет, ничего этого не произошло. Эпопея с целиной. Да, первые два-три года — великолепные урожаи. Но в таких случаях забывают посчитать, как упали урожаи в европейской части страны, откуда сняли все деньги, направив на целину. Если взять наши общие урожаи, собранные в стране до целины, во время целины и после, то окажется, что больший вред сельскому хозяйству трудно было нанести. Ну, «талантливый человек», что делать! Если слово «троцкизм» употреблять не в бранном смысле, а в чисто политическом, то Хрущев был троцкистом. Он был сторонником мировой революции и пытался провозгласить любую страну, потерявшую колониальную зависимость, социалистической. Вспомните Золотую Звезду Насера, Бен Беллы (руководитель Алжира, о котором уже никто сегодня не помнит), подарки оружием Индии, Бирме, Индонезии.

Сталин — демократ?

— Вернёмся к Сталину, почему все-таки к нему не ослабевает интерес?

— А сколько книг о Сталине было при Сталине? Раз, два — и обчёлся. Потом — хрущевский период замалчивания. А потом, с началом перестройки, когда вновь покатили все бочки на Сталина, пошли одна за другой книги. И сегодня о нем говорят, пишут, снимают фильмы. Плохие, хорошие, но в подоснове лежит одно: понимание того, что Сталин выражал национальные интересы страны. Он был по-настоящему великим государственным деятелем. Я бы сказал, что в нашей истории было два таких человека: Пётр Первый, который начал вытаскивать Россию из болота, и Сталин, который повторил этот подвиг Геркулеса. Люди — антисталинисты, сталинисты — как бы внешне ни оценивали его, ругали или захваливали, придумывали «за» и «против» него, всё равно не могут понять, что в XX веке нашей страны не было бы, если бы не было Сталина. Раздавили бы. И только потому, что он сделал всё, чтобы страна устояла во время войны и победила, а после войны страшной ценой, отказом народа от повышения жизненного уровня создал ядерное оружие (1949-й — атомная бомба, 1953-й — водородная). Создание авиации дальнего действия — стратегических бомбардировщиков, ракет — это же всё начало создаваться при нём. Не было бы нашей страны, уничтожили бы раньше, чем её разорвали в клочья партократы в 1991 г.!

Меня это потрясло. Живёшь в стране, и вдруг тебя лишают этой страны — только шизофреник может к этому отнестись нормально. И я попытался сначала для себя понять, как мы смогли к этому прийти. Начал я с 1960-х гг., вижу — не получается. Стал смотреть послевоенные годы — тоже, все концы уходят глубже. И мне пришлось идти все время как бы назад и дойти до 1930-х гг. На счастье, как-то я сидел в бывшем партархиве, и вдруг с огромным мешком рассекреченных протоколов Политбюро идет мой однокашник по Архивному институту. И я воспользовался этим моментом и первым прочитал их подряд. Я не думал тогда о Сталине, но вдруг увидел, что Сталин никогда не был единоличным правителем, всегда были три-четыре человека. При этом там же сохранились листочки голосований — кто «за», кто «против», оригиналы документов, которые подавались…

— Неужели Сталин был демократическим руководителем?

— Ох, хорошо бы, чтобы у нас сегодня были такие люди. Мы ничего не знаем о том, как функционировала наша власть. Как-то мне довелось почти месяц работать с Микояном в Кремле, я как журналист, а он — автор. Это было в 1972 г. Он все время ехидно подсмеивался, говоря, что я хоть и историк, но ничегошеньки не знаю. Я соглашался, а он мне рассказывал массу необыкновенного, подтверждение чему много лет спустя я нашел в архивах. И это перевернуло мои представления о власти. Никто никогда всерьез не говорил о том, как сконструирована, как действует наша власть. Не положено было раскрывать такие вещи при Сталине. При Хрущеве, наоборот, старались чернить, мазать погуще дегтем все, что было до Никиты Сергеевича. А потом — гробовая тишина. Но главные документы были закрыты. И когда я их прочитал, то, как Колумб, для себя открыл новый континент. При этом я постоянно сличал: вот приняли такое решение, а что писали газеты, политические и литературные журналы, а что писалось в книгах? Мно-гие любят говорить, что эти документы — подделка, один мне даже сказал, что вот недавно сели и все документы подделали. Но мне неудобно было ему объяснять, что тонны документов подделать невозможно, есть и почерк, и старение бумаги, и прочее, и даже литературные обороты, термины, которых сегодня уже не встретишь ни у кого. Все это достоверно.

Когда я работал в архиве, то стал сопоставлять, что же мы придумали про кровавый, тоталитарный режим и что на самом деле было. Вот это меня и заставило сначала для себя написать книгу «Иной Сталин», при этом я долго советовался с женой, она мне говорила, что еще рано, что нужно, чтобы прошло поколение, чтобы все окончательно забыли. Но меня это

глодало, и я не мог не написать, мне было не важно, будет она опубликована или нет. Вот повезло, издательство ухватилось, опубликовало колоссальным, по нынешним меркам, тиражом.

— А какой отклик ваша книга с, прямо скажем, удивительными открытиями вызвала в научном мире?

— К сожалению, никакого. Тишина.

— Надеюсь, что мы нарушим эту тишину.

Вне схватки

— Когда я перекопал документы 1920-х гг., вдруг обнаружил то, что, в общем, лежало на поверхности: Сталин никогда не рвался во власть. После смерти Ленина он несколько лет был вообще вне схватки. Политбюро состояло из двух групп: Троцкий, Зиновьев, Каменев — леворадикалы и Бухарин, Рыков, Томский — праворадикалы. Разница между ними заключалась только в одном: если первые считали, что нужно ускорить мировую революцию (по идее Зиновьева революцию в Германии в 1923 г. решили начать 9 ноября и послали туда кучу нашего народа, чтобы они организовывали восстания, перевороты, но у них ничего не вышло), то вторые считали, что нужно, наоборот, спокойно дожидаться мировой революции. И те, и другие исходили из того, что мировая революция непременно будет, а Россия как была, так и должна оставаться преимущественно аграрной страной. Троцкий по подсказке своей правой руки в области экономики Преображенского полагал, что подъем промышленности необходимо проводить за счет ограбления крестьянства в целом; Зиновьев и Каменев считали, что нужно опираться все-таки на середняка и давить одного кулака. А Бухарин, Рыков и Томский считали, что крестьян не нужно трогать вообще, дать им свободу и за счет этого страна заживет, а в остальном — тоже полагали, что Запад нам поможет. Сталин, в тот момент седьмой член Политбюро, был вне этой схватки.

— Но он же был генеральным секретарем?

— С 1923-го по 1926 г. должность председателя Совнаркома значила гораздо больше, чем генсек. Ленин не занимал должности в партии, кроме как член Политбюро, — он был председателем Совнаркома. И потому в то время, кто бы ни руководил партийным аппаратом, главным все-таки считался председатель правительства, а им до своей отставки в декабре 1930 г. был Рыков. И вот борьба между левыми и «правыми» привела к тому, что Сталин невольно стал выдвигаться на первый план. Схлестнувшись, две основные силы, ослабляя себя, укрепляли Сталина.

Сегодня почему-то кажется, что вот ввели нэп и все зажили прекрасно. Это не так. 1923 г. — безработица, забастовки чисто экономического характера. 1926-й — еще хуже, промышленность почти ничего не производит, зато крестьяне процветают — великолепные урожаи, а деньги от продажи зерна, мяса, молока девать некуда: нечего купить — и потому снова экономический кризис. Возникает вопрос: как же так, государство пролетарской диктатуры, а пролетариат живет хуже и служащих, и крестьян. И по сути, все разговоры о партийной борьбе скрывали за собой только одно: поиск того курса, который позволил бы нашей стране не просто выжить, а как-то окрепнуть.

Сталин, который до того занимался вроде бы только национальными делами, вносит на обсуждение идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Так как мировая революция произойдет не скоро, то никто не мешает забыть наконец об обязательствах перед пролетариатом Западной Европы и Соединенных Штатов и вспомнить о своих людях. В октябре 1926-го проходит XV партконференция, на которой решают поднять

зарплату рабочим. Но как? За счет резкого сокращения количества чиновников. Вот государственный подход! Средства, которые шли на содержание этого «крапивного семени», как говаривал Гоголь, пустили на подъем зарплаты рабочим. Это было первое, чего исподтишка сумел добиться Сталин. Почему сумел? Потому что в тот момент Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Серебряков, Сокольников, т. е. все леворадикалы из «ленинской гвардии», проиграли в борьбе за генеральный курс страны и перешли к тому, что является государственным преступлением во всех странах мира (и в Китае, и в Соединённых Штатах, и где угодно), — к подпольной деятельности.

Сталин — могильщик революции

Подпольная работа оппозиции началась с войны цитат. Для начала Троцкий передал через Бориса Суварина на Запад неизданные работы Ленина, в том числе и письмо к съезду, известное как «Завещание Ленина». И сразу же в стране начался скандал. Журнал «Большевик» в августе 1925 г. опубликовал две реплики — Троцкого и Крупской, которые стали доказывать, что это все ложь, клевета на партию, на Ленина, на страну… Но что любопытно: проходит 9 месяцев, и Зиновьев с Каменевым обращаются в Политбюро с требованием опубликовать «завещание». Почему? Потому что до этого Рыков, который в силу своего поста — председатель Совнаркома, глава правительства — ведший все Пленумы партии, решил начать борьбу с Зиновьевым и Каменевым и разрешил публикации о том, какую позицию в 1917 г. по отношению к предстоящей Октябрьской революции занимали Зиновьев и Каменев. Как известно, Ленин их обзывал нехорошими словами, так как они были против. Рыков это использовал. В ответ Зиновьев и Каменев решили использовать «завещание», чтобы опубликовать характеристику, данную Лениным Рыкову!

История с «завещанием» вылезла на повестку дня июньского (1926) Пленума, где обсуждали сугубо экономические вопросы, обсуждали так горячо, что председатель ВСНХ Дзержинский умер от переживаний, от того, что не мог доказать Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, как нужно развивать промышленность. И затем последовало страшное обвинение со стороны Троцкого в адрес Сталина: он на заседании Политбюро заявил, что Сталин — «могильщик партии и революции». Троцкий оказался провидцем, не понимая, правда, насколько глубоко заглянул в будущее. Сталин в тот момент еще не думал о том, что партия уже изжила себя, что революция завершилась, и полагал, что революции в нашей стране найдется поддержка если не в Индии, то уж в Китае обязательно. Тем не менее он был вынужден отвечать Троцкому. И, отвечая, также использовал «завещание», говоря о том, как Ленин писал о Троцком. И с этого момента «завещание» превращается в дубинку, которой то Зиновьев, то Троцкий, то Сталин, то Бухарин, то Рыков бьют друг друга по головам.

В октябре 1926 г. Зиновьев и Троцкий оказываются вне Политбюро. Они начинают то, что очень искаженно нашло отражение в сериале «Завещание Ленина», — подготовку если не восстания, то мощного движения в партии и стране. Троцкий со своими сторонниками выступает на московских заводах, на железной дороге. Зиновьев — на крупнейших заводах Ленинграда, в том числе на Путиловском, пытаясь поднять массы в свою защиту. Они, добиваясь изменения руководства, пускают слух о том, что Рыкова якобы готовы избрать генсеком, сталкивая таким образом Сталина с Бухариным, Рыковым и Томским. Страсти разгорелись на уровне уже не Политбюро, а более широкого руководства и достигли того, что в конце декабря 1926 г. Сталин в сердцах написал заявление об отставке.

Тогда он не имел того значения, которое ему придают сегодня, он еще неизвестен широко в партии. Он не понимает, почему драка между Зиновьевым и Рыковым выливается в травлю его, Сталина. И, как я полагаю, он по-человечески решил: да пойдите вы все куда подальше, надоели вы мне со своими сварами. Нельзя без конца прикрывать главное, что есть в стране — экономические проблемы, — войной цитат.

Экономика и репрессии

Пленум отставки Сталина не принял, и он невольно оказался тем центристом, который вынужден был защищать именно средний курс. Да, индустриализация, но за счет внешней торговли. То есть, с одной стороны, то, чего требовали троцкисты, — ускоренная индустриализация; а с другой — то, чего требовали «правые», — не трогать крестьян. Будущее показало, что подобные компромиссы ни к чему хорошему не приводят. Кто мог предположить в октябре 1928 г., когда начали выполнение первого пятилетнего плана, что через год разразится мировой кризис и никто не будет ничего покупать, а будет стремиться только продать. И это тогда, когда мы влезли по уши в долги, ибо все, что мы строили в первую пятилетку, строили в долг. У Форда купили Горьковский автомобильный завод; также у американцев — Сталинградский и Челябинский тракторные, Ростсельмаш… Что делать: бросить то, что начали строить, или продолжать? Решили продолжать. За счет чего? И вот тут-то и пригодились домзаки — дома заключений, как именовали в 1920-е гг. тюрьмы, где перевоспитывали уголовников. Решили их заставить работать. Где? Прежде всего — на лесоповале. Почему? Да потому, что лес был одной из главных статей экспорта, ибо какой бы кризис ни бушевал в Великобритании, ей необходим был строевой лес. Лесоповал обходился в гроши, но мы получали за это валюту, которой расплачивались с долгами. Тогда по инициативе Ягоды, о чем написано в книжке «Канал имени Сталина» про строительство Беломорско-Балтийского канала, было решено использовать заключенных (но я хочу напомнить всем, что 90 % их — уголовники: убийцы, бандиты, насильники, воры, растратчики, те, кто к политике никогда никакого отношения не имел) как дармовую рабочую силу. И таким образом хоть как-то выкрутиться из того страшного экономического положения, в котором мы оказались.

Кроме того, членам Политбюро было очевидно, что грядет агрессия капиталистических стран против СССР — в 1930 г. папа римский открыто призвал весь мир к крестовому походу против страны нечестивых большевиков, и не было уверенности, что мы сможем отразить новую интервенцию. Поэтому и значение индустриализации усилилось. Но тут возник замкнутый круг. Неграмотных рабочих набирали на строительство заводов, металлургических комбинатов; немножко подучив, ставили их к конвейеру, к мартенам. Естественно, они тут же все ломали. Не потому, что хотели, а потому, что не умели, не имели опыта. И тогда нормальные недоработки повернули как контрреволюционное преступление. Сталинградский тракторный: три трактора выпустили — и на год закрыли. Кузнецкий металлургический пустили, на съезде отчитались, а еще пять лет доводили до кондиции половину домен. И это при том, что первый пятилетний план был в 1930 г. скорректирован чуть ли не в 100 раз. Сегодня никто не вспоминает, что в первую пятилетку мы должны были построить в Ленинграде автомобильный завод, многие наши великие стройки: электростанции, Волго-Донской канал, БАМ должны были появиться во вторую пятилетку. Все эти трудности, как я полагаю, и привели к тем страшным жестокостям, которые у нас тогда воцарились.

При этом я имею в виду не только массовые репрессии, а ту систему использования ГУЛАГа как рабочей силы. Еще раз повторяю: мы должны твердо помнить, что как минимум 90 процентов заключенных были уголовниками. Не забывайте: Гражданская война обернулась, помимо всего прочего, огромным количеством беспризорников, детей, которые остались без своей семьи. А среда беспризорников, это мы видим и сегодня, порождает преступников. Недавно увидел сюжет по телевидению, как в каком-то лагере в Свердловской области 19-летних уголовников учат читать и писать — они до этого никогда не учились. А тогда, в 1920-е и начале 1930-х?

И как поступать с этими уголовниками? Я не правозащитник и не буду рыдать над судьбой человека, за плечами которого четыре убийства или пять изнасилований. Для меня это — конченый человек. Но как поступать с этим отребьем общества? В Италии — мафия, в США — мафия, там сидят сотни тысяч за уголовные преступления, это всё нормально, это — демократия…

— **Но у нас сажали и за анекдоты, и за пресловутые «колоски».**

— Но все забывают о том, что в 1936 г. всех посаженных «за колоски» (более 800 тысяч человек — почти миллион!) выпустили и вернули им гражданские права вплоть до права избирать и быть избранным. И здесь я не могу не вспомнить слова одной старой женщины, которая провела всю жизнь в своей деревне под Истрой: «Нужно выкапывать Сталина и сажать на власть». У меня отвалилась челюсть: «Почему?» Она говорит: «Раньше мы знали: сорвёшь на колхозном поле морковку — посадят. Но зато мы никогда не закрывали двери в домах, и у нас не было ни воровства, ни бандитизма». Сегодня всё дозволено — вот что она имела в виду. Вы понимаете, не все люди дозрели до того, чтобы не красть, когда можно красть. Наш человек ещё младенец в общественной жизни, не может он пройти мимо, если что-то плохо лежит, ему нужна рука старшего, воспитателя. Вспомните: 1215 год, Великая хартия вольностей — вот начало демократии в Англии. Им понадобилось 600 лет, а мы хотим всё за один день.

Чаша сия

И вот здесь-то я и начинаю понимать, как не хотел Сталин брать на себя ту роль, которая неизбежно приведет к тому, что его будут проклинать многие, не все, но многие. Он дважды писал на Пленум прошение об отставке: не могу занимать этот пост, больше не в силах. В этом есть что-то похожее на слова Христа, когда он просит Бога, чтобы его миновала чаша сия. Если бы я был писателем, то написал бы роман именно об этой ассоциации, когда человек понимает, что он идёт на распятие, на гибель, на преступления, но ради того, чтобы другим потом было лучше.

— **Извините, меня шокирует такое сравнение…**

— А булгаковский роман «Мастер и Маргарита» вас не шокировал, когда в 1969 г. вы прочитали первую часть в журнале «Москва»?

— **Это другая тема, хотя надо признать, что Сталин спас Булгакова, когда рапповцы требовали расправы над ним, с другой стороны, Булгаков не проливал горьких слёз, когда судили Зиновьева, Бухарина и других «верных ленинцев».**

— Сталин лучше нас с вами понимал, что нельзя ни за 10, ни за 20 лет создать богатую страну. Нам «демократы» 20 лет обещали роскошь. А тогда за 20 лет мы смогли добиться очень многого. И добились бы большего, не будь войны. Ну кто виноват, что только что построенные тракторные заводы мы должны были превращать в танковые? Хорошо американцам было — на их страну не упала ни одна бомба. Но тем не менее своих японцев после Перл-Харбора они в 24 часа переселили в пустыню. На Аляску не повезли — дорого, хлопотно и долго. Проще — с Западного побережья прямо в пустыню, где многие из них и умерли. Что же сегодня не обвиняют в этом страшном преступлении Рузвельта?

Красной нитью в Особых папках Политбюро за 1925–1927 гг. проходит тема разоружения Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана. Мы забыли, что в 1920-е гг. в день выдачи зарплаты на нефтепромыслах чеченцы в конном строю спускались на Грозный и забирали те деньги, которые предназначались в качестве зарплаты рабочим. Ну, привыкли так жить! Как вы думаете, сколько нужно веков, чтобы приучить к общественно полезному труду? Наверное, не одно поколение.

Как быть, если плодородной земли в европейской части страны на одного крестьянина — 5–6 соток в лучшем случае? Можно заниматься товарным хозяйством, т. е. работать на себя и на продажу? Кто виноват, что мы северная земля, что у нас, начиная с Тулы, земли ничего не дают, что плодородные почвы — только на Украине и Северном Кавказе? А если пойти на то, чтобы раздать каждому крестьянину то количество земли, которое необходимо для

производства — стандартная американская ферма, — мы должны будем 9/10 крестьян выселить из деревни. Куда? Что, есть рабочие места? Если есть, где им жить? Такое положение сегодня, но оно было во сто крат страшнее в годы первой пятилетки.

— **И в этом вы видите причину появления производствен но-зэковской империи ГУЛАГ?**

— Ничего не берется ниоткуда. Были «гулаги» и в США, и в Англии, и во Франции. Французы имели каторгу в Южной Америке — французская Гвиана. Эта каторга была пострашнее нашей колымской: хоть там и не мерзли, но там были топи, малярия, ядовитые змеи, аллигаторы и бог знает что ещё — люди умирали через несколько месяцев. Во всех странах были свои «гулаги», просто нигде не было Сибири, где 12 месяцев зима, а остальное — лето. Но кто создал этот климат, этот замороженный континент — Ленин, Сталин, Ягода? Что делать, если нужно добывать олово, без которого промышленность не может, а олово — на острове Колгуев, а остров Колгуев — между Баренцевым и Карским морями, где полгода — ночь, полгода — день, а температура летом не выше плюс трех градусов?.. И никто никогда туда добровольно не поедет…

— **То есть вы полагаете, что альтернативы не было: либо огромные жертвы, но будет страна, либо не будет страны и жертв будет несравненно больше?**

— Конечно. И люди это понимали, они шли на лишения, отказывали себе во многом, понимая, что это нужно если не для них, то для их детей. Действительно, был величайший энтузиазм перед войной, в годы первых пятилеток.

— **Очень распространено мнение о том, что Сталин был патологически жесток и маниакально стремился к власти.**

— Эту точку зрения активно распространял Хрущёв. Вот кто точно «маниакально стремился» к власти. Что касается жестокости, то зверства председателя Реввоенсовета Троцкого: децимации в Красной Армии, геноцид казачества, репрессии против духовенства, расстрелы заложников (в том числе детей) — коснулись миллионов. А идейный последователь Троцкого, борец за мировую революцию Хрущёв был одним из главных инициаторов массовых репрессий 1930-х гг. Характерный факт: в июле 1937-го «дорогой Никита Сергеевич» телеграммой (я ее держал в руках) просил НКВД дать ему право дополнительно расстрелять ещё 8500 москвичей, но даже Ежов вынужден был снизить эти цифры до 5000.

До, во время и после Сталина страной правили люди Гражданской войны, безусловно, жестокие люди. Другое дело — результат их правления. И здесь не могу не повторить слова, которые приписывают Черчиллю: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Этот исторический путь всего за два десятилетия, включая Великую Отечественную войну, прошла наша страна.

«Наши пришли»

— Вы затронули вопрос веры, религии…

— Ни Сталин, ни его товарищи по продвижению в жизнь курса превращения нашей страны в нормальную индустриальную державу никогда не выступали против религии как таковой. Они твердо придерживались мнения: религия — частное дело каждого человека. И при Сталине никого только за то, что он верующий — не важно, в Христа, Будду, Иегову или Магомета, — никто никогда не арестовывал. Да, большевики боролись в 1920-е, а в 1930-е гг. уже не так сильно по сравнению с тем, что потом с церковью творил Хрущёв. Сталин в 1943 г. пошёл на восстановление структуры Русской православной церкви во главе с патриархом.

— Зачем?

— Для упрочения национального курса. Сталин стал расставаться с коммунистическими доктринами в 1934 г., когда по его предложению страна вступила в Лигу Наций, ту Лигу Наций, которую он лично ещё в 1929 г. поливал как исчадие ада. Затем пошел на заключение с Парижем и Прагой антигерманского договора, что являлось формой воссоздания Антанты. Затем в 1935 г. начал фактическую ликвидацию Коминтерна и замену его народными фронтами, победившими вскоре во Франции и Испании. Всем компартиям было предложено: хотите войти в правительство, получить власть — действуйте нормальным парламентским путём. Это было очень важно. Наконец, перед войной — приказ по Комитету по делам искусств о снятии с репертуара Камерного театра комической оперы Бородина на новый текст Демьяна Бедного «Богатыри», где прямо говорилось, что опорочивается идея крещения Руси, имевшего прогрессивное значение для развития страны. Сталин восстановил и погоны, и персональные звания в армии, и церковную иерархическую структуру. Он понял, что нельзя было лишать народ чувства национальной гордости. Вот анекдот начала 1943 г. Старый царский генерал подходит утром к окошку, смотрит на улицу, где маршируют ребята в погонах, и кричит жене: «Маша, Маша, иди скорей, наши пришли!»

Сталин сделал очень серьёзный шаг вправо, а белогвардейский лагерь тогда же сделал шаги по направлению к Сталину. Павел Милюков, лидер кадетов, человек, фактически создавший Белое движение, в передовой газеты «Последние новости» 23 июня 1941 г. писал, что отныне вся русская эмиграция должна поддерживать Советский Союз и Сталина, ибо «если мы это не сделаем, мы предадим собственные идеалы периода Гражданской войны». Когда Мережковский и Гиппиус послали в тот день поздравительную телеграмму Гитлеру, вся эмиграция перестала с ними здороваться.

— **А многотысячные расстрелы казаков Краснова? А миллионы военнопленных, которых из немецких концлагерей переселили в ГУЛАГ?**

— Вот здесь мы опять становимся на весьма зыбкую почву домыслов и легенд. Казаки, о которых идёт речь, носили германские мундиры, уничтожали партизан в Югославии, боролись с союзниками во Франции, когда их туда направляли. Это были германские, нацистские формирования, такие же, как эстонская, латышская дивизии СС. Казаки Краснова воевали против нашей Родины, и их жалеть? Французы ведь не побоялись судить Петена за то, что он подписал с немцами мир и стал главой французского государства под эгидой Берлина, они запретили на некоторое время работу Коко Шанель за то, что она жила в открытую с эсэсовцем, запретили выступать Эдит Пиаф за то, что она пела немцам…

Что касается наших военнопленных, которые оказались в ГУЛАГе. Это опять во многом придумки. Напомню, в Англии начиная с 1940 г., после Дюнкерка, любой бежавший с континента на острова попадал в фильтрационный лагерь, где его держали день, месяц, год или несколько лет, пока не завершалась проверка, а не подослали ли его немцы. Так действовали англичане. У нас было то же самое. Проверяли военнопленных: были ли они во власовской армии, работали ли на немецких заводах или отказывались от того и другого, оставаясь в концлагерях. И после проверки их соответственно либо наказывали, либо отпускали.

Вспоминая о будущем

— **Какой вывод для нашей страны можно сделать из того, что открылось вам в Особых папках Политбюро?**

— Я надеюсь, что, может быть, прошлое когда-нибудь научит нашу власть и она перестанет вести себя, как ребенок, который думает, что можно вот сегодня ввести

демократию. Нигде этого не было и никогда не будет. Нельзя в течение одного дня построить капитализм. Нельзя в течение трех дней создать средний класс. Почему-то у нас забывают, что во всем мире средний класс — это врачи, юристы, профессура. У нас же под средним классом понимают лоточников, которые занимаются тем, чем во всём мире занимаются эмигранты в первые месяцы пребывания в той стране, куда они приехали. Это не средний класс. У нас все время делают главным третьестепенное, а главное предают забвению. Главное на сегодняшний день — наука. Без науки не будет образования, не будет медицины, не будет оборонки — ничего не будет. У нас доктору физико-математических наук, занимающемуся атомом, платят столько же, сколько уборщице в Министерстве науки и высшего образования. И министр Фурсенко это великолепно знает, и, следовательно, он, по понятиям 1930-х гг., — враг народа, потому что, уничтожая науку, он уничтожает будущее страны.

Чиновники. Их сегодня в России гораздо больше, чем было в СССР, — и партийных, и государственных. Надо действовать, как действовали в 1926 г.: сократить в 10 раз чиновничество, а разницу отдать на выплату пенсий. И сделать все это можно в течение одного дня. Надо думать о стране и ее народе и наплевать на всех олигархов. У нас любят говорить о Соловецком камне. А почему бы «мемориальцам» не спросить: каким образом Норильский комбинат, созданный трудом заключенных, — многие годы только они там и работали, — почему он стал собственностью одного человека? Он что, купил кости умерших там? Как он вообще стал восприемником ГУЛАГа? И Абрамович на Чукотке — тоже восприемник. Так, значит, у нас просто изменилась форма ГУЛАГа: раньше были лагеря, а теперь олигархи? А те, кто говорит о том, что так и должно быть, как раз из тех, кто писал доносы, чтобы пополнять лагеря.

Для меня опыт ГУЛАГа крайне отрицателен. Но можно ли было тогда сделать иначе? Не знаю, не был во власти в то время. Но просто как гуманист не могу это воспринимать и как гуманист не могу воспринимать олигархов, которые заменили собой начальников лагерей.

— Создаётся впечатление, что вы — яростный поборник Сталина?

— Ничего подобного. Ни в одной моей книжке, ни в одной статье вы не найдете ни одной фразы, где я превозносил бы Сталина. Для меня он просто историческая фигура, и я, как профессионал, должен дать максимально объективную картину деятельности этого человека, в чем заключалась его политика и как он пытался ее проводить. В том, что это идет вразрез с направлениями-антиподами — сталинизмом и антисталинизмом, — я не виноват. Меня, кстати, на дух не переносят ни те, ни другие…

Примечания

1

Не снятый на момент публикации гриф секретности с документов по делу об убийстве С.М. Кирова вынуждает ограничиться в данном, а также и во всех остальных случаях цитирования следственных материалов глухой ссылкой лишь на Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), личный фонд Н.И. Ежова.

2

29 ноября 1934 г. «Ленинградская правда» поместила объявление о собрании 1 декабря в 18 часов во Дворце Урицкого (Таврическом) партийного актива ленинградской организации ВКП(б) по итогам ноябрьского Пленума ЦК.

3

В функции оперативного отдела, в частности, входила охрана С. М. Кирова, а также здания Смольного.

4

Борисов М. В., 1881 г. рождения, из крестьян, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., оперативный комиссар 4-го отделения оперода УНКВД по Ленинградской области, в ОГПУ с 1924 г., ранее работал сторожем; погиб 2 декабря 1934 г. в 10 часов 50 минут при наезде грузового автомобиля на стену дома № 50 по улице Воинова.

5

На допросе 3 декабря на вопрос: «Как вы попали 1 декабря в Смольный?» Николаев ответил: «Я прошёл по партбилету».

6

Чудов М. С. — секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), ***Кодацкий И. Ф.*** — председатель исполкома Ленсовета, ***Позерн Б. П.*** — секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

7

Фомин Ф. Т. — заместитель начальника УНКВД по Ленинградской области.

8

Губин А. А. — начальник оперативного отдела УНКВД по Ленинградской области.

9

Генрих Ягода, с. 390–391.

10

Справочник «Весь Ленинград на 1933 год» (Л., 1934, с. 19) дает такую информацию: Германское генеральное консульство ул. Герцена, дом 41, тел. 169 — 82.

11

Реабилитация. Политические процессы 30 — 50-х годов. М., 1991, с. 153.

12

Правда, 4.XII.1934.

13

Генрих Ягода, с. 392.

14

Реабилитация, с. 155.

15

Правда, 22.XII.1934.

16

Генрих Ягода, с. 403–404.

17

Правда, 18.1.1935; Реабилитация, с. 123–170.

18

Кирилова Алла. Рикошет. СПб., 1993, с. 128.

19

Росляков М. Убийство Кирова. Л., 1991, с. 61.

20

Реабилитация, с. 170.

21

Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997, с. 127.

22

История внешней политики СССР. Т.1. М., 1976, с. 308–309.

23

Большевик, 1934, № 13–14.

24

РГАСПИ, ф.82, оп. 2, д. 249, л. 4 — 13.

25

Там же, ф.17, оп. 3, д. 958, л. 6.

26

Там же, ф.82, оп. 2, д. 246, л. 48.

27

Там же, д. 249, л. 1–3.

28

Печатается по: Вопросы истории. 2002, № 1, с. 3 — 26.

29

Берхин И. Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. — Строительство советского государства. М., 1972; ***Кабанов В. В.*** Из истории создания Конституции СССР 1936 года. — История СССР, 1976, № 6.

30

См.: ***John Arch Getty.*** State and Society Under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930 s. — Slavic Review, v.50, № 1, 1991, p. 18–35.

31

Хлевнюк О. В. Политбюро. М., 1996, с. 104–186; ***Соломон П.*** Советская юстиция при Сталине. М., 1996, с. 179–182.

32

РГАСПИ, ф. 17, оп 3, д. 947, л. 39–40.

33

Там же, оп. 163, д. 1028, л. 137–138.

34

Исторический архив, 1995, № 3, с. 131.

35

Исторический архив, 1995, № 3, с. 154.

36

РГАСПИ, ф.558, оп. 1, д. 3275, л. 1 — 10.

37

РГАСПИ, ф.82, оп. 2, д. 249, л. 1–3.

38

РГАСПИ, ф.17, оп. 3, д. 958, л. 38.

39

Правда, 6.II.1935.

40

Правда, 7.II.1935.

41

Генрих Ягода, с. 465; РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1063, л. 136–138.

42

Хлевнюк О. В. Указ. соч., с. 149.

43

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1071, л.178.

44

Там же, д. 1106, л. 134.

45

Берхин И. Б. Указ. соч., с. 67; ***Кабанов В. В.*** Указ. соч., с. 118.

46

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1061, л. 6 — 606.

47

Правда, 5.III.1936.

48

Берхин И. Б. Указ. соч., с. 68–70; ***Кабанов В. В.*** Указ. соч., с. 120–121; Правда, 17.V.1936.

49

РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 563, л. 4–5; д. 572, л. 8–9.

50

Реабилитация. Политические процессы 30 — 50-х годов. М., 1991, с. 216–217.

51

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1107, л. 79–79 об.

52

Там же, оп. 2, д. 571, л. 194.

53

Хлевнюк О. В. Указ. соч., с. 150–151.

54

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1106, л. 134.

55

Там же, д. 1100, л. 15–19; Известия, 21.IV.I936.

56

Известия, 30.XII.1935.

57

Хлевнюк О. В. Указ. Соч… с. 153–154; РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1116, л. 105.

58

Реабилитация, с. 196–210.

59

РГАСПИ, ф.558, оп. 11, д. 93, л. 55.

60

Там же, ф. 17, оп. 163, л. 1124, л. 54–55.

61

Там же, оп. 2, д. 575, л. 13.

62

Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991, с. 234.

63

РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 19, 21.

64

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 532.

65

Правда, 30.XI.1936.

66

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1128, л. 87–88.

67

Там же, д. 1129, л. 107, 123; д. 1131, л. 149; д. 1132, л. 97–99; д. 1133, л. 41–42; д. 1139, л. 170.

68

Там же, д. 1133, л. 170.

69

См. Вопросы истории, 1994, № 10, с. 13.

70

См. Вопросы истории, 1994, № 8, с. 18.

71

РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 983, л. 51, 64.

72

См. Вопросы истории, 1995, № 3, с. 3 — 15.

73

См. Вопросы истории, 1993, № 5, с. 3–6, 13–14.

74

См. Вопросы истории, 1993, № 6, с. 6, 17.

75

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 18, л. 130.

76

Вопросы истории, 1995, № 11–12, с. 22.

77

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1141, л. 69.

78

Там же, д. 1147, л. 98.

79

Там же, л. 94.

80

Там же, д. 1140, л. 48; д. 1147, л. 94.

81

Там же, д. 1145, л. 63.

82

Хлевнюк О. В. Указ. соч., с. 188–189.

83

РГАСПИ, ф.17, оп. 163, д. 1146, л. 113, 170.

84

Там же, д. 1149, л. 137.

85

Там же, д. 1150, л. 104.

86

Там же, оп. 2, д. 614, л. 25 об. — 27.

87

Там же, д. 616, л. 5–9.

88

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 89, оп. 43, д. 48, л. 1.

89

Труд, 4.VI.1992.

90

Хлевнюк О. В. Указ. соч., с. 189. аз. соч., с. 189.

91

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1162, л. 77; д. 1163, л. 16 — 32об.

92

Там же, д. 1160, л. 61об.; д. 1163, л. 31об.

93

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991, с. 292–298.

94

Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991, с. 132–135.

95

Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 86–93.

96

Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1995, с. 120–122.

97

Не снятый на момент написания статьи гриф секретности вынуждает в данном случае, а также и во всех остальных случаях цитирования следственных материалов ограничиться глухой ссылкой на РГАСПИ, личный фонд Н.И.Ежова. В 2003 г. часть следственных материалов опубликована в сборнике «Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 г.» М.: МФД, 2003.

98

РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 131–132.

99

Там же, оп. 3, д. 959, л. 16.

100

Там же, д. 960, л. 15; Правда, 4.III.1935.

101

РГАСПИ, ф.17, оп. 163, д. 1062, л. 169.

102

Там же, оп. 1, д. 144, л. 7, 13.

103

Там же, оп. 163, д. 1057, л. 128–135.

104

Там же, д. 1058, л. 69, 70.

105

Там же, оп. 3, д. 962, л. 63.

106

Генрих Ягода, с. 427–428.

107

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1062, л. 167–169.

108

Там же, л. 164, 165.

109

Там же, д. 1063, л. 75.

110

Там же, оп. 2, д. 547, л. 26–38.

111

Правда, 8.VI.1935.

112

Там же, 16 июня.

113

Там же, 19 июня.

114

Там же, 22 июня.

115

Там же, 28 июня.

116

Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 86–90.

117

РГАСПИ, ф.17, оп. 2, д. 571, л. 205–206.

118

Правда, 29.VII — 5.VIII.1935.

119

См. ***Сувениров О. Ф.*** Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998, с. 160, 167.

120

Генрих Ягода, с. 160–167.

121

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 489.

122

Публикуется с небольшими редакционными поправками по: А. И. Микоян. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения А. И. Микояна, 15 декабря 1995 г. М.: Апрель-95, 1996, с. 35–52.

123

Публикуется по: Крайности истории и крайности историков. Сб. статей. К 60-летию профессора А. П. Ненарокова. М.: РНИСиНП, 1997, с. 208–227.

124

от

125

Публикуется по: XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-Фонд, 22 февраля 1996 г. М.: Апрель-85, 1996.

126

Публикуется с редакционными поправками по: 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. Материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г. М.: ИРИ РАН, 2005, с. 38–44.

127

Публикуется с редакционными поправками по: Государственная Дума, 2008, № 21 от 5 марта и № 22 от 13 марта.

128

Публикуется по: Наш современник, 2004, № 12. (Беседа В. Зубкова).

129

Публикуется с редакционными поправками по: Литературная газета, 2007. № 8 и 49.
